

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

А. В. Болдырев (Курск)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов

ответственный секретарь

Максим Долгов

и. о. начальника отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев

начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов

редактор отдела общественно-политической жизни

Верстка: О. Н. Вялкова

Корректурa: М. Н. Долгов

7/2017

Содержание

ПРОЗА

Татьяна КАТЕРОВА. Записки переводчицы, или Петербургская фантазия. Повесть.	3
Георгий КУЛИШКИН. Томаськино счастье. Рассказ.	93
Анатолий БИМАЕВ. Вор. Рассказ.	104
Борис ПРОТАЛИН. Дурак из сарая. Сибирские побасенки.	117
<i>Представляем молодых</i>	
Юлия ФЕДОРИЩЕВА. Сказка для крестника. Рассказ.	126

ПОЭЗИЯ

Станислав ЛИВИНСКИЙ. Кукушка. Стихи.	88
Майя ШЕРЕМЕТЕВА. Барс в снежных яблоках. Стихи.	100
Рита ТРОШКИНА. О смысле бабочки. Стихи.	112
Андрей ЛУШНИКОВ. О хлебе неземном. Стихи.	124

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Виктор РОЖКОВ. Наследники Киприана. Повесть.	131

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий ЧЕРНОВ. Суслиный луг.	160

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина МАХНАНОВА. Лучившийся жизнью. Борис Пантелеймонов: дополняя образ.	174

Картинная галерея «Сибирских огней»

Светлана БЕЛЯЕВА. Художественные миры Якова Яковлева.	188

<i>Авторы номера</i>	191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор-руководитель ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Шукин.

Татьяна КАТЕРОВА

ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ, ИЛИ ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФАНТАЗИЯ

П о в е с т ь

Посвящается сказочникам 90-х

Пролог

Профессор посмотрел на мятый лист, украшенный прозрачным жирным пятном, похожим на маленькую луну, вздохнул и закрыл тоненькую курсовую.

— И это все? Вам не стыдно?

— Я постарался быть кратким, профессор! Но я много думал, чтобы постичь тайну профессии... Каждый переводчик — это немного волшебник, правда?

— Неправда, — усмехнулся мастер и вдруг подмигнул блестящим серым глазом. Потом он наклонился и тихо сказал: — Мы кто угодно, только не волшебники! Наоборот, мы позволили себя околдовать и стали странниками, обреченными на путешествия в чужих мирах. Запомните, юноша! Искусство перевода — это на самом деле искусство перехода, но об этом знают только посвященные.

Глава 1

— Осторожнее, Анна Александровна! У нас генеральная приборка. Плотно прижавшись к издательской кофемашине, я наблюдала, как двое охранников настежь распахивали шкафы и швыряли все подряд в пластмассовый контейнер.

Рукописи покорно принимали приглашение на казнь (это в любом случае лучше, чем пожизненное, в темноте и одиночестве) и на разные голоса торопливо прощались друг с другом. Диски и дискетки вылетали пестрыми стайками, по-птичьи потрескивая на прощание. Папки и тетради с самоубийственным отчаянием ныряли внутрь, как в омут, и громко падали на дно. Только одна-единственная рваная папка запротестовала и высыпала пожелтевшие листы из своих недр. Однако это ее не спасло: листы как попало собрали, затолкали обратно и палачи утащили прозрачный саркофаг прочь.

— Алиса, но это не приборка! Это какая-то зачистка... Куда их уносят?

— В измельчитель, конечно. — Секретарша укоризненно приподняла бархатные брови: — Анна Александровна, вы же знаете: рукописи мы не возвращаем. Они здесь лежат с конца прошлого века, уже железные полки прогибаются! Это сейчас все в электронной форме, а тогда...

— Все равно — это рукописи! Зачем проявлять такое неуважение?

— А я что? — возмутилась Алиса. — Поговорите с Демиургом — пусть админы меняют правила! Вас уважают, прислушаются. — Она обиженно взмахнула ресницами и стала еще красивее. — Я, между прочим, кое-что просмотрела, чтобы не ошибиться.

— И?.. — спросила я, наблюдая за последней коробкой, мелькнувшей в дверном проеме.

Девушка пожала плечами:

— Какое-то поколение сказочников. Почему в девяностые все писали про волшебников?

— Невыносимая легкость бытия, — вяло процитировала я.

— Понимаю, вы прятались в виртуальной реальности, — усмехнулась Алиса. — Можно сказать, уходили от проблем.

— Прятались? Ничего подобного! И никуда мы не уходили! Мы там жили, потому что девяностые невозможно назвать реальностью — это была сплошная черная магия.

Опять заболела голова... Господи, о чем мы, собственно, спорим? Она же все равно ничего не поймет.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — с сомнением произнесла Алиса. Ее голубые глаза сверкнули из-под соломенной челки, как два сапфира. — Я не понимаю, откуда взялись эти сказочники. Девяностые — это время сильных. Разве нет? Знаете, как я завидую? Все-таки вы посетили «сей мир в его минуты роковые»... Вот о чем стоит писать! И читали бы...

— Ну, пишут же... И даже фильмы снимают.

Она снова сверкнула глазами-драгоценностями:

— А вы тоже писали какие-то сказки? Признавайтесь, виновны в сказочной ереси?

— Возможно.

— В такое время? А зачем? Хотели прославиться? Надеялись заработать?

— Ну, разумеется: какой писатель не мечтает о читателях и гонорахах? Но основной стимул был другой...

Соболиная бровь удивленно поднялась вверх.

— И что же это было?

— Я боялась потеряться в мире сильных и искала единомышленников.

— А разве вы слабая?

Я покраснела: похоже, Алиса меня смутила.

— Постойте-постойте... Почему все обо мне? — Я с интересом заглянула под челку: — А вот вы когда-нибудь читали сказки?

— Пришлось! — Последовал взмах длинных ресниц. — Демиург подарил мне Урсулу Ле Гуин. Вы же понимаете, Леонид Петрович — эстет. Я невольно вздохнула и пожала плечами — старый угодник...

— Из уважения к нему я полистала.

— Понравилось?

— Нет! — Алиса решительно покачала головой. — Это для избранных, а я как все. Мне ваш стиль больше нравится.

— Ого! Я круче классики?

— Вы — гениальный интерпретатор!

Алиса сказала и замолчала. Золотая челка упала на глаза. В воздухе расцвела цикламеновая помада, и девушка стала похожа на Чеширского Кота: ослепительная улыбка в золотом сиянии — и больше ничего...

— Только поймите правильно и не обижайтесь! Вы хороший переводчик, но рассказчик просто гениальный! С вашей методикой можно любую вещь сделать бестселлером. Вы не берете учеников?

Я растерянно молчала — как откровенно! Интерпретатор... Намек на дилетантство — какая наглость! Вот уйду из издательства и посмотрю, что будет с вашими бестселлерами... А может, она шутит?

— Никакой методики нет. Просто переизбыток воображения. Не могу четко следовать подстрочнику. А как у вас с фантазией?

— Да никак, — спокойно призналась Алиса, уловив обиду в моем голосе. — Я реалистка и обожаю успех. Вот моя главная фантазия. А вы — очень успешная! Это мне безумно нравится, и хочется вам подражать.

Было видно, что я ей немножко надоела и Алиса дипломатично закругляет разговор.

— Конечно, сказочницей меня не назовешь, но Демиург говорит, что я отличная фокусница. Как это вам? — И она так мило и задорно подмигнула, что я рассмеялась и простила «интерпретатора». — Опля!

Раз! Пальчики с шеллаковыми ноготками щелкнули, и появилась пластиковая папочка с новыми купюрами и гламурной розовой флешкой.

— Это что?

— Гонорар, конечно! За прошлый перевод. Помните? Про Смутное время и красавицу Марину.

— «Роковая корона»? Как можно забыть этот бред? — У меня даже ладони зачесались. — Редкостное занудство и вранье.

— Сейчас этого не скажешь: после вас «Корона» стала лидером продаж.

— Хорошо, спасибо.

Все это было не очень приятно слушать, потому что бархатный голос Алисы виртуозно балансировал между восхищением и ехидством.

— А это что?

— Домашнее задание, — промурлыкали в ответ. — Какой-то австрийский опус, который конкуренты не взяли. А Леонид Петрович заинтересовался, говорит, что зерно есть. Вам нужно решить, стоит ли овчинка выделки.

— Алиса, напомните, пожалуйста, Демиургу, что у меня выходные, — сказала я, наслаждаясь безнаказанностью: во всем издательстве только я могла так разговаривать с великим и ужасным директором.

— Наверное, куда-нибудь уезжаете? — с интересом спросила Алиса.

— Нет, я буду покупать, — гордо ответила я, подчеркивая каждое слово, — новогодние подарки для всей семьи. (Как приятно произносить слово «семья»!) Мы каждый Новый год встречаем вместе.

— А это не скучно? Мне нравится по-разному встречать Новый год, — с детской непосредственностью сказала Алиса, — чтобы старый был не похож на новый...

Я пожала плечами:

— Это наша семейная традиция, и никто на нее еще не жаловался.

Мы вежливо раскланялись, и я удалилась, чувствуя восхищенный взгляд Алисы. Бог с этим «интерпретатором»! Прозрачная папочка (точнее, ее содержимое) поддержала мою успешность на нужном уровне. Быть по сему! Хоть для кого-то стану эталоном.

Покинув издательство, я поняла, что предстоит бессонная ночь: Алиса со своим измелчителем доконала мои не очень крепкие нервы. Дома я честно выпила валерьянки, досчитала до тысячи и включила фильм: сна не было ни в одном зрачке...

Внезапно я поняла, что смотрю не на экран, а на свой антикварный письменный стол, вернее, на старинную чернильницу в виде замка со львами. Рядом пасся огромный бронзовый лось. В нарушение всех сказочных правил с рогов глумливо свисали наушники и зарядка, чтобы не потерялись. А на львиные спины я привыкла класть телефон, игнорируя обиженные морды. Но когда-то... «Маленькую дриаду разбудил странный звук, как будто треснул лед на озере или раскололся гигантский алмаз. Однако сейчас осень и в лесу нет никаких алмазов: они прячутся под землей, в горах... Дриада в недоумении раздвинула красно-желтые листья маленькой когтистой лапкой и зашипела, как кошка. Что он делает? Скоро на небе кончатся звезды! Эй, здоровяк, немедленно прекрати! Но огромный лось не слышал ее. Он стоял посреди поляны и с наслаждением купался в потоках лунного света. Мощные рога задевали звезды, и они, как крошечные светлячки, летели к земле...»

Так начинался мой роман: я все помню. Тролли, дриады, эльфы... Конечно, уход от действительности. И все-таки хорошо, что мою синюю тетрадь не пропустили через измелчитель — пусть дремлет в стенном шкафу среди старых фотографий. Мне стало грустно и жаль себя. А с другой стороны, ведь лучше хороший интерпретатор, чем плохой писатель.

Я развернула золотой шарик «Роше» и отправила в рот. Честно говоря, так себе конфеты. Интересно, откуда такая цена? Вспомнились девчонки, когда впервые появилось это чудо и еще сотни заморских чудес. В чем-то Алиса права: тогда было весело, от нового и неизведанного захватывало дух. Все мы, бывшие граждане Страны Советов, дружно выполняли петлю Иммельмана со скоростью 100 километров в минуту, при этом перестроечный аттракцион горел и дымился. Полагались на удачу: кто успеет — молодец, не успеет — сказке конец. Мне удалось вписаться во все повороты, правда, не слишком грациозно.

Для начала я, молодая вдова, ушла с кафедры и устроилась в детский садик, чтобы Владик был под присмотром. Там тоже не платили зарплату,

зато кормили и мы с сыном были вместе. Однако жить без желаний оказалось очень трудно, да и коммунальные счета садииковской котлетой не оплатишь. И тогда, наблюдая за стайками иностранцев на Невском, я вспомнила, что закончила художественную школу, и решила... расписать матрешку.

Вопреки всем правилам, получилась настоящая Неточка Незванова с огромными печальными глазами и тугими локонами. Головку украшал изящный капор. Правой ручкой она грациозно держала кружевной зонтик, левой опиралась на миниатюру с Исаакием. Потом я два дня, затаив дыхание, лачила матрешку кисточкой, добиваясь прозрачности белых ночей. Окинув Неточку (так я и назвала свое создание, да простит меня Федор Михайлович!) придирчивым взглядом, мне стало очевидно, что такой литературной матрешки не будет ни у кого и я в какой-то степени тоже гений.

Страшно смущаясь, я отправилась в Екатерининский садик, окруженный столиками.

— Простите, вы не берете матрешки?

— Нет, не беру, — отвечали мне даже не взглянув.

— Извините, вам не нужны матрешки? Я художник.

— Не нужны.

Я обошла весь садик и грустно побрела прочь, прижимая к груди свою девочку. И вдруг...

— Жэ-энш-шина, вы художник? Покажите.

Последним в ряду стоял бронзовый восточный красавец с карими глазами и длинными ресницами — как у моей Неточки. На столике теснились симпатичные румяные матрешки; сзади, на садовой решетке, висели оранжевые и синие картины, напоминающие живопись Сарьяна.

Было видно, что моя матрешка торговца поразила. Он в недоумении ее крутил, рассматривал с разных сторон, потом симпатично и широко улыбнулся:

— Слушай, а почему он такой печальный, а? Голова, наверное, болит... Лак очень хороший — ты все сам делал?

Он явно игнорировал женский род.

— Сам, — грустно ответила я и потянулась за матрешкой.

Он отвел мою руку:

— Слушай, ты художник, и я художник. Я возьму твой печальный матрошка, но на комиссию.

— Как это?

— Продам — заплачу. Приходи через неделю.

Я ему не поверила, однако матрешку отдала и пошла.

— Меня Толя зовут! — крикнул он.

— А меня Анна! — не оборачиваясь, сказала я.

Через два дня, когда я гналась за троллейбусом по Невскому (не было денег на маршрутку), услышала, что меня зовут.

— Ана! Анна! Твой матрошка продан тот же день. — Толя развел руками. — И этому американцу нужно еще две... Рисуй быстрее, Анна!

Толя оказался тем человеком, который обеспечил Владкины и мои желания. Теперь мы могли воплотить в жизнь накопившиеся мечты —

после длительного поста это было великолепно! Владик расправил плечи и смотрел на меня с восхищением и уважением. Мои матрешки шли на расхват, и мы радостно тратили деньги. Жизнь улыбалась. Как здорово, что у нас есть маг и волшебник дядя Толя! Казалось, что так будет всегда, пока однажды не наступил «черный четверг».

Наш матрешечный день выпадал на четверг, но Толя почему-то не позвонил, и я, недоумевая, отправилась к садику. Тяжелый пакет оттягивал руку, на душе было тревожно, я отвлекалась, считая виртуальные деньги (сумму заказа обговорили заранее, большую часть ее предполагала отдать на ремонт детсада).

А дальше началась «черная магия»: Толи не было... Он бесследно исчез, растворился вместе со столом, картинами и тележкой. И ничего о нем не напоминало. Это была катастрофа, и соседка, случайно заглянувшая в мои испуганные глаза, внесла ясность:

— Его нет и не будет, уехал домой.

— Как домой? А заказ?

Дама еле заметно усмехнулась:

— Он теперь сам... заказ.

— Рэкет?! — в ужасе закричала я.

На нас обернулись.

— Не ори, пожалуйста. — Женщина занервничала. — Рэкет вон, рядом стоит. — Она незаметно кивнула в сторону парня в синем плаще, который с интересом посмотрел на меня. — Я ничего не знаю. Сказали, уехал домой. Ты тоже иди домой. Уехал и уехал. Что такого?

— Но постойте! Я же потратила уйму времени! Может быть, вы заберете заказ? Мои матрешки хорошо уходят.

— Нет. — Тетка прищурилась и покачала головой. — Мне не нравятся твои печальные матрешки. Глаза у них черные, смотрят по-дурному. Не матрешки — ведьмочки: сглазили они, видать, нашего Толяна.

— Что вы такое говорите? Почему сглазили?

— Так всегда все было о'кей, и вдруг он с ними подрался. С чего бы, а?

— Его похитили?

— Совсем ненормальная? На него штраф повесили, только, говорят, успел сдернуть. Слушай, иди домой, а то сейчас заказ в счет Толиного долга заберут и будешь потом на них бесплатно ишачить.

Парень в плаще сделал шаг ко мне. Я опрометью кинулась к остановке.

— И прекрати заниматься не своим делом, до добра не доведет, — сказала тетка мне вслед. — Какой из тебя коммерсант? Ступай в школу или библиотеку! А сюда не лезь, интеллигенция...

И мы с Владом покатались назад — к нищете и бесплатным обедам. Ах, как я жалела о своем легкомыслии! О том, что просадила все деньги. Однако сделанного не вернуть... Мы снова гордо проходили мимо киндер-сюрпризов. Влад по-джентльменски молчал и ничего не кланчил. У меня было свое наказание: пила на завтрак полезный цикорий и мечтала о чашке кофе с куполом пены. Запоздавая экономия не спасла — деньги за ремонт все равно потребовали.

— Анна Александровна, в чем дело? Вы всех задерживаете.

Передо мной стояла нереально красивая блондинка с русалочьими глазами — председатель родительского комитета. Ее золотые волосы водопадом рассыпались по худеньким плечам, облаченным в деловой костюм. Я совершенно потерялась, поплотнее запахла казенный халат и почувствовала желание исчезнуть.

— Елена Сергеевна...

— Вы одна, я понимаю, но вы, как сотрудник, платите всего пятьдесят процентов. Это же смешная сумма... Разве вы не хотите, чтобы Владик ходил в чистый и красивый садик?

— Хочу, конечно, хочу. Вы даже не представляете, как я хочу... А можете еще дня три подождать?

— Три?

Шелковые ресницы затрепетали, по зеленым озерам пробежали тени. Лена внимательно посмотрела на меня.

— Анечка, вам надо найти человека, который будет о вас заботиться. Может быть, вам... одолжить денег? Это спасет ситуацию?

— Нет-нет, спасибо. Через три дня я принесу деньги.

И я отправилась искать заботливого человека. Мне нужен был человек, который даст работу. Вечером я не выдержала и расплакалась.

— Мамочка, почему ты плачешь?

— У меня нервный срыв.

— Неправда. — Сын обнял меня как взрослый. — Ты плачешь, потому что у нас «вечера на хуторе без денег» и кончился кофе.

— Как это? Что за хутор?

— Ты мне такую книжку читала. — Он показал пальцем на томик Гоголя. — Только мы черта звать не будем, я его боюсь.

— Понятно. — Я невольно улыбнулась. — А кто же нам тогда поможет?

— Мы напечатаем твою книжку. Ты же сама говорила, что книжки сейчас очень дорогие.

— Откуда ты знаешь, что я пишу книгу?!

— Я ее читал, — спокойно сказал Влад. — То есть мне Глаша читала из старшей группы. Хорошая сказка! Нам понравилась. Главный маг точь-в-точь как папа, а веселая рыжая ведьмочка — ты. Правильно? Это было на самом деле? Мам, я тоже хочу в эту страну, где падают звезды в волшебное озеро.

— Увы, Влад! Такой страны нет. Считай, что это сон.

По глазам было видно, что сын не верит. Он упрямо наклонил голову и сказал:

— Ма, раз это был только сон, я хочу тоже тебе сниться — будем странствовать втроем. Придумай и про меня что-нибудь.

— Договорились.

Я убрала рукопись в сумку с тайной надеждой на чудо.

На следующий день я принесла свою тетрадь с заветной сказкой и приготовилась осуществить рискованный план. Целью моего сафари был господин Бронштейн, возглавлявший сеть кооперативных издательств и

по совместительству один из наших родителей, отец очаровательной Сашеньки. Я решила предложить ему рукопись и любой ценой устроиться в его издательство: корректором, редактором, администратором — все равно кем. Литературный труд был моим единственным профессиональным умением. Но просить Леонида Петровича было так же страшно, как целовать туфлю Чингисхана.

Это был полнокровный рыжий мужчина, который никогда не здоровался и всем в детсаду тыкал (кроме заведующей). Тормозов у него не было — говорил что хотел и даже не смотрел на реакцию. Тем не менее его уважали, потому что зарабатывал интеллектом, а не продажей водки. И это уважение действовало как новокаин: губы немели, язык не слушался. Несколько раз он вопросительно смотрел в мои расширенные от ужаса зрачки, однако я так и не осмелилась заговорить.

Этим утром, пока Саша самостоятельно переобувала чешки, Леонид Петрович с кем-то ругался по своей «Форе» и в конце сказал тихим и страшным голосом:

— Изволь найти приличную вещь для издания: твой репертуар смехотворен! Какой такой переводчик? За неделю не сдашь романчик — сам заговоришь на всех языках сразу. Понял?

И тогда я решилась.

Он, как Вий, вперил в меня голубые стеклянные очи, обрамленные рыжими длинными и очень редкими ресницами. Веки были красными. От бессонницы или от водки?

— Что нужно?

— Простите, я случайно услышала: если необходим переводчик, я могла бы... Английский, немецкий без словаря. Я кандидат наук.

— Ё-ы-ы, — заржал Вий. — Значит, плохой кандидат, раз в садике работаешь. Нам нужны профи.

— Я профи, — хладнокровно соврала я, чувствуя, как немеет не только язык, но и плечи. — У меня еще есть рукопись. Хотела бы предложить...

— Да что за напасть такая? Почему сейчас все бабы пишут?

— Протестируйте меня! Согласна на любую проверку.

— Значит, на любую? Прелестненько.

Вий внимательно оглядел мою тощую фигурку, завернутую в белый халат, разношенные тапочки и зализанную кичку.

— Люблю самоуверенных женщин. В восемь приходи в издательство, будешь доказывать свой профессионализм. Я тебя сам протестирую.

Вий поцеловал дочь и ушел, не взглянув на меня. Я стояла в полном недоумении: что это будет? Собеседование или... нечто большее?

— Анна Александровна, вам надо переодеться, — зазвенел детский голосок.

Сашенька смотрела на меня большими голубыми, в общем-то отцовскими, глазами.

— В папино издательство приходят только красивые дамы, похожие на фей. Иначе на работу не возьмут: там дресс-код. И главное, не волнуйтесь так, — улыбнулась маленькая принцесса Бронштейн. — Папа

моментально тестирует. Говорит, что всех видит насквозь, особенно женщин, хотя они очень хитрые. У него все просто: раз-два — и в дамки. Или досвидос.

— Саша, замолчи!

Девочка удивленно пожала плечами:

— «Дамки» — это значит прекрасные дамы. Это папино любимое слово. Почему вы сердитесь?

В приемной меня встретила красивая и полная афророссиянка, и стало ясно, что моя честь в безопасности. Рядом с этой гематитовой статуей я казалась серой пылинкой. У секретарши были глаза с поволокой, черная, до синевы, кожа, стройная талия, грудь, похожая на знойные холмы, и огромные бедра — девушка напоминала венчик мавританского ириса на длинных и мощных стеблях-ногах. Моя женская несостоятельность была налицо.

Господин Бронштейн, очевидно, видел сквозь стены.

— Снегурка, она пришла? Быстро свари моккачино и проводи ко мне.

Однако! На своей территории Вий был джентльменом. Я слотнула слюну: в те далекие времена экзотический моккачино был моим любимым напитком.

— Сейчас, сейчас, Леонид Петрович! — заворковала Снегурка.

Она блеснула темным глазом и резко наклонилась, так что коротенькое платьице уехало на затылок. Когда Снегурка распрямилась, в руке у нее был поднос с одной-единственной чашкой. Грациозно покачивая бедрами, девушка двинулась в кабинет и пригласила меня пройти следом.

— Пришла? Тогда бери.

Вместо моккачино Вий протянул мне немецкую книжку. Сесть он не предложил, все стулья демонстративно стояли вдоль стен, вне зоны досягаемости.

— Трогай, милая, — сказал хам, и я «тронула».

Я говорила и читала на немецком и английском соответственно с шести и семи лет и очень хотела поразить Вия. Отомстить за все сразу: и за роскошную девицу в приемной, и за отсутствие стула, и даже за директорство. От волнения некоторые слова выскакивали из головы, но я домысливала, добавляла, переставляла акценты. Вий периодически поднимал свои красные веки и с интересом на меня смотрел. Потом гаркнул: «Стоп!»

— Хорошо сочиняешь. Получилось лучше, чем у этого немца, — без занудства и зажигательно. Я эту книжонку уже наизусть выучил... Ну, не совсем по тексту.

И только тут до меня дошло, что Леонид Петрович говорит на чистом немецком языке.

— Ну чего смотришь, милая? Я тоже университет окончил. И, как видишь, работаю по специальности. Так что из нас двоих профессионал — это я. Ладно, не обижайся. Квартира есть? Нужно чтобы залог был на случай неустойки: я тебя на работу беру.

Глядя на эту красную морду, я вдруг поняла, почему матросы и солдаты взяли Зимний. Наверное, это и есть классовая ненависть. Я встала и пошла к двери: не давать же ему оплеуху, в конце концов?

— Zurück! Zu stehen!* — рявкнули сзади. — Я же про тебя все знаю. Баба одинокая? Одинокая. Что с тебя возьмешь? Про квартиру пугаю, хотя штрафы у нас порядочные... Остаешься?

— Ja! Ich bleibe, Herr Chef!** — с солдатской четкостью ответила я.

— Чего ждешь?

— Рукопись... Вы говорили про репертуар. У меня есть... предложение, — лепетала я дрожащими губами и ненавидела себя.

— Дай сюда. — Он протянул веснушчатую лапу с отполированными ногтями. — Я зерна от плевел определяю на пятой странице. Иногда двух страниц хватает. У тебя что — рассказ, повесть, роман?

— У меня... сага.

— Да ешкин кот! Вы что, все с ума посходили? Опять фэнтези...

На пятой странице Демиург снял очки, аккуратно их сложил и огласил приговор.

— Так нельзя! Ты меня чуть не усыпила — одни описания. Я это печатать не буду. Хочешь — издадим малым тиражом за твой счет, так сказать, на память. Но некую линию вычленить можно, за идею мы копеечку платим. Понимаешь, главное — это кости, мясо нарастет. У нас целый штат работает над развитием сюжетов. Любые описания можно сепарировать...

— Не нужно ничего препарировать! Отдайте!

— Я сказал — сепарировать. Ты еще и глухая?

Он небрежно кинул мою синюю тетрадку. Потом протянул какую-то папку:

— Возьми эту немецкую хрень, смирись и интерпретируй: интерпретатор ты хороший, а писатель посредственный... Аванс хочешь?

Так я стала переводчицей, вернее литературным алхимиком и астрологом. Выяснилось, что у меня отличная интуиция, я по первым строчкам угадывала судьбу автора. После недолгих опытов я научилась превращать книги в деньги и нашла свой философский камень. Даже средненькие романчики, пройдя через мой ноут, превращались в успешные бестселлеры. Я могла увести в чужие миры тысячи читателей. Я стала литературным Сталкером и Вангой в одном лице!

...А что было бы, если бы через измельчитель пропустили меня? После такого никакой талант не воскреснет.

Под утро приснилась лестница: она висела в воздухе, плавно покачиваясь. Поколебавшись, я стала подниматься вверх, но лестница никуда не вела...

Когда я проснулась, передо мной был черный квадрат монитора, а за окном серела утренняя муть. И вдруг у меня перехватило дыхание: на трубе соседнего дома мирно спал маленький, аккуратный ангел. Как интересно! Неужели... Я с замиранием сердца всматривалась, пытаюсь дотянуться до очков. Неужели они и вправду существуют? В этот момент оглушительно зазвонил мобильник, подпрыгивая в чернильнице, и раз-

* Назад! Стоять! (нем.)

** Да! Я остаюсь, господин шеф! (нем.)

будил посланца тонкого мира, ведь слух у них совершенный. Ангел проснулся и... превратился в огромную чайку.

— А-ха-ха-а-уи!

От птичьего хохота зазвенели стекла. Чайка расправила крылья и камнем упала вниз, разочаровав меня до глубины души, — выдумки, все выдумки! Не проникнуть в сказочный мир, не попасть, одна чушь вокрут.

Я добралась до стола и со вздохом отобрала у львов телефон. Это был Владик.

— Привет, Финиста!

— Привет, дорогой! Как я рада тебя слышать! А почему так рано?

— Ты что, старушка, уже половина одиннадцатого!

— Что?! — Я растерянно посмотрела на часы. — Боже мой, Владик, а выставка с десяти! Нужно срочно бежать...

В трубке помолчали.

— Мама, а я тут рядом, хотел заехать... Может, лучше чаю поьем?

Я чуть не заплакала — как неудачно складывается! Мы уже месяц не виделись. Но как же подарки? Выставка работает последний день...

— Господи, Владик! Я не могу...

— Жаль! А в чем дело? А, понял! Готовишься к рождественскому вечеру?

— К новому, Владик! Это же наша семейная традиция.

— Согласен.

— Выставка работает последний день, а я все проспала.

— Понятно... Ну, если это для тебя так важно, Финиста, не буду разочаровывать.

Сын опять помолчал, а я горько вздохнула:

— Дорогой, мы же скоро встретимся — и поговорим.

Влад рассмеялся:

— Конечно, встретимся! Мам, а можно скажу? Не обидишься? Ты стала похожа на Аллу Пугачеву... Ро-о-о-о-е-е-е-е-е-ественские встре-ечи, — торжественно пропел он.

— А ты на Пашу! — обиделась я.

Паша — мой любимый и единственный внук, который мужественно переживает кошмар переходного возраста. А мы из последних сил ему помогаем.

В трубке снова рассмеялись:

— Ладно, старушка, если чего — звони! Я на связи.

Звонок оказался мне немного странным, однако думать было некогда: нужно спешить за подарками.

Эта традиция всегда соблюдалась. Все замечательно! Ничто и никогда не испортит нашего праздника! Даже в прошлый Новый год я была счастлива, а ситуация тогда сложилась дурацкая... Я поскользнулась и сломала ногу. И хорошо бы это была обычная автобусная остановка — нет, меня, хрупкую и легкую, как кусочек бересты, нечаянно толкнули в отделе елочных игрушек. Никто не удивился, только Пашка спросил, зачем меня туда понесло и когда я повзростею. О, это был чудесный Новый год! Все меня поддерживали и утешали, называя большим ребенком! Обо мне так заботились, что не хотелось выздоравливать...

Я задумчиво оглядела комнату и представила, какой замечательный праздник устрою для всех. Сейчас пойду на выставку и накуплю целую кучу подарков. А потом — настоящую елку, под самый потолок, чтобы пахло лесом. Сложу под зеленый шатер гору сюрпризов, красиво их упакую. Мои дорогие присядут под мохнатыми лапами, зашуршат бумагой, раскрывая коробки и пакеты, и онемеют от восторга.

Вперед, вперед! Я поспешила в коридор, потянулась к вешалке и украдкой заглянула в зеркало. С годами хочется все меньше и меньше смотреть в это ледяное бездонное озеро. По правде сказать, уже несколько лет я почти не меняюсь, только складка на переносице становится глубже и делает лицо слишком серьезным. А так вид вполне интеллигентный, в прежние времена сказали бы — изысканный.

Волосы тонкие и мягкие, темно-русые. Этакое длинное французское каре с челкой, чтобы прикрыть слишком высокий лоб, хотя Влад говорит, что лоб у меня красивый и челка все портит. Губы тонкие (немножко злые, если честно). А что поделать? Я вспыльчивая: быстро выхожу из себя и быстро утихаю. Нос... Я повернулась боком. Ох уж этот длинный ястребинный клюв с горбинкой... Как я мучилась в школе и университете! Меня называли Финистой — в честь известной сказки. Я долго обижалась, а потом неожиданно полюбила свое прозвище. Прозвище, но не нос. А вот глаза... Я медленно надела шапочку, которая нежно оттеняла их серый цвет — цвет речной воды. Да, приятно отметить, они и сейчас прекрасны: не очень большие, но красивой формы, серые, сияющие, как драгоценные топазы. И еще плюс — изящная фигурка. За эти годы многие мои подруги превратились в более (а чаще менее) аппетитные пышки. А мне, слава богу, удалось остаться Берестой. Муж Игорь считал, что я вообще не умею ходить: «Ты по улице идешь как летит береста, когда дует ветер».

С тихим вздохом сожаления я достала из угла финские палки для ходьбы. Мои якоря и гаранты безопасности. На улице так скользко, а говорят, можно сломать шейку бедра — и тогда конец. Тогда только вешаться... Я скользнула в пуховик. Надела рюкзачок. Проверила кошелек, карту, проездной. Взяла палки и пошла на выставку. О минуты радости! Покупка подарков для тех, кого люблю! Ни с чем не сравнимое предновогоднее настроение!

Глава 2

Наконец я забыла про зачистку рукописей, и настроение пошло на плюс. В ожидании автобуса любовалась новогодними витринами: отражение в приталенном пуховичке и пушистой шапочке было очень даже симпатичным. Если забыть про лицо и сосредоточиться на силуэте — почти Снегурочка. Да, не красавица! В юности я мечтала о модельных стандартах (тогда говорили — «журнальных») и об Институте красоты. Но Игорь предупредил раз и навсегда: «Береста, у тебя красота утонченная, как на старинных гравюрах. Сделаешь что-нибудь с лицом, я...» — «Разведешься?» — «Хуже! Убью — и помрешь какая есть». Замечательно сказано, по-мужски... А автобуса все нет. Я махнула рукой и вызвала такси.

Выставка была в полном разгаре и напоминала питерское метро в час пик. Я с удовольствием нырнула в праздничный водоворот и стала частицей броуновского движения. Обожаю выставки и ярмарки. Сколько интересного вокруг — это просто бездна чудес! И всё, если понравится, можно купить — вот она, желанная свобода! Игрушки ручной работы: тильды, мишки-тедди, очаровательные войлочные зайчики... Я представила себе, как дарю Паше румяного зайца, и поспешила прочь. Как жалко, что дети вырастают! Постояла около картин, удивляясь фантазии художников: цветы, пейзажи, невиданные звери, абстракции — ни от одной дух не захватило. Кроме того, картину уже дарила. Затем я окунулась во вселенную азиатской керамики, полную круглых голубовато-зеленых планет. Всего два цвета, которые смешались во все существующие на свете оттенки. В глазах продавца промелькнул робкий интерес, и пришлось убежать, чтобы не разочаровать. Очень жаль, но это опять не то...

Не знаю, сколько кругов я нарезала, опираясь на свои палки. А потом отчаялась: не было ничего, о чем мечтала. А мечтала я о необыкновенном.

В конце концов забрела на галерею и, отвернувшись от торговых точек, перегнулась через перила: зрелище было волшебное. Внизу бушевал и сверкал людской муравейник. От этого слегка закружилась голова; странно было смотреть на это штормящее море со стороны. Гораздо приятнее быть частицей и мчаться вместе со всеми в веселом, немножко безумном ажиотаже. И вдруг меня поглотил странный звук: бум-бум. Я как будто оказалась внутри огромного живого сердца. И в унисон с сердцем великана забилося мое собственное маленькое сердечко и застучала кровь в висках. В растерянности я оглянулась, и первое, на что упал мой взгляд, были старославянские буквы, которые сложились в незамысловатые слова: «Береста сибирская. Изделия из кедра и капа». Опустила взгляд ниже и поняла, что нашла свою пещеру Аладдина.

От этой красоты было невозможно оторваться! Это было все что угодно, только не «торговая точка». Экспозиция напоминала нечто среднее между волшебным теремом и шатром. В центре таинственно поблескивало зеркало в деревянной раме, где по красному полю мчались черные олени. Ниже, раскинув веером позолоченные крылья, парила деревянная птица. Полки прогибались под грудой резных шкатулок и невероятных каповых композиций. Слева и справа изящно свисали дубовые ковши с лебедиными шеями (с такими за живой и мертвой водой ходить!).

Где же все это было раньше? Я наворачивала по галерее второй круг и могу поклясться: не было здесь этого места, иначе я бы мимо не прошла. Обыкновенное чудо: я нашла свое пространство, которое было создано за много столетий до моего появления на свет. А среди этой красоты восседал молодой человек с бубном и медитировал, не обращая никакого внимания на растерянную даму, смотрел куда-то во вселенную узкими черными глазами, а бубен рокотал все сильнее. И звук стал казаться почти угрожающим, как неотвратимо приближающийся поезд. Странный продавец не зазывал, не предлагал и даже не глядел на потенциальную покупательницу.

Я не выдержала и подошла к столу:

— Вы шаман?

— Я?

Он удивленно посмотрел на меня, как будто проснулся. Обычный парень, одетый в дорогие фирменные джинсы и клетчатую рубашку. Только прическа у него была странная: блестящие густые волосы (не дреды и не косы) широким вороновым крылом падали до лопаток, как у индейцев.

— Возможно, я бы не отказался быть таковым, но, увы, вы не угадали, милая дама! Я всего лишь Саша Иванов из Барнаула, преподаватель музыки, художник-любитель и местный краевед. Могу спросить, почему вы интересуетесь моим послужным списком?

— Извините. — Я смутилась и протянула ему визитку. — Я понимаю, что это невежливо, однако ваша музыка меня очаровала.

Мои регалии не произвели на него впечатления.

— Простите, Анна Александровна, я вас поправлю: голос этого инструмента поглощает, а не очаровывает.

— Да-да, именно поглощает! Как вы хорошо сказали...

Я заметила, что у Иванова дернулась бровь: поддакивание не понравилось. Он насмешливо поклонился:

— Благодарствуйте! А если ближе к теме: может быть, что-нибудь у нас?.. Думаю, вам многое здесь понравится. Я прав?

— Разумеется, правы! А это всё вы сделали?

— Ну нет! Тут человек тридцать потрудились. Родители занимаются народными промыслами. Ездят по району, собирают. А я продаю. У нас, знаете, не везде хорошо с работой — мы людям помогаем и себя не обижаем. Мои работы здесь есть, не скрою, а вот показывать не стану. Все мастера равны — это ведь правильно?

— Понимаю. А посоветуйте...

— Извольте. Только у нас дорого — раритеты.

От этих слов щеки вспыхнули и бровь выгнулась дугой: гордыня всегда была моим смертным грехом.

— Думаю, что я смогу себе кое-что позволить! Но, молодой человек, вам придется меня поразить и удивить, потому что покупаю подарки для своей семьи. Большой и дружной семьи, где каждый достоин сногсшибательного сюрприза.

— Тогда это к нам, — охотно согласился Саша. — Возьмите вот эту шкатулку для сына, там шесть секретов. Поставит на стол — все коллеги обалдеют. Это копия, точно такая у Николая I в кабинете стояла.

А почему для сына? Откуда он знает? Но этот вопрос уплыл куда-то в глубину сознания и забылся. Вместо этого я с уважением поинтересовалась:

— Карельская береза, наверное?

— О нет, кап. Был очень моден в начале XIX века. Нравится? Отложить?

— Отложите.

— Для невестки рекомендую брошь из карельской березы и браслет — стильные вещи.

— Отложите. И вон тот поднос в виде рыбы покажите...

— Возьмите еще дубовый портсигар.

— Зачем? — Я покраснела. — Я давно бросила, и потом — это абсолютно мужская вещь. — Я неуверенно посмотрела на серый, идеально отполированный портсигар размером с ладонь. — Это вообще для папирос!

— Правильно! — улыбнулся музыкант и художник. — Разбираетесь. Между прочим, тоже раритет, копия офицерского портсигара начала XX века. Берите! Подарите кому-нибудь — обязательно пригодится.

На краю стола выросла приличная горка — я окинула взглядом, и Саша тут же достал калькулятор:

— Подсчитаем?

— Торг возможен?

— Простите, я не торгуюсь, впрочем, если еще одну вещь возьмете, сделаю хорошую скидку.

— Тогда... — Я задумчиво оглядела экспозицию.

— Вот возьмите на память о русских сказках. Вы, вижу, человек подготовленный, поэтому зеркало понравится. Но я не навязываю!

Я встала на носочки и заглянула в серебристый квадратик: в глубине промелькнула тень волка, лицо зеленоглазой девы, сверкнуло воронье крыло, раскрыли свои лепестки голубые ирисы — перуники. Говорят, они расцветают на горных склонах в том месте, куда ударит молния.

— Все правильно, именно перуники...

— Вы читаете мысли?!

— Я читаю эмоции и угадываю образы, как музыкант и художник.

А теперь поверим алгеброй гармонию?

— Сколько?

Он показал табло калькулятора.

— Так дорого? — удивилась я.

— Еще обещанная скидка.

Минуту я колебалась. Однако, во-первых, эти сокровища уже почти стали моими, а во-вторых, я ему дала аванс и, будучи ужасной гордичкой, на попятный не пойду. «Только бы денег хватило», — подумала я и с непроницаемым лицом достала кошелек. Сумма сошлась тютельница в тютельница, и меня охватила неопишуемая радость. Продавец тоже был доволен.

— Вы сегодня стольким людям помогли — можно сказать, совершили гуманитарную акцию! — ворковал Саша и аккуратно запаковывал товар, радуясь и удивляясь, что все состоялось.

Он был искренне благодарен, хотя явно считал меня немножко сумасшедшей. Потом покупки сложили в рюкзак, который выгнулся, как черепаший панцирь, и продавец покосился на палки.

— Извините, но поднос сюда не влезет! Хотите, я положу эту рыбку в пакет и прицеплю к рюкзаку сверху? Вам так будет удобнее. Ой тяжелей какой! По-моему, вы пожадничали! Можете вернуть что-нибудь, я деньги отдам. У вас действительно такая большая семья?

— Очень большая, — гордо ответила я. — И все мои родные достойны волшебных подарков!

— Понятно. Я бы вас с удовольствием проводил, но стенд не могу оставить.

— Не переживайте, я возьму такси, — сказала я тоном английской королевы, пожелала Саше Иванову творческих успехов, и в этот момент меня резко и бесцеремонно отпихнули от стола.

— Женчина, вы же уже всего купили? Так отойди, пожалуйста, а? Мне тоже надо.

Худенькая, вертялая смуглая покупательница прижалась плоским животом к столу. Карие горячие глаза внимательно сканировали полки. Маленький черный платочек с золотой ниткой закрывал тугой узел каштановых волос. Изящная головка на длинной шее быстро поворачивалась во все стороны, наклонялась то к левому, то к правому плечу — ни дать ни взять молодая любопытная сорока. Сходство дополнял длинный и прямой нос. Я оценила ее энтузиазм, порадовалась за Сашу и невольно задержалась: было интересно, что выберет странная дама. Тем более потенциал был налицо: одета дорого, хорошая итальянская сумка, красивый маникюр.

— Это что? Хле-е-ебница? Ай красивая! Сколько? Нет-нет, оставь!

Она вытащила пятитысячную и хлопнула на хлебницу.

— Еще три шкатулки надо — средние. Муж работниц хочет поздравить с Новым годом... Подбери одинаковые. Ты деньги-то бери: если что — сдачу дашь... Как — только две? А третья подороже? Ну-ка, покажи... Мне три надо.

Саша доверчиво повернулся спиной, снимая шкатулку.

— Не-е-е, вон, левее давай...

Сорока стояла у него за плечом, она уже проскользнула на территорию стенда — и тут я увидела легкомысленно висящую на спинке стула барсетку, куда убрали мои деньги и где, судя по всему, находилась оставшаяся касса. Плутовка сделала полшага и придвинулась к цели вплотную.

— Саша!

Он обернулся и молниеносно схватил сумочку:

— Ах ты, Лиса Алиса! Здесь же вся наша выручка!

Купюра с хлебницы моментально исчезла. Цыганка уже стояла около балюстрады, потом медленно, даже торжественно открыла свою сумку, которая оказалась совершенно пустой:

— Смотри и запомни: я у тебя ничего не взяла!

— Вчера к соседям две такие же Земфиры приходили! Одна товар хватала, а другая выручку из-под стола тащила... Всё унесли! Даже на проезд денег не оставили... Ваши были? Знаешь их?

— Не знаю никого!

Выглядела она раздосадованной, и когда я двинулась к выходу, преодолевая земное притяжение, Сорока подлетела ко мне и гаркнула, сверкая глазами:

— Что, мама, самая честная, да? Барыгу пожалела?

Меня обожгло горячее дыхание и волна сладкого парфюма накрыла с головой.

— Игрушки любишь, да? Ерунду всякую? Давай я тебе свою подарю: бабушка такие делала — на счастье, на удачу.

Мои ноги почему-то вросли в пол, и я на минуту окаменела, наблюдая, как птичья лапка с алыми коготками сорвала с головы черный платок.

— Смотри, мама, смотри, запоминай! Я тебе сейчас удачу приворожу.

Несколько движений, пара узелков — и уже готов черный заяц, страшный и мерзкий заяц-вуду.

— Лови, мама, подарочек! Лови, дорогая... Ап!

Она швырнула, целясь в лицо, и я, защищаясь, поймала это странное изделие. Заяц был теплый и мягкий, как живой, и омерзительный на ощупь.

— Бросай! Вы же взрослая женщина... Вы что, ничего не понимаете?!

— На удачу, на удачу, мама! Не слушай его...

Саша выпрыгнул из-за прилавка и мчался ко мне на помощь. Руки стали мягкими и непослушными, пальцы как вареные макароны — и все-таки я напрягла до отказа волю и бросила зайца туда, откуда он пришел.

А потом я побежала прочь. Прочь от Сашиного бубна, и от Сороки-воровки, и от всего этого морока.

Глава 3

С тревогой я посмотрела в окно: оконные прямоугольники уже почернели, народ потихоньку потянулся к дверям. Поудобнее взялась за палки и тоже направилась к выходу. Это мне далось нелегко: рюкзачок с привязанной рыбой тянул назад, лямки врезались в мои худенькие плечи, стремясь превратить в подобие Венеры Милосской. Я поняла, что переоценила силы, все время останавливалась, отдыхала и проклинала свою жадность. «Вот что за странность такая! Если захочется — обязательно надо купить! А то ночью не засну», — причитала я по дороге, хоть и знала, что бесполезно. Не могу смириться с неисполнением желаний: такая родилась, такая и помру.

С трудом приоткрыла тяжелую дверь и сразу получила пригоршню мокрого снега в лицо: на улице веселилась метель. «Ничего страшного! — подбадривала я себя. — Сейчас вызову такси — и все дела». Однако мой мобильник не подавал признаков жизни, и на черный экран красиво опускались снежинки. Да что же это? Телефон новый, аккумулятор с утра был полный. Я упрямо тряхнула головой, предчувствуя беду, и решила голосовать.

Неожиданно из снежной круговерти вышло подвыпившее существо в шинели, треухе и с баяном на плече.

— Поддай денюжку, я тебе сыграю...

— У меня нету.

— Врешь, — с ненавистью сказал пьяный музыкант. — У таких, как ты, всегда деньги есть. Я вашего брата вижу насквозь.

Отчасти он был прав: наличка потрачена, но оставалась карта. Я уверенно махнула рукой, и подрулило такси.

— Есть терминал? Карты принимаете?

— А у вас какая?

— У меня «Виза голд», — строго ответила я, привычно распахнула портмоне и растерянно уставилась на карту магазина «О'кей», которая сияла золотой полоской. — Здесь же лежала моя «Виза»! Где она?.. Это цыганка подсунула! Помогите! У меня украли карту!

— Дура, — обиделся шофер. — Сразу видно, мошенница. А выглядишь как культурная женщина!

Машина яростно рванула с места.

— Значит, у тебя и вправду денег нет? — с сочувствием спросил музыкант. — А что есть? Закурить не найдется?

— Пошел вон, урод, — процедила я не разжимая губ.

— Не злись, сестренка! Не пропадем! — вдруг радостно заорал несчастный. — Танцевать ты, конечно, не сможешь, зато будешь петь!

— Извини, я уезжаю.

Я активно шарилась в карманах — как я забыла про «Подорожник»? Поеду на автобусе. Увы, проездного тоже не было: я чуть не оторвала карман, но скользкий квадратик исчез бесследно. Это была катастрофа! Мне не дойти до дома с грузом. Я обязательно упаду и опять переломаю ноги! Мимо снова проехало такси, слегка притормозило, а потом скрылось за поворотом. Откуда здесь столько такси? Место, что ли, такое?

— Женщина, машину ловить будешь или тебе не надо? Тогда дай я.

Быстро переступая тонкими ножками на высоких каблучках и щурясь от снега, Сорока-воровка пропрыгала вперед.

— Ой, мама! А я тебя не узнала. Ты чего, машину прошляпила? Может, денег нет? — Она улыбнулась в тридцать три зуба. — Барыга все забрал, да? Хочешь, помогу?

— Оставьте меня в покое! Ты... ты воровка! Сейчас полицию позову!

Мои вопли прозвучали как глас безнадежного отчаяния, последний привет утопленника — жалко и смешно.

— А ты видела, как я воровала? Зови, милая, зови... — охотно согласилась цыганка. — Ты чего все время шумишь? Лучше постой послушай, как снег падает, метель поет. Денег нет — и не надо! Вот у него тоже денег нет — и чего? Сейчас нет — через пять минут будут. Дело наживное!

Сорока выгащила откуда-то зеленую бумажку, скатала в шарик и кинула мужичку, который поймал его с ловкостью циркового тюленя. И, обалдев от восторга, рванул гармонь.

— Ой-нэ-нэ, ой-нэ-нэ...

Она мечтательно закрыла глаза, повела плечами, грациозно и медленно повернулась вокруг, так что юбка превратилась в огромный яркий купол. Потом щелкнула пальцами, и откуда-то вылетело такси и встало как сказочная Сивка-Бурка. Ярко освещенный салон горел золотым новогодним фонариком.

— Хочешь, подвезу, дорогая?

— Упаси бог! — испуганно отшатнулась я.

— Это ты зря, — спокойно возразила Сорока. — Говорят: дают — бери, бьют — беги.

Через минуту машину-фонарик унес снежный ветер. И тогда я пошла сквозь метель, покрепче сжав палки и упрямо опустив голову. Я хотела доказать ей и себе, что все в порядке, несмотря ни на какую цыганскую магию. Думаешь, я полезу в автобус и буду объясняться? «Я немощная и больная, потеряла проездной, а денег нет... Разрешите, я проеду пять остановок?» И все смотрят на меня: кто насмешливо, кто со злорадством, кто с жалостью, но большинство с удивлением. Нет, Есения, Земфира, Кармен или как тебя там, не дождешься! Я дойду!

Сначала все было неплохо. Под действием адреналина я уверенно двигалась вперед, не обращая внимания на автобусы. Смотрела прямо перед собой, подставляла разгоряченное лицо метели и старалась ровно дышать, однако, преодолев половину пути, почувствовала, что силы кончаются. Голова кружилась, не хватало воздуха, из-под шапочки, которая напоминала большой снежок, бежали ручейки пота. Ноги, особенно левая, которую сломала в прошлом году, предательски подгибались. «Сейчас умру, — с сожалением подумала я, — и завещаю поставить памятник в виде пластиковой карты “Подорожник”».

Идущая впереди женщина вскрикнула и поскользнулась. Ничего я так не боялась, как упасть на улице и разбиться. Пришлось из последних сил подползти к остановке. Опять, как по волшебству, мгновенно вынырнул автобус (безусловно, это было плохой приметой). Я устроилась на задней площадке, поближе к выходу: если что, просто выйду, будет не так стыдно. Слава богу, сесть никто не предложил, и можно было вжаться спиной в ледяную дверь.

Очень полная блондинка яростно трясла мелочью в кожаной сумке и выхватывала у пассажиров карточки.

— Вы показывали? А вы? Ну и что? При контроле поездки не считаются! А ты что? — налетела она на высокого парня.

Пассажир находился в состоянии легкого алкогольного опьянения и отмахнулся от активной дамы.

— Что значит — две остановки проехать? Я тебе кто? Спонсор? Выходи давай! — Она бесстрашно двинулась вперед, тесня беднягу гигантским бюстом.

Я невольно оценила и темперамент, и напор: несмотря на чудовищные масштабы, по-своему женщина была яркой, выразительной и даже абсурдно красивой. Она казалась инопланетянкой: на белых волосах пламенел алый берет, как маленькая копия Марса; из-под серебристого полупальто-скафандра выглядывали рейтузы крупной вязки; на пальцах сверкали перстни с разноцветными стеклышками. Когда парень попробовал упираться, тетя бесцеремонно нажала на него огромной коленкой, похожей на перевернутую кастрюльку, и мягко выдавила из автобуса.

— Вот это активность! Но это и понятно: капитализм, семейный бизнес... — обернулся ко мне худенький мужчина в очках и с чеховской бородкой. — Ждали мы его, ждали и дождались! Эта парочка уже лет пять по нашему маршруту ездит и, заметьте, не бедствует! Люди наконец-то научились работать.

В зеркале отражалось невозмутимое бронзовое лицо шофера. У него была огромная бритая голова, напоминающая дыню. Да, этот международный экипаж выглядел очень органично: они отлично дополняли друг друга.

— Скажите, а это действительно коммерческий автобус? На лобовом стекле не было никакой буквы «К», — с надеждой спросила я.

— А они теперь спереди снимают, а сбоку оставляют, — охотно пояснил поклонник Чехова. — Никакая проверка не придерется: есть такая буква! А люди, которые сдуру перепутали, платят сорок рубликов и едут — не выходить же...

Я плотнее вжалась спиной.

— Женщина, вы чего как отмороженная? У вас же проездной? — Тут гражданин вдруг все понял и широко улыбнулся: — У меня глаз-алмаз! Ну, держись, заяц! Сейчас подойдет. Весело будет!

Я представила, как этот бронзовый драйвер, этот азиатский Кинг-Конг легким движением мизинца кидает меня обратно в ледяную метель. И никто не осудит, ведь я — заяц и наношу ущерб семейному бюджету. Только подумала — и сразу нарисовалась любимая супруга грозного батыра:

— Дама, а вы что? Где ваш проездной?

От ужаса я онемела и выразительно потрясла палками.

— Ну и что? Это же спортивный инвентарь, а не костыли. Нужно заплатить.

В голове зазвучали приворотные слова: «Смотри, мама, смотри и запоминай! Я тебе сейчас удачу приворожу...»

Я глядела на кондукторшу, которая в одно мгновение стала повелительницей моей судьбы. Власть этой женщины пугала до безумия, но великанша об этом не догадывалась. Ей явно не приходило в голову, что такая солидная дама может ехать зайцем, и она стояла в недоумении. И вдруг началась истерика. Я, обычно спокойная, выдержанная и уверенная, отчаянно закричала, чтобы отпугнуть всемогущую космическую амазонку:

— Что я вам сделала?! Оставьте меня в покое! Если высадите — не дойду! Я сейчас умру, ясно? У меня нога сломана! И сердце слабое! Прямо здесь умру, и вы будете отвечать!

— Ясно-ясно, — согласилась блондинка и схватила за плечо моего соседа, который явно наслаждался скандалом: — Пожалуйста, уступите место! Она инвалид, ей плохо. Разве вы не видите?

— Чего пристала? — рявкнул тот, мгновенно превращаясь из чеховского героя в персонаж Зоценко. — Заведи своего мужика и хватайся.

— Молодой человек, я замужем, — гордо ответила марсианка.

— Ну, это еще нужно проверить, за каким таким мужем! Они же сюда только за пропиской едут. Питерский мужчина никогда на такую горку не полез бы, уж поверьте мне...

Я обмерла от такой наглости — и это говорит мужчина?

— За оскорбление он должен ответить! — робко предложила я.

— Цас отве-етит! — отрезала кондукторша с ледяным спокойствием.

Она надвинулась на врага животом, грудью, всем своим мощным телом; мелочь в кожаной сумке звенела, как кольца боевой кольчуги.

— Я за тремя питерцами замужем была — что толку? Этот самый лучший! Ты-то что в браках понимаешь, козел бородатый?

— Правильно! Выбирайте выражения, мужчина, — поддержала дама в очень длинном шарфе. — Как можно так беспардонно намекать на полноту? В женщине главное — темперамент, разве нет? Такая шикарная блондинка!

— Толстая, худая — какая разница? — закричал гражданин напротив.

— Устроили здесь брачную дискуссию... Горка — доска, залезет — не залезет... Это что, вечер «кому за тридцать»? Нет, это автобус. Держите себя в руках!

— Вот ты, сухопарая, знаешь, что в бабе главное? Мужик! Вы без нас нули.

— А ну, возрази!

Через минуту стекла в автобусе вибрировали от криков. Народ увлекся, а я считала остановки и молилась, чтобы бронзовый идол не бросил руль и не кинулся на помощь к своей половине.

И Бог услышал: мы все-таки доехали! Двери раскрылись, я вывалилась в сугроб напротив родного дома. Задыхаясь, решительно выхватила ригельный ключ как шпагу, и... на снег выпали два квадратика: золотой и зеленый. «Виза» и «Подорожник». Минуту я созерцала их. Ведь все карманы были обшарены! Откуда же, откуда? А потом из глубины измученного сердца вырвался тихий и жалобный звук, похожий на скулеж: «Оуи-и...» Правы были средневековые инквизиторы! Ох, правы! Настоящих ведьм нужно сжигать, чтобы следа от них не осталось, чтобы ни одной капли крови на землю не упало.

— Александровна, ты чего? Совсем плохо, что ли? — Наш электрик в изумлении смотрел на меня. — Чего скулишь? Дай помогу.

Он поднял обе карты, открыл подъезд и придержал железную дверь. Когда загрузились в лифт, Володька не выдержал и спросил, где я была.

— На выставке.

— Там чего, крыши не было? Вся мокрая насквозь — может, вы, как Суворов, через Альпы переходили?

— Да, Володя, именно через Альпы. Можно и так сказать.

И, не слушая больше его дурацких вопросов, я, громыхая палками, выбралась из лифта. Впереди был дом, сладостный дом, как у мышонка Джерри.

Глава 4

Я вбежала в квартиру (наверное, так звери прячутся в родной норе) и прошла в гостиную, оставляя на идеальном паркете цепочку грязных лужиц. Щелкнула кнопками, резко рванула молнию вниз и сбросила пуховик вместе с каменным рюкзаком прямо на тахту. Сама рухнула рядом, глядя в потолок. Родные стены действовали благотворно, и через полчаса я сказала себе, что придумала эту цыганку и во всем виновата врожденная рассеянность и бурное воображение. Минуту еще полчаса, и я почти приняла такое объяснение, хотя где-то глубоко осталась заноза сомнения.

Потом посмотрела на лужи около дивана и ужаснулась. «Анна, — строго сказала я себе, — праздник жизни не расцветет в грязи и слезах! Все проходит, и это тоже пройдет».

Выползла в коридор, взялась за швабру и немного успокоилась. Когда вынесла из комнаты пуховик и ботинки, совсем полегчало. Затем наполнила ванну, бросила ароматный шарик и, погружаясь в душистую воду, спросила себя: зачем я так убивалась? Да, произошла накладка, но разве радость моих родных от праздника, который я устрою, не стоит каких-то мелких неприятностей? Я представила себе изумленные глаза, с какими они развернут подарочную бумагу. Счастливые восклицания сольются в хор: «Ой какая прелесть! Где такое делают? Это же раритеты! Произведения искусства! Мама, это же стоит уйму денег! Не нужно было...»

Обновленная, я с прытью нерпы выскользнула из ванны и решила отрепетировать новогоднее шоу. А ноут, в котором притаилась розовая флешка, демонстративно убрала в чехол. Ничего, поспи немножко, не все же нам пахать, праздники никто не отменял.

Я достала свои сокровища и разложила на старинной плюшевой скатерти. Не задумываясь поставила бутылку настоящего киндзмараули, широкий бокал, приготовила янтарный мундштук и папиросы «для особого случая». Я сама их набиваю хорошим табаком, но скрываю от всех нехорошую, тайную страсть. К тому же я почти бросила, однако сегодня имею полное право. Сегодня действительно особенный случай.

Сделала глоток и сразу согрелась. Потом вставила папиросу в мундштук и окинула взглядом стол. Какие чудные вещи! Прежде всего, шкапулка: текстура, форма, лак — само совершенство! А потайные ящички и кованый медный ключик! Я с наслаждением нажимала на пружинки, играя в секреты. Солидная вещь и выглядит в самом деле по-царски. Надеюсь, сын украсит ею свой кабинет... Невестка любит объемные свитера. Я прищурилась, как снайпер, и мысленно приложила браслет и брошь к серой шерсти. Удовлетворенно кивнула: да, смотрится неплохо! Как архитектор, она оценит по достоинству карельскую березу: здесь поработала дизайнером сама природа... Пойдите, я что, опять сама с собой говорю? Так нельзя, дорогая! По-моему, мы договорились раз и навсегда: только глупцы сражаются с одиночеством! Умные люди им наслаждаются. Нет-нет, я ни с кем не сражаюсь — это действует прекрасный рубиновый напиток. Ведь я так устала...

Мои размышления прервал длинный звонок, и я вздрогнула: нет ничего хуже незваных гостей. Кого принесло в такое время? Я женщина одинокая и незащищенная — поглубже засунула в карман халата мобильник, укрыла шалью покупки и обреченно пошла в коридор, чувствуя, что все опять пошло не так. Звонили уверенно — на соседей было не похоже. Но пока я дошла, случилось непоправимое: снаружи аккуратно повернули ключ в замке и дверь мягко открылась. На пороге стоял высокий худой паренек.

— Привет, Береста.

— Господи, Пашка! Как же ты меня напугал. — Я в изнеможении оперлась о вешалку.

— Прости, бусечка! Я очень замерз, а ты все не открываешь и не открываешь. Давай считать это сюрпризом! Или ты совсем мне не рада?

— Паша! Когда я тебе была не рада?

Я искренне любовалась внуком: почти взрослый, хоть смешной и несуразный. Из-под шапки поблескивают миндалевидные глаза цвета речной воды — мои глаза.

— Милый, просто я тебя не ждала! Давай обнимемся!

Я улыбнулась и протянула руки, которые прошли сквозь воздух.

— Ну не нужно! Зачем? — Он мягко увернулся и нахмурился. — Не обижайся, ты же знаешь, я не люблю, когда меня трогают.

Покорно я опустила руки и с грустью взглянула на своего ежика: на плечах искрились, как погоны, льдинки, пальцы были красные и задубевшие.

— Опять потерял перчатки? Сколько можно дарить... На улице метет?

— Метет, — коротко ответил Паша и протянул мне огромную коробку и букет. — Забирай скорее — это тебе ближайшие потомки прислали.

— Спасибо, это так трогательно! Какой красивый торт... Какие сказочные розы...

Мой любимый шоколадный торт с миндалем и розы цвета слоновой кости. На тугих бутонах сверкали кристаллики льда, цветы были холодные, но живые — коридор сразу наполнился густым и сладким ароматом.

— Нужно было завернуть их получше. Такую красоту заморозил! И вообще... Зачем вы так потратились? — обескураженно спросила я, принимая подношение.

— Я здесь ни при чем, — рассердился внук. — Сказал же, ближайшие потомки прислали, а я — далекий потомок.

Я почувствовала подвох:

— Павел Владиславович, в чем дело? Давай-ка объясняйся: что означают эти дары? Может, у нас какой-то праздник, а я не знаю? Или потомки перепутали день рождения своего предка? И почему сами не приехали?

— Это анестезия, — коротко пояснил внук. — А я отправлен на заклятие, как самый невинный в роду. Пойдем, Береста, я тебе все расскажу, только предупреждаю сразу, я не выношу женских истерик — тут же уйду.

Я похолодела, и Паша с досадой махнул рукой:

— Прекрати бояться, гарантирую, что все живы и здоровы. Разрешите, Береста...

Он как-то уверенно, по-мужски взял меня под руку и повел в гостиную. Оглядев мой натюрморт, внук одобрительно кивнул:

— Уважаю тебя, бусечка, как никого другого.

— Это за что же?

— За то, что ты имеешь смелость оставаться собой и следовать своим желаниям. Я заметил, что после тридцати многие люди становятся как все. Это называется остепениться?

Я моментальноотреагировала на намек, демонстрируя солидарность с ближайшими потомками:

— Пожалуйста, оставь своих замечательных родителей в покое. Я не нуждаюсь в твоём одобрении, дорогой, хорошо?

— Не знаю, не знаю... — Он с уважением покосился на киндзмараули. — На твоём месте они бы сразу спрятали бутылку под стол, как будто я не знаю, что стоит в баре. Ты, по крайней мере, не ханжа.

— Пожалуйста, не называй родителей «они».

— Почему? По-моему, самое обыкновенное слово, не ругательное.

— Это заместительное местоимение, которое не имеет собственного значения, — медленно и отчетливо произнесла я, как будто читала лекцию по языкознанию. — Какое ты имеешь право отрицать личность?

— Оказывается, языкознание — точная наука, — улыбнулся Паша.

— Паша, ты сам-то знаешь, чего хочешь от родителей? Когда кончится эта «война престолов»? Когда ты вырастешь, наконец?

— В том-то все и дело, что я давно вырос, но никто не заметил.

— Я... заметила, — не очень уверенно сказала я.

— Тогда поднимем бокалы: я замерзший и расстроженный.

— Но...

— Береста, ты ведь помнишь, что я уже получил паспорт?

Я неохотно кивнула. Конечно, это было непедagogично, однако мне не хотелось снижать свой рейтинг. Как он сказал? Имеешь смелость оставаться собой и следовать своим желаниям?

— За что будем пить? — как можно спокойнее спросила я.

— За нас!

— А давай! — бесшабашно сказала я и достала второй бокал. Мне вдруг стало легко и весело. — Только родителям не рассказывай.

Паша удивленно приподнял бровь:

— Можешь не переживать: мы уже три недели не разговариваем. Правда, я не уверен, что они это заметили... Тише, тише! Не вопи, Береста! Я, кстати, переживаю. У тебя есть сигареты?

— Папиросы. Только я не дам, даже не проси.

— У меня свои, — сообщил Паша. — Это я о тебе беспокоюсь. Садись, ба, давай пообщаемся. Разговор будет долгий.

Он эффектно и опять очень по-мужски поднес зажигалку, и я слегка смутилась. Похоже, внук действительно вырос.

— Надеюсь, ты не подумал, что я спиваюсь?

— Это невозможно, Береста! Ты слишком любишь свою работу и деньги. Ничего, если я спрошу? Давно собирался.

Я внутренне напряглась, но внук молчал, рассматривая колечки дыма.

— Это к вопросу о желаниях... А правда, что ты хотела стать писательницей?

Он внимательно смотрел на меня из-под черной челки.

— Неважно.

— Важно! Скажи честно, что ты писала? Эротический роман?

— Паша, ты придурок! У тебя подростковая гиперсексуальность. Я писала волшебную историю...

— Почему волшебную?

— Потому что все читатели засыпали в конце первой главы, как принцесса Аврора: говорят, описаний многовато.

— И ты ее сожгла в тазу...

— Я не способна убить мечту! Я ее переосмыслила — вместо писательницы стала переводчицей.

— Молодец, Береста! Страницей ты не стала: не хватило смелости идти по выбранной дороге. Но мечту не убила, она явно живая... Она в заточении? Где ты ее прячешь?

— Прекрати умничать. Все равно не скажу.

Мы помолчали. Я не понимала, зачем он так бесцеремонно обращается с прошлым, и в душе поднималась обида. Паша же выглядел абсолютно спокойным и даже счастливым.

— Я все равно хочу ее прочитать. Не трусь, Береста! Описаний многовато? Я безнадежная сова и прочту рукопись от корки до корки. Не сомневайся: я не усну. Прочту, потом поцелую тебя, как принц, и сниму заклятие. Ты хочешь снова стать страницей, Береста?

Что на это скажешь? «Да, хочу!» — звучит довольно глупо.

— Можно я схожу за твоей сказкой? Она где-то рядом, я чувствую.

— Можно, — неожиданно согласилась я в каком-то сверхудивлении. — А вот где прячу, не скажу. Иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Найдешь — возьмешь. Не найдешь — пусть покоится с миром.

— Я пошел!

Внук быстро исчез в прихожей и так же быстро вернулся с заветной коробкой.

— Представляешь, Береста? Она звала меня и кричала: «Я здесь! Я здесь! Вытащи меня из темноты забвения!»

Я пожала плечами — и правда волшебство!

— Неужели будешь читать? Ты первый, кто добровольно согласился на такой подвиг.

— Буду, — спокойно сказал Паша и засунул коробку в рюкзак. — Я люблю, когда описывают другие миры, и чем дальше, тем лучше. Мы же с тобой похожи, ба, и тебе в одном мире тоже скучно. Ты не думала об этом?

— Нет. Я думаю о другом — о цели твоего визита.

Я наклонилась к Паше и посмотрела прямо в глаза. Он был беззащитен, я увидела грустный, усталый взгляд — так он смотрел на меня в детстве, когда болел.

— Выкладывай, зачем пришел! Давай-давай...

— Ты готова? — Он окинул меня оценивающим взглядом. — Короче, они срочно уезжают в Финляндию на корпоратив.

— К-какой корпоратив? К-когда?

— На Новый год. Говорят, необходимо поддержать корпоративный дух. Пригласил важный начальник, отказы не принимаются. Ну и, кроме

того, намечается какая-то суперская программа: гонки на оленях или собаках, танцы, лыжи, творческая тусовка. Говорят, там обалденно весело! Мать очень хочет. Они вернутся — и сразу к тебе.

Я поймала себя на том, что сижу и открываю-закрываю рот, как рыба на песке. Значит, все это время Маша и Влад приходили на Новый год из чувства долга? Приходили и умирали от скуки, участвуя в глупой комедии под названием «семейное рандеву»? А я-то радовалась! Старалась, лотереи придумывала, подарки, меню... Старая идиотка!

— Ты что, Береста? Не пугай меня, пожалуйста. Ты подумай, прежде чем плакать и орать. Мать говорит, что у нее депрессия, а мы все время ругаемся. Ну пусть повеселятся немножко. У нее не так уж много времени осталось.

— Что?!

— Может, это у мамки последняя мечта? В старости-то, наверное, уже не мечтают. Ты вот, например, свою мечту в шкаф заперла.

— Понятно.

Я побледнела и стиснула хрустальную ножку, однако бокал почему-то казался очень тяжелым и поднять его в воздух было невыносимо трудно.

— Значит, со мной им скучно?

— Получается так, ничего не попишешь, — жестко сказал Паша и откинулся на спинку кресла. — Прими это как плохую погоду и смирись. Это не значит, что мы тебя не любим, я, например, тобой восхищаюсь, но... но мы все видим по-разному. Представь: собрались под елкой китаец, итальянец и русский, хотят Новый год отпраздновать. А вокруг ни одного переводчика...

Он развел руками, видимо, не хватало слов. Миссия ему очень не нравилась, но Паша должен был это сделать. Слава богу, все кончилось. Он тревожно взглянул на бабушку: та сидела на краешке стула и как-то странно смотрела прямо перед собой.

— Понимаешь, я столько подарков купила...

— Ну и что? Они испортятся? Торжественно вручишь через неделю.

— Подарки дарят на Новый год...

Опять наступила звенящая тишина, Паша почему-то молчал, наверное, не знал, что сказать. А нестерпимая обида комом подкатила к горлу. Я чувствовала себя обманутой идиоткой, задыхалась от рыданий и, чтобы спастись от позора, стала торопливо передвигать тарелки.

— Конечно, нужно было раньше тебе сказать, но они боялись.

— Знаешь, я думала, что все в восторге от моих вечеров. Ты не представляешь, как я старалась! И радовалась... В прошлом году ведь все было хорошо?

— Ты же тогда болела, и мы хотели тебе помочь.

— Ясно. Какое милосердие!

— Буся, успокойся! Если это так важно, они останутся. Только это будет праздник через силу — тебе это нужно?

Паша резко и четко подвел итог. Возразить было нечего, бормотание прекратилось, как будто он нажал в моем мозгу кнопку «стоп».

— Не нужно, — покорно согласилась я и тут же брякнула: — А я хотела испечь черничный пирог по старинному английскому рецепту знаменитой Таши Тудор — ее кулинарную книгу еще не переводили на русский... Впрочем, откуда тебе знать, кто такая Таша Тудор?

— Не угадала! — улыбнулся Паша. — Она сейчас модная! Моя девушка фанатеет от Таши Тудор. Хочешь, я вас познакомлю?

Эта новость меня так потрясла, что я на минутку забыла про неблагодарных потомков. У меня даже глаза высохли.

— Родители знают, что у тебя есть девушка?

— Понятия не имею. Мы же не разговариваем. И я уже три дня как съехал.

— А... где ты живешь?

— У Оли.

— Но ты несовершеннолетний! Тебе только шестнадцать! Впереди университет!

— Оля тоже несовершеннолетняя. И перестань кричать как мама.

Паша нахмурился, и я поняла, что спорить не стоит. Мы нервно закурили.

— А почему ко мне не можете прийти вы с Олей? Хороший повод для знакомства.

Внук хрустнул сигаретной пачкой.

— Ты правда не понимаешь, ба? Я влюбился! Мне больше никто не нужен. Это наш первый Новый год, и в гости приглашены только ангелы и птицы.

— И куда же они прилетят? Где живет твоя Оля?

— Конечно, на крышу, ба! Она живет в старой коммуналке, которую скоро расселят. Пока же про них забыли, и в новогоднюю ночь мы будем опускаться по спирали времени, гулять по старинной крыше, пить шампанское и смотреть на город...

— Чудесная программа! — устало улыбнулась я. — Вопросов больше нет, и передайте от меня привет всем крылатым.

Мой гость тоже улыбнулся в ответ.

— Можно мне выбрать подарок? — серьезно сказал Паша.

И, не дожидаясь ответа, стащил шаль. Я грустно оглядела свои сокровища. Как будто кто-то навел на них увеличительное стекло: теперь стали видны зазубрины на шкатулке и неаккуратно обработанная боковина, на браслете лак показался тусклым и померещилась царапина. Подделки-самоделки... кустарщина... китч...

— Вот это вещь! — Паша выудил дубовый портсигар и осторожно побаюкал на ладони. — Отличная вещь! Офицерский, наверное? Как ты думаешь, у поручика Голицына мог быть такой?

— Это новодел.

— Зачем он тебе, ба, папа же не курит?

— Сама не знаю, но подарить не могу. — Я мягко отобрала портсигар. — Это против правил.

— О'кей! — легко согласился Паша. — Тогда шкатулка.

Мне стало безумно жалко: мысленно я уже представляла восторг сына и как эта шкатулка украшает его стол в кабинете. И все же я смирилась и вставила ключик:

— Смотри, Паша... Ты думаешь, это просто крышечка? Там внутри шесть секретов! Видишь, отсюда ящичек выезжает и отсюда...

— Клево! — Глаза внука горели восторгом. — То, что нужно! Ты не переживай! Я собираюсь стать известным человеком, и это будет память на всю жизнь. Знаешь, сколько у меня секретов? И все я буду хранить здесь.

— Паша, у меня от нервного потрясения открылся третий глаз, — вдруг заявила я. — Я поняла, о чем подумал бы твой отец.

— Он бы подумал, что эти секреты — полный абсурд: вор придет и унесет их вместе со шкатулкой, — спокойно продолжил Паша, и мы пристально посмотрели друг на друга. — О, а это что? Ба, мне нужен браслет и брошка для моей Оли.

— Расскажи, какая она? — пригорюнилась я.

— Красивая и рыжая, как солнце. Любит все необычное.

— Крашенная, наверно?

— Рыжая! У нее кожа белая-белая и везде веснушки, даже на коленках.

— Откуда ты знаешь про коленки? Сейчас же зима.

— Ну, ба, ты даешь... — ошарашенно сказал Паша. — Прямо не знаю, что тебе сказать! Мне кажется, что в нашей семье настоящий ребенок не я.

— Думаешь, я обречена на вечное детство?

— Конечно! Ты же сказочница. Поэтому гарантирую, что Лельке понравиться: она обожает детей и зверей.

— Как хорошо, что я отношусь к первым.

— Ба, не передергивай! И знаешь что? Поезжай с нами в Хакасию: мы в июле собираемся по рериховским местам.

— И что я там буду делать? Удивлять местных жителей лыжными палками в разгар лета?

— Во-первых, можно обойтись без восхождений — тебе они зачем? Во-вторых, палки давно пора выбросить, но ты боишься! А боящийся не совершен в любви.

— Ого! Это же Евангелие! Я удивлена и сражена. Ты читал?

— Нет конечно! Я пантеист, однако сказано великолепно. А над моим предложением подумай — сейчас отвечать не обязательно...

Он начал аккуратно укладывать в рюкзак подарки.

— Мне пора! Ба, что у тебя опять с лицом?

По щеке предательски пробежала слезинка, и я не успела ее вытереть.

— А ты не можешь их попросить?

— Не могу, прости, — жестко ответил Паша. — Я бы с удовольствием соврал, да не умею, и от этого много проблем. Хочешь — сама звони и упрашивай. Но, если честно, не ожидал от тебя такого сумасшествия. Ты талантливый, умный человек — зачем так унижаться?

— А может, вы с Олей посидите на своей крыше и придете ко мне?

— Извини, у нас другие планы. А вот после Нового года обязательно зайдём.

Внук ушел, дверь хлопнула громко и смачно: наверное, с таким же мокрым звуком падал нож гильотины на невезучую шею. Стало очень тихо. Я вошла в гостиную, благоухающую розовым маслом, и присела. В центре стола поблескивал глазурию нетронутый торт и лежала куча лакированных деревяшек. Полная девальвация всего и вся. Можно объявлять о сокрушительном моральном банкротстве.

Эта мысль доставила мне горькое наслаждение, ибо я, как все Скорпионы, самоед. Разум сопротивлялся, торопливо нашептывая разумные доводы, но было поздно: обида разгоралась в моем худеньком теле, как свеча в стеклянном фонарике. Сразу стали видны все шрамы, когда-либо нанесенные моей душе, и я с головой нырнула в водоворот мазохистского наслаждения.

Наконец-то я осознала свое место в семье! Я древний родовой тотем, которому поклоняются, воздают должное и приносят в жертву свободное время. Но ритуальные церемонии всем уже надоели и никто не знает, что делать. Как точно сказал Паша: «Анестезию придумали: розы, торт...» Фу, как некрасиво! Какое-то глумление, а все из-за трусости. Глаза высохли, я старательно вытерла мокрые щеки и почувствовала, как в душе закипает злость и возмущение. Ведь я умоляла вас о внимании и любви только один раз в году — просто хотелось, чтоб все было как раньше...

Внезапно осенило: а зачем я это делала? Если им так надоели эти новогодние экскурсии в прошлое, может быть, стоит уйти туда и исчезнуть? Я сделаю это для их же блага, разбужу совесть, и тогда — возможно! — им даже будет не хватать старушки Бересты. А что еще остается человеку, который всем надоел? Только одно — надеть шапку-невидимку и пропасть, чтобы подарить близким свободу. Отличный новогодний подарок!

Эта идея мне очень понравилась. Секунду я раздумывала, потом схватила сумку, кинула туда кошелек и паспорт, ринулась к вешалке. Кое-как оделась, бросила прощальный взгляд на палки. Боящийся не совершен в любви? Хорошо! Погибать так погибать! Я твердо решила исчезнуть навеки.

Глава 5

Выбежав на улицу, я в изумлении остановилась, узрев Планету ангелов, которая сияла неземной белизной, излучая спокойствие и любовь. Метель стихла. Все вокруг было белым или серебряным: на земле лежали чистые белые пласты снега, сверкали фонари, дверные ручки, даже заиндевевшие мусорные баки превратились в какие-то невероятные кристаллические кубы, и в этом странном мире не было ни одного человека. В царстве гармонии и тишины я показала сама себе сумасшедшей молекулой, которая вносит хаос и разрушение. Я даже устыдилась на минутку, и мелькнула мысль: не вернуться ли домой? Впрочем, отступить не хотелось и, поколебавшись, я вступила на белые снежные волны, разрушая красоту подошвами ботинок.

Оставляя цепочку следов в рубчик, я бесстрашно пошла в полном одиночестве туда, куда глядели глаза, придумывая для себя очередные казни. В голову пришло другое сравнение: не молекула, а одинокая старая облезлая ворона, которая отстала от стаи. Вот и хорошо! Буду идти, пока не упаду, а потом, когда меня найдут, им позвонят (у меня же паспорт с собой). Или нет, пусть лучше меня бомжи найдут, я растворюсь в адище города, а они меня будут искать, но безуспешно. И наверное, Влад заплачет, и все поймет, и пожалеет мать. А я исчезну! Навсегда.

Я остановилась перевести дыхание, открыла сумку и нащупала паспорт. Его нужно выбросить, немедленно! С паспортом не растворишься. Пальцы до боли сжали кожаную обложку. Ну что же ты медлишь? Урна рядом — разорви, выброси и иди куда глаза глядят. Ты же хочешь исчезнуть? Страх волной поднялся внутри, и в этот момент морозный воздух дрогнул и загудел: «Бом-м-м, бом-м-м». Показалось, что меня накрыли большим колоколом.

Да, так и есть. Я почти дошла до женского Софийского монастыря. Это знак! Как раньше не догадалась? Конечно, им нужны молодые монахини. Я представила, как Влад и Маша находят меня в монастыре и умоляют вернуться. Выхожу к ним в черном монашеском облачении, скромная, грустная, покорная судьбе, и торжественно благословляю: «Я умерла для мира, живите дружно и прощайте...»

Еще быстрее я пошла вперед и, задыхаясь, остановилась под стенами собора. Он огромный, серый, византийский, накрытый сферическим куполом, как небом. Под ним, словно внутри маленькой вселенной, летали каменные голуби, вытягивали шеи павлины, вились райские цветы. Град небесный! С одного угла мне улыбнулся крылатый лев, с другого удивленно, но благожелательно смотрел крылатый телец, который парил над каменным виноградником. От иinea фигурки казались серебристыми и глаза поблескивали, как живые.

Влево от собора уходило вдаль старинное кладбище, и я, непрощенная гостья, увлекаемая непонятым любопытством, поспешила к ажурной ограде. За воротами тоже все замело: чистый белый океан, даже птичьих следов не видно. Снег пушистыми шапками висел на деревьях, лежал на крышах старинных склепов. «Ой, сколько здесь ангелов! — удивилась я. — Вот, оказывается, где они гостят. Просто ангельский приют!» Однако ангелам явно не нравилось мое появление. С кровли соседнего склепа на меня уставились сердитые херувимы, дескать, чего пришла? Любопытствуешь? А не боишься? Рядом широко распростер бронзовые крылья черный ангел: он смотрел на пришельицу и насмешливо улыбался. От вида этих черных крыльев, которые бросали тень на снег, стало зябко. А прямо напротив ворот балансировала на белой мраморной полусфере девушка-ангел с отбитым крылом и руками. Лицо было в сколах, кончик носа отсутствовал, ангел смотрел исподлобья сурово и мрачно. Это был ангел мщения.

Вдруг скрипнули ворота — в тишине звук показался особенно резким, душераздирающим — и я отпрянула. Передо мной стоял высокий мужчина. От страха он показался великаном, духом зимы: пожилой,

ладный, широкоплечий, с длинной бородой, которая серебряным водопадом сбегала на грудь, с густыми седыми бровями — под ними прятались яркие карие глаза. Они сверлили незваную гостью внимательным и строгим взглядом, не обещая ничего хорошего. Одет этот странный Дед Мороз был в более-менее чистый ватник, подпоясанный солдатским ремнем, шапку-ушанку, добротные кирзовые сапоги, на руках рукавицы как у строителей. Он стоял, засунув большие пальцы за ремень, и молча рассматривал меня. «Черный глаз!» — в ужасе подумала я и сделала шаг назад.

— П-простите, в-вы кто такой?

— Я емь человек, — с достоинством ответил он. — Человек Божий. А если, мать, тебе этого мало — зови Василием. Бомж Василий, потому что нет у меня определенного места жительства и живу я где придется. В основном на кладбище.

«Какой ужас! Желания осуществляются... Что я наделала?» — подумала я, прижимая поплотнее сумку с паспортом. Бомж держался спокойно и невозмутимо, но мне показалось, что взгляд Василия задержался на дорогой кожаной сумке.

— А ты зачем, мать, в такую поздноту на кладбище пришла? По какой нужде?

— Я не на кладбище... Я в монастырь, — пискнула я. — И вообще, прекратите меня называть «мать»! Мы с вами ровесники.

— А «мать» — это не о том! Это для уважения, — охотно пояснил Василий. — Так саму государыню называли.

Он уже не скрываясь рассматривал сумку.

— Послушай, женщина, помоги чем можешь. За каждую копейку поблагодарю.

Василий стащил рукавицу и протянул большую, грязную ладонь. Я торопливо положила в нее полтинник, однако Дед Мороз сурово покачал головой:

— Чего жадничаешь, милая? Что мне с этим делать? Ты же в монастырь собралась...

Карие глаза насмешливо, по-вороньи сверкнули.

— Отдай бесприютному все, что имеешь. Зачем тебе там деньги? Там о другом нужно думать.

И он шагнул ко мне.

— Не смейте! Я сейчас закричу!

Я развернулась и бросилась бежать.

— Ну хоть пятисоточку дай ради праздничка!

— Помогите!

Я бежала, падая и спотыкаясь, и чудилось, что за моей спиной скрипит снег под огромными кирзовыми сапогами.

— Ах-ха-ха! — загудел вокруг воздух, но это уже был не колокол.

Я не выдержала и обернулась: мужик стоял у ворот кладбища, упревая руки в бока, и хохотал так, что на ветке проснулась и тревожно закаркала ворона.

— Чего остановилась? Чего смотришь? Беги, а то догоню!

Он сделал еще шаг, и я прибавила ходу, чем вызвала новый взрыв хохота. Бежала я на удивление долго, наверное минут двадцать, не меньше. Наконец остановилась передохнуть — погони не было. «Вот уж чудеса расчудесные! — подумалось мне. — Все как заказывала: и бомж, и кладбище, и монастырь! А самое главное, я сегодня весь вечер бегаю и никакие палки не нужны!» Озадаченно пошевелила левой ногой: может, это я себе все придумала? И про старость, и про ноги... Ну упала год назад, ну сломала — мало, что ли, у людей переломов? Может, одиночество вообще придумали? И смерть тоже... Я счастливо вздохнула, запрокинула голову и посмотрела на звезды. В небе висела аккуратная кругленькая луна, похожая на золотую монетку. Полнолуние!

А может, это и не человек был? А какой-нибудь дух? Страж мертвых, например. Оборачиваться было страшно — я скосила глаза и напряженно прислушалась. И вдруг... В ночной тишине четко и ясно слышались все звуки, ошибиться было невозможно: сзади кто-то приближался, снег громко хрустел под тяжелыми сапогами.

Я метнулась к вычурной двери какого-то шикарного магазина и рванула на себя. Несмотря на ночное время, дверь послушно открылась, и удалось ящеркой проскользнуть внутрь. Краем глаза заметила вывеску: «Антиквариат. Картины. Старые книги».

— Простите, здесь есть кто-нибудь? Пожалуйста, закройте дверь! За мной гонятся грабители!

Умирая от страха, я в отчаянии схватила ключ, который кто-то забыл в замке, и трижды его повернула.

— Простите за самоуправство, но я присяду, иначе разорвется бедное сердце...

Мне никто не ответил. Я примостилась на краешек кресла и перевела дух. Магазин, погруженный в мягкий приятный полумрак, доброжелательно молчал. Тяжелые портьеры, обшитые бархатными шариками, плотно закрывали высокие окна, как в моей собственной гостиной. Что же, это прекрасно! С улицы ничего не видно, значит, я в безопасности. Хоть в чем-то повезло.

Я отдыхала и потихоньку осматривала спасительный приют. Длинная и широкая прихожая завершалась двустворчатой дверью. Обе половинки были открыты, как будто звали в гостиную, где уютно горели старинные светильники. И захотелось воспользоваться молчаливым приглашением. Преодолевая страх, я медленно пошла по коридору, утопая по щиколотку в ковровой дорожке, что было уж совсем не по-магазинному, учитывая снег и слякоть на улице.

Вообще-то я не люблю антикварные магазины: они всегда нагоняют тоску. Входишь, окидываешь взглядом все великолепие, и вдруг сжимается сердце. Понимаешь, что эти красивые вещи попали сюда не по доброй воле: их владельцы или умерли, или оказались в тяжелом положении и превратили свои дорогие воспоминания в обыкновенный товар. Теперь немые осиротевшие спутники чужих судеб и надежд попали в плен к предприимчивым торговцам и настороженно ожидают новых хозяев. Но в этом странном магазине все было по-другому, здесь было так уютно,

что я засомневалась: не перепутала ли? Не дай бог, с перепугу ворвалась в чью-то квартиру. Постойте, какая квартира? Я же видела вывеску...

Робко я стояла в дверях, созерцая зал. Где-то высоко-высоко, под самым потолком, тонула в полумраке большая люстра, похожая на некое бронзовое светило, зато мягко горели бра на стенах, усыпанные дождиком хрустальных подвесок. Граненое стекло празднично поблескивало и отбрасывало радужные пятнышки. На письменном столике и бюро светились маленькие лампы с зелеными абажурчиками.

Напротив дверей висело огромное зеркало, в котором отражался полутемный коридор, откуда я пришла, и длинная череда светильников, уходящая в бесконечность. Свет падал сверху, скрадывал морщины, аккуратно подтушеввал тенями ресницы, глаза таинственно заблестели, отражая сияние хрусталя. Но... это же не я! Длинные волосы, гладко зачесанные назад, старинное платье черным колоколом, узенькая талия, затянутая в корсет, — послушай, зеркало, это не я! Это кто-то похожий смотрит сквозь тонкое стекло из зеркальной глубины, смотрит внимательно, глаза в глаза, как русалка со дна замерзшего озера. Голова закружилась, как будто я наклонилась над заледеневшей полыньей. Потом в глубине хрустального коридора что-то быстро промелькнуло... «Сегодня же полнолуние! Нельзя глядеться в зеркала», — прошептала я и поспешила прочь.

Вдоль стен стояли витрины с украшениями: заколки, серьги, браслеты, броши — все лежали в фирменных атласных футлярчиках. На пожелтевших шелковых крышечках были красиво напечатаны названия неизвестных торговых домов: на французском, немецком или на русском, с ятями. Именно эти хрупкие коробочки, такие беззащитные и трогательные, привлекли меня. Их, наверное, доставали и открывали только по великим праздникам, поэтому они пережили революцию и Гражданскую войну. А хранили они подарки, сделанные по особым случаям: на свадьбу, на рождение...

Особенно волшебными казались кузнечики и стрекозы — их было много, целая стайка. Они посверкивали сапфировыми глазками, настроженно следили за незваной гостьей, стараясь угадать, не выберу ли я кого-то из них. «Конечно, не выберу, — улыбнулась я. — Во-первых, невозможно даже представить, сколько вы стоите! Вон, у тебя бриллиантики на ножках, а у тебя — на крылышках, как росинки... Во-вторых, жаль разрушать такую необычную компанию. Кстати, почему вас так много? Вы что-то означаете или мода такая была?» Огромная стрекоза приподнялась и зыркнула на меня: у нее было золотое девичье тело и изящная головка, украшенная высокой прической. Но неумная фантазия художника дополнила образ лапами грифона с нешуточными когтями.

— Ты так внимательно смотришь на нас, гостя! Мода, говоришь? О нет, все гораздо серьезнее! Мы сны о прошлом, о том, что не сбылось. Мы чьи-то мертвые надежды и мечты...

— Если вам когда-нибудь приснится кузнечик, это к большой опасности: за вами следят темные силы, — поддержал ее кузнечик с агатовыми глазами.

Я поскорее отошла от витрины. Это всего лишь мое воображение! Просто нервы разыгрались после дурацкой беготни.

На соседней стене мерцала золоченая рама. Я приблизилась и увидела старинный портрет той, которая наблюдала за мной через зеркальное стекло. И на секунду снова почудилось, что это отражение — отражение наоборот! Хотя это было не так. Из темного овала сверху вниз смотрела юная девушка, почти девочка, в огромном кружевном воротнике. Она старалась казаться важной и солидной, однако взгляд из-под тонких, похожих на лепестки век блестел от любопытства. Личико было невыразительное, кукольное, высокий лоб венчала драгоценная диадема, и это выглядело странно и даже нелепо. Указательный палец левой руки украшал изящный перстень.

Неожиданно я пожалела ее и спросила:

— Вам не скучно здесь в одиночестве? Мне показалось, что вы подглядывали за мной через зеркало.

Тонкая бровь чуть-чуть выгнулась, девушка слегка вздернула вверх подбородок, любопытство во взоре сменилось удивлением и недовольством. А может, это тень пробежала по холсту?

— Сударыня, давайте познакомимся! Ах, простите за фамильярность! Я понимаю, что вы очень знатная дама, но даже знатым дамам иногда бывает одиноко! Вы ведь так молоды — по нашим меркам, класс девятый, не больше! Как жаль, что под портретом ничего не написано. Могу ли я узнать, кто вы такая?

— И думать нечего! Это Марина Юрьевна, царица русская. Не догадались?

— Какая царица? Русская? Она же одета не по-нашему.

— Так до Смутного времени еще далеко! А потом, знаете ли, даже в Москве она изволила одеваться по-польски, что вызвало непонимание в массах... Простите, вы меня слушаете? О чем вы сейчас думаете? Явно не о госпоже Мнишек.

Крупный мужчина в свободном сером свитере и вельветовых брюках доброжелательно рассматривал меня поверх очков. На ногах у него почему-то были тапочки, а в руках он держал связку ключей. Он выглядел очень милым, тем не менее, признаюсь, я смутилась.

— Честно сказать, я думаю, откуда вы появились. Ничего не понимаю! Будто вышли прямо из зеркала.

— Ни в коем случае, ничего потустороннего! Видите, рядом с рамой маленькая дверь в стене?

— Не вижу, — растерянно сказала я, всматриваясь в темноту. — А почему вы в тапочках? Это же магазин или я все-таки перепутала?

— Магазин, — снисходительно пояснил мужчина, — но я здесь хозяин, и этим все сказано! Как говорили наши купцы, что хочу, то и ворочу! Вот, извольте видеть, создал специальный проект: магазин, музей, квартира — все вместе. Собственно, возродил старинную идею, лет двести назад все мои коллеги так работали. Но есть и особенности: днем продаю антиквариат и старые книги, а вечером... — Он улыбнулся, и в глазах глаз

разбежались симпатичные лучики-морщинки. — Вечером — тем более ночью! — предлагаю другой товар, невестественный.

— Что же именно?

— Мысли, ощущения, воспоминания, прошлые жизни... Да не бледнейте, пожалуйста! Где вы видели ведьмака в вельветовых штанах? Я шучу, несу околесицу на радостях! Я так скучал в одиночестве, проклятая бессонница совсем замучила — и вот, дорогая гостья, вы заскочили на огонек.

Он мягко освободил меня от пуховика и шапки, пододвинул кресло, выкатил из какого-то угла столик на колесиках с витой серебряной ручкой. На нем важно возвышался французский фарфоровый кофейник с двумя тонкобोकими чашечками и сверкала массивная граненая ваза, полная красивых пирожных.

— Видите, какой странный натюрморт? Эпоха Наполеона и сталинский ампир — все вместе, как положено в антикварном магазине. Дань профессии, так сказать! С другой стороны, жизнь человеческая тоже полный винегрет (простите за вульгарность), дни наши по полочкам не разложишь, правда?

Я была с этим совершенно согласна.

— Пожалуйста, буше, эклеры со сливками... нет-нет, лучше миндальные.

Хозяин удовлетворенно кивнул:

— Сладкий миндаль и густой ароматный кофе с легкой горчинкой — отличный выбор! В таком сочетании есть своя прелесть.

Он усадил меня лицом к портрету, сам сел спиной и, вооружившись серебряным ситечком, аккуратно наклонил кофейник. У него были сильные красивые пальцы, как у музыканта, и интеллигентная внешность, которую немного портил толстый курносый нос и окладистая черная борода. «Опять с бородой! Мода сейчас на эти бороды пошла, что ли? Ой! Наверное, я давно не смотрела на мужчин!» — подумала я и улыбнулась.

— Портрет интересный — расскажите про эту царицу!

— Да вы про нее все знаете! «Бориса Годунова», надеюсь, читали? Памятник Минину и Пожарскому видели? А портрет и вправду редкий: не только в музее — ни в одном частном каталоге не найдете! До поры до времени прячу, цену набиваю...

Он рассмеялся и подмигнул карим глазом.

— Ей здесь лет четырнадцать, не больше. Как говорится, самое начало. До желанной Москвы еще далеко, но с пути она не сойдет и скоро начнется отсчет. С каждым шагом трагедия будет все ближе.

— Почему вы ее царицей называете? Она же самозванка!

Он пожал плечами:

— По сути! А формально была коронована 8 мая 1606 года и царствовала целую неделю. Представляете, какое потрясение для молодой девочки? Она потом всю недолгую жизнь подписывалась «Марина Императрица». Не смирилась. Не смогла забыть. — Он насмешливо развел руками. — Погоня за сбежавшей мечтой — это самое странное и бесполезное занятие, какое можно представить, и знаете почему? Да потому,

что догнать ее невозможно! Как говорится, что упало — то пропало. Вы согласны, милая гостья?

— Это, конечно, правильно, только... Помните сказку про Серого Волка? Иван тоже упустил свою Жар-птицу, однако он же ее вернул. К тому же эта Марина была такой молодой! Молодые всегда себя переоценивают.

— А старики, вроде нас, недооценивают, да? — расхохотался хозяин и шутливо погрозил пальцем.

— При чем здесь это? Вы, наверное, человек холостой, а у меня есть внук, и я вижу, какая у него огромная потребность в любви. Вспомните себя в молодости: разве не хотелось выделиться из толпы, обозначить себя, чтобы заметили и оценили? Пусть даже со знаком минус, но оценили!

— Конечно, выделяться нужно — это вы тонко подметили! Девочку с короной на голове трудно не заметить. — Он снова засмеялся и широким жестом пододвинул вазу с пирожными. — Угощайтесь, угощайтесь! Умные разговоры — хорошо, а подсластиться нужно! И кофеем не манкируйте, я в него не плевал.

Этот невообразимый словесный пассаж поразил в самое сердце — пришлось покрепче ухватиться за ложечку с вензелем, чтобы не потерять самообладания. Антиквар явно наслаждался эффектом.

— Да ладно вам, — загудел низкий баритон. — Я ведь по рождению деревенский. Простите старика, вечно что-нибудь ляпну...

Мы надолго замолчали. Кофейный аромат был таким душистым и крепким, что я мысленно отмахнулась от нелепой шутки и погрузилась в дегустацию свежайших миндальных пирожных. Хозяин заботливо орудовал кофейником и маленьким сливочником. Внезапно он наклонился, взглянул мне в глаза (зрачки у него были золотистые, какие-то звериные зрачки) и тихо спросил:

— А лично вы не хотели бы подержать Жар-птицу в руках? Ну хоть минуточку? Или, по-вашему, лучше вообще с ней не встречаться?

Он откинулся на спинку кресла, крепко сцепил кисти и для убедительности повертел большими пальцами.

— Л-лучше не встречаться, — пробормотала я.

— А вот и нет, уважаемая! Сдается мне, что погоня за Жар-птицей вам не чужда. Иначе вы не бродили бы по ночам в полном одиночестве! Вы ведь любите приключения, не так ли?

— Просто улаживала семейные разногласия, — сухо сказала я.

— Понятно! Не каждый признается, что добродетель скучнее порока. — Хозяин магазина насмешливо посмотрел поверх очков. — А вам известно, чем закончилась Маринина история?

— Кажется, ее казнили? — робко предположила я.

— Может быть. Вам жаль ее?

— Любое живое существо жалко.

— Любое, согласен. Особенно невинное. Помните, как там про слезу ребенка?

— О каком ребенке вы говорите?

— Ах, Анна Александровна! Вы такая вежливая, сидите слушаете мою бесконечную болтовню, время свое драгоценное тратите! Потерпите немного, скоро я все проясню!

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я только собиралась представиться!

Видя мое полное недоумение, он улыбнулся и показал белый прямоугольник, зажатый между двумя пальцами:

— Вы уронили визитку, здесь так написано: кандидат наук, филолог, переводчик... Потрясающе! Ах, эти слабые женщины... С ума можно сойти, сколько регалий! Или все это неправда и Анна Александровна — это не вы?

Я в сомнении покосилась на закрытую сумку: как могла выпасть визитка? Но возразить не решилась и кротко кивнула:

— Нет-нет, все верно! Меня зовут Анна Александровна. А вас?

Хозяин не торопясь вытащил кожаный кисет:

— Сейчас представлюсь. Вы позволите? Благодарю. — Он зажал крепкими и ровными зубами мундштук, улыбнулся и медленно, со значением сказал: — Трофим Васильевич Ус. — И выжидательно замер.

Я почувствовала, что нужно что-то сказать. Возможно, он очень известный человек? Но я далека от антикварного мира и впервые слышу эту фамилию. Повисло неловкое молчание.

— Простите, мы где-то встречались?

— Не знаю. Все может быть.

Он опять улыбнулся, чуть мягче. Сквозь голубоватый дымок в упор смотрели хитрые глаза: желтоватые белки, глубокие морщинки, убегающие к вискам, жесткие и прямые ресницы. Станный, звериный взгляд, почти волчий.

— Я заметил, что вы разглядывали мои украшения, уважаемая гостья, — неожиданно вкрадчиво сказал хозяин. — Произвели впечатление?

— Конечно! Они все прекрасны, но самое лучшее — золотая стрекоза. — Я невольно повернулась к витрине. — Это копия Лалика?

— Обижаете! Это и есть Рене Лалик. Желаете приобрести?

— Что вы! Я же простой человек. Откуда такие деньги?

— Никогда не употребляйте это слово! Откуда вы знаете, насколько вы просты? И вообще... — В голосе Трофима Васильевича зазвучали насмешливые нотки. — Со мной всегда можно договориться: рассрочка платежа, скидки, принимаем карты. Лалик не Лалик, а я хозяин! Все возможно! Могу и подарить, если пожелаю. Но сначала необходимо предъявить паспорт. Это общее требование при покупке антиквариата. Мало ли что...

— Да ради бога! — снисходительно сказала я, забыв про всякую осторожность.

Он долго смотрел на первую страницу.

— Ну, слава богу, предчувствия, как говорится, меня не обманули! Вы действительно Тарло?

— Семенова-Тарло... — поправила я. — Разве вы не видите?

— Вижу, вижу, как говорится, урожденная Тарло. Итак, вы обожаєте знаменитого Рене? И в прошлом и в настоящем вас поддержали бы все женщины мира! А что, если я покажу вам нечто лучшее? Хотите рассмотреть другие варианты?

— Как вам угодно, показывайте, — улыбнулась я. — Вы же хозяин.

— Достойный ответ. Это мне нравится. Вот это я люблю!

Он долго звенел ключами, наконец с трудом открыл какой-то тайный ящичек в бюро и положил на стол бархатный футлярчик. Повинуясь непреодолимому любопытству, я открыла и увидела перстень в александровской оправе. Никаких завитков, излишеств — только камень, огромный мерцающий овал.

— Первый раз вижу такой большой аметист!

— Примерьте, раз нравится!

Неожиданно для себя я одела его по-старинному, на указательный палец, и удивилась, какой по-королевски изящной и значительной стала казаться моя маленькая и узкая кисть. Да, наверное, такие пальцы целовали встав на колени! Я кинула быстрый взгляд на портрет.

— Все правильно! Это ее кольцо — посмотрите внимательнее на руку, опущенную вдоль пояса. Марина тоже носила его на указательном пальце. Видите, я предлагаю лучшее. Королевская вещь.

— Но какова стоимость? Вряд ли я смогу его приобрести.

— Разумеется, не сможете. Это кольцо бесценно, купить его нельзя, однако можно принять в дар. В роду Тарло оно передавалось от матери к дочери и считалось, что камень угадывает и выполняет все тайные страсти своих владелиц. А это особенно ценно: не каждый знает, чего хочет. Вот вы, например, догадываетесь, что за драконы сидят у вас внутри, а?

— У меня нет никаких драконов!

— У каждого есть! Ну, хотя бы один маленький дракончик. И представьте, перстень желаний моментально помогает им сорвать цепи, расправить крылья и вылететь на волю...

— Тогда это странный подарок!

— Отчего же? Как умная женщина, госпожа Мнишек-Тарло принимала, что ее дочь не собиралась стареть в замковой тиши, в объятьях какого-нибудь толстого и доброго пана. А поскольку гигантское честолюбие и железная воля были единственными талантами Марины, перстень пришелся весьма кстати.

— И что же?

— Камень заработал сразу: через год началась история головокружительного взлета и не менее головокружительного падения в бездну вечности.

— Какие ужасные последствия!

— Аметист не отвечает за последствия! — Антиквар усмехнулся, покошачьи сощурился глаза. — Что делать? Фарша без приправ не бывает. Ну, там, лучок, перчик, соль... Так и желания! Что делать, если желания у польской девочки были очень и очень взрослые? Кто не рискует, тот не выигрывает, не так ли?

— А зачем вы все это рассказываете? — мрачно спросила я и отхлебнула холодного кофе.

Поток информации меня огушил и почему-то расстроил. Трофим Васильевич по-шутовски развел руками и поклонился:

— Не понимаете или изволите притворяться? Перстень ваш по праву — берите и владейте, потому что именно вы являетесь потомком Ядвиги Тарло.

— Откуда вы знаете? Вы не слишком торопитесь?

Я старалась говорить спокойно, чтобы не раздражать непредсказуемого антиквара. Экскурс в собственную родословную произвел на меня впечатление. Какой эксцентричный мужчина! На что он еще способен? Этот Ус явно нервничает, и, как мне кажется, от него можно ожидать новых сюрпризов.

— Неужели я единственная Тарло в Санкт-Петербурге? — как можно мягче спросила я и попыталась незаметно снять кольцо.

Но от моих беспорядочных усилий камень вдруг отошел в сторону.

— Здесь что-то есть!

Антиквар просиял:

— А вот и доказательства! Память предков, так сказать, родовая реликвия! Признайтесь, вы догадывались, что здесь тайник?

— Это простая случайность.

— А как быть с внешним сходством? Тоже случайность? — снисходительно сказал Ус, кивая на портрет. — Доживи Маринка до ваших лет, были бы близнецами. Вот и ответ на ваш вопрос — ошибки быть не может! Кстати, вам интересно, что скрывает тайник?

Было очевидно, что он все прекрасно знает.

— Тут... портрет ребенка. Кто это?

— Царевич Иван, сын Маринкин, — устало сказал Трофим Васильевич. — В нем-то вся и загвоздка. Вам правда моя фамилия ни о чем не говорит? Вы же женщина образованная!

— Я не очень люблю историю. Извините.

Я смущенно вздохнула.

— Тогда позвольте представиться еще раз! Я прямой потомок предателя атамана Уса, который сдал войскам Марину Юрьевну вместе с сыном. Влюбленный в нее Заруцкий бился до конца, пытаясь повернуть историю.

— А что случилось потом?

— Заруцкого посадили на кол, по другим сведениям — колесовали. Говорят, он любил Марину и умер за нее достойно: ни в чем не покаялся, ни о чем не просил. Признайтесь, от этих слов ваше чувствительное женское сердце забилося сильнее?

Я искренне покачала головой:

— Полноте! Расскажите лучше про Ивана.

— Увы, его тоже казнили.

— Ребенка?!

— К сожалению. И умирал он тяжело: петля, не рассчитанная на маленький вес, никак не затягивалась и агония на виселице продолжалась

часа два... Не только Марина, даже мой пращур-злодей чуть не рехнулся, наблюдая за страданиями несчастного дитяти.

Я испуганно смотрела на антиквара. Может быть, он сумасшедший? Зачем посторонней женщине рассказывать такое о своих родственниках, пусть даже давно умерших? Нелепо, странно... Хочет меня шокировать? Обезоружить? Что ему нужно? Почему ночью его дверь была открыта? Возможно, это не случайность и он ждал перепуганную странницу... Но выглядел он абсолютно спокойным и задумчиво попыхивал трубкой, размышляя о чем-то.

Я пожалала плечами:

— А в чем вы обвиняете своего предка? Хотите знать мое мнение? Он ни в чем не виноват — просто взял на себя неблагодарную работу и поставил точку в долгой истории. Откуда ему было знать, что ребенка казнят?

— Ну, об этом было легко догадаться: Ивана бы никто в живых не оставил — повод для новой смуты, как ни крути. И все-таки он мог спастись!

— У мальчика не было шансов!

— Да магия шансы не считает. Мы же верим в чудеса! Вы ведь тоже любите сказки? Может, Иван оборотился бы в Финиста — Ясна сокола и улетел в синее небушко? Спасти его мог волшебный перстень, который висел на шнурке рядом с крестиком, и Маринка умоляла не трогать его, потому что больше всего на свете хотела сохранить Иванову жизнь. Представляете, какая в этом желании сила была? Оно, как материнская молитва, со дна моря поднимает, в синее небо отпускает! Однако Ус перстень забрал, забрал не из жадности и корысти, а назло ненавистной Маринке и лишил мальчишку последнего чудесного шанса. Именно в этом до самой смерти каялся мой злодейский предок.

— И вы в это верите?

— Я — нет, атаман верил.

— Тогда при чем здесь вы? Дело сделано. Сами говорили, что историю не повернешь. Или весь ваш род теперь проклят?

— Ну с какой стати? Для проклятого я неплохо живу. — Трофим Васильевич широко обвел гостиную рукой. — Лично я ни в чем не виноват, но кому не знакомы муки совести? И мне было жаль несчастного атамана. Раз он завещал вернуть кольцо наследникам, значит, нужно вернуть. Да вот вопрос: а где вас сыскать-то, наследников? К тому же этот аметист очень капризный и не ко всякому наследнику пойдет. Вот вы ему явно приглянулись... — Трофим Васильевич покосился на мою руку: — Какие изящные пальцы! Он как прирос к вам.

Я не знала, что сказать. Почему-то вспомнилась сказка про Красную Шапочку, и, словно в ответ на это, Ус быстро снял очки, которые казались игрушечными в огромных лапах. Потом он подвел итог:

— Молчание — знак согласия, поэтому считаю нашу сделку завершенной. Я исполнил свой долг, и душа казака Уса обрела покой. А у вас появились завидные перспективы. — Серый Волк нагло подмигнул янтарным глазом и с наслаждением потер руки: — Сдается мне, Анна

Александровна, что тайных желаний у вас предостаточно, так что все отлично!

Мое мнение его не очень интересовало: он уже все решил. Я вздохнула и украдкой взглянула на бледное лицо девочки-дамы: что-то в портрете изменилось — и это изменение было важным, но я никак не могла понять, в чем дело. Он тут же засек мой взгляд:

— Да перестаньте сканировать портрет! Мы с вами тоже когда-то были красивыми, нежными и невинными. Вам же нравится этот заветный перстенок? Он ваш по праву. Хотите — и портрет забирайте. Будете на своего предка любоваться и гостям хвалиться — царица все-таки...

И тут я увидела, как вспыхнули глаза юной дамы. Хозяин, видимо, тоже это заметил и задернул портрет шелковой зеленой шторкой. На секунду показалось, что Марина погрозила пальцем. Кому — ему или мне?

— Спасибо, портрет как-нибудь потом.

— Ну что такое, дорогая гостья? Почему вы так погрустнели? Побледнели...

— Мне почему-то кажется, что я позволила втянуть себя в странную историю.

— Прекратите, пожалуйста, кокетничать! Какая история? Я совершил некое действие, чтобы поставить точку, как сделал когда-то мой пращур. Вы же сами так сказали? К вам вернулась наследственная вещь — и все. Всем сестрам по серьгам. В конце концов, надоест перстенок — подарите, а вот продавать, говорят, нельзя. И дарить нужно от всего сердца, с любовью — как я сейчас!

— А может...

— Вернуть уже нельзя! Извините, у нас как в аптеке — назад не принимаем. — Он шутливо поклонился. — Примерили чужие воспоминания — все. Были наши — теперь они ваши.

Мы замолчали. Трофим Васильевич подавил зевок. Было ясно, что хозяин сделал что хотел и на попятную не пойдет. Я напряженно думала, как завершить наш разговор и откланяться, но меня опередили.

— Хотите еще кофе? Или отвести вас домой? Родные-то вас не потеряли?

— Потеряли, наверное, — медленно выговаривая слова, сказала я. — Можно я вызову такси?

— Да кто же вам запрещает? — усмехнулся Трофим Васильевич. — Я исчезну, чтобы вас не смущать. Подождите свое такси и, уходя, по сильнее захлопните дверь.

Мне показалось, что кольцо еще плотнее обхватило палец, словно боялось, что я оставлю его в салоне.

— Вы... вы... пожалуйста, не обижайтесь! Я ничего такого не имела в виду... — виновато залепетала я, но хозяин уже исчез, растворился в каком-то из темных углов так же внезапно, как появился. — Я достала телефон: — Могу я заказать такси?

— Пожалуйста! Какой адрес?

Действительно, какой? Я замаялась и тут увидела на столике раскрытый журнал. На развороте красовался портрет Трофима Васильевича, а

под ним жирный заголовок: «Хранитель старины». В статье рассказывалось о замечательном магазине и его необыкновенном хозяине, который был эстетом, предпринимателем, искусствоведем и потомственным казаком! Далее приглашались желающие сдать и купить предметы старины по «честным ценам» и следовал точный адрес. Откуда здесь эта дурацкая статья? Я могла поклясться, что только что на столике не было ничего, кроме кофейного натюрморта с пирожными. Для убедительности я осторожно погладила страницу: отличная бумага, прекрасная печать, легкий запах типографской краски — сама реальность! Надо же! Похоже, хозяин хочет избавиться от непрошеной гостьи как можно скорее. Продавец желаний... Что же, я тоже с удовольствием покину сей необычный приют. Я без запинки продиктовала адрес, журнал как по команде кувыркнулся со стола и словно провалился сквозь пол. Чтобы не упасть в обморок, я громко пожаловалась на сквозняк и кинулась к двери.

Убегая, дрожащей рукой отдернула ткань и бросила последний взгляд на портрет. Худенькое длинноносое личико как будто бы посуровело. А самое главное, на руке Марины, грациозно опущенной на платье, уже не было перстня!

Глава 6

Я поплотнее захлопнула дверь и почувствовала себя счастливой. На улице подмораживало, ярко горели фонари, по белой дороге шел одинокий след от протектора. Прямо под фонарем дремал маленький заиндевший «фольксваген» — очевидно, это и было мое такси. Иней блестел и искрился, отражая электрический свет, и автомобильчик был похож на елочную игрушку. Шофер попался молодой, рыжий, зеленоглазый и разговорчивый, чем-то он напоминал нагловатого, но симпатичного уличного котяру.

Мы мягко стартовали, и буквально сразу он по-свойски ввел меня в курс своих дел, объяснил, что приезжий, снимает, хотя намерен в ближайшее время обзавестись квартирой и присматривает район. Мой район, куда мы держали путь, ему нравился.

— Значит, в сталинке живете? Повезло!

— Почему? — удивилась я. — Это в наше время лучшего не знали, а сейчас такой огромный выбор!

— А я новье не люблю! Я ваше время люблю. Тогда ведь рвачей не было, правильно? Мне кажется, они не существовали как класс.

— Уверю вас, они вне времени — как микробы.

Было жаль его разочаровывать. Я скользнула взглядом по салону, ища другую разговорную тему, и увидела на заднем сиденье планшет.

— Не разобьется?

— Да я тут фильм смотрел, а то, пока вызова дождешься, от скуки помрешь. Сегодня таксист — умирающая профессия, у всех машины.

— Хотите, я угадаю ваши вкусы? Драма? Эротика? Боевик?

— Исторический, — немного смущаясь, сказал он. — Но это пока просто ролик, я тут в массовке задействован. Сказали, очень характерная

внешность, даже крупный план пообещали. Желаете полюбопытствовать?

— Извольте.

Медленно разгорался экран, открывался и оживал зрачок, смотрящий в мир без границ времени... Долгожданные сумерки, черная речная вода и высокие, в человеческий рост, камыши. Молодая женщина забилась на корму, прижимая к себе испуганного ребенка. Первый раз в жизни ей стало страшно: все получилось как в той сказке — «отдай то, не знаю что». Разве она этого хотела? Еще утром думалось, что самое главное — венец, венец для сына, будущего московского государя! Сколько раз во сне Марина хватала проклятую шапку, но та наливалась немислимой тяжестью и не было сил поднять и увенчать саму себя на царство... И вдруг оказалось, что это сокровище ничто по сравнению с маленькой детской жизнью, дрожащей, как свеча на ветру: вот-вот потухнет слабенький огонек. Сейчас она бы с легкостью отдала и венец, и свою собственную жизнь, чтобы спасти Ивана. Боже, пронеси эту чашу! Неужели ничего нельзя изменить? По камышам пробежала легкая волна, вершинки задрожали. Может, это зверь пробирается к воде или крупная птица села отдохнуть? Однако сквозь серые стебли уже мелькали темные человеческие фигуры, которые старались двигаться бесшумно и незаметно, низко пригибаясь. Она покрепче обняла сына. Господи, помоги ему выпорхнуть из этих силков, дай ему крылья, пусть маленькие и слабые! Пожалуйста, дай! Он такой худенький и легкий, пусть обернется серым воробушком и улетит прочь. Но Марина понимала, что опоздала...

— По-моему, им конец пришел, — мрачно сказал водитель. — Можно я выключу? Я чернуху не люблю, особенно про детей: мне их всегда жалко. А обещали блокбастер... Обманули друзья, — вздохнул он, — учли интерес к Смутному времени. Да только я их тоже обману: не видать им моей характерной внешности. Не стану я на них силы тратить.

— А почему Смутное время? Вы историк, молодой человек?

— Нет, будущий юрист. Просто я с Дона приехал, у нас в станции Голубинской все про них помнят.

— Про Марину?

— Про Заруцкого. Наш казак Иван Заруцкий в ее войске был. Я ведь тоже Заруцкий: фамилия для наших мест распространенная. Сколько ручьев, столько и Заруцких... А вот что у нее сынишка был, я не знал. Теперь прояснились бабушкины сказки.

— Не понимаю.

— Бабуля моя считала ее еретичкой и одержимой, а им, как известно, дарована жизнь после смерти. Поэтому ведьма Маринка вовсе не умерла, а оборотилась сорокой и до сих пор кружит вокруг башни, где ее умучили, все кричит, своего маленького Ивана зовет-высматривает, не хочет без него на тот свет улетать.

— Не верю! Фантазерка ваша бабушка.

— Зря не верите. Я, когда из Москвы в Коломну маршрутки гонял, видел эту птицу: каждый день кружит над башней и кричит, кружит и

кричит. Слушать невозможно! Сам лично в нее камнем кинул, но не помогло. Рвет эта птица своим криком сердце на части — и все!

— Неужели? — растерялась я. — А вы не преувеличиваете? Ведьма обо всем ведает — неужели она бы за четыреста лет не придумала способ вернуть Ивана?

— Ох! — Зеленоглазый шофер рассмеялся и хлопнул в ладоши, однако вовремя опомнился и снова взялся за руль. — Вот они, современные профессорши! Разве вы не знаете, что некоторые желания раз в пятьсот лет исполняются? Для мертвых это не время. Не переживайте, уж она, точно, придумает...

Я вспомнила про кольцо и почувствовала, как похолодели руки.

— Вот вы ей сочувствуете, а она кругом виновата. Сколько людей и детей было умучено! Не один ее Иван.

— А вот с этим согласен, — кивнул парень, — но по мне — так лучше не вникать. Одно дело — смотреть с высоты птичьего полета, другое — лицом к лицу, глаза в глаза. Мать — она мать и есть, какая бы ни была.

Кольцо больнее давило палец.

— У вас, часом, в голове не зашкаливает от этого Смутного времени?

— Уже нет: мы ведь приехали, — улыбаясь, ответил Чешир и эффектно затормозил перед моим домом.

— Вот и ладненько! Сколько я вам должна... э-э... простите, забыла узнать ваше имя-отчество? — спросила я, открывая кошелек.

— А меня, кстати, Иваном зовут! — вдруг рявкнул шофер, и я выронила купюру от неожиданности. — Как вы думаете, я могу быть потомком Заруцкого? Мне бы очень хотелось!

— А вы и есть Иван Заруцкий, — серьезно сказала я и решительно захлопнула дверцу автомобиля. — Я это ясно чувствую!

— Нет, подождите, — не унимался Иван, — не нужно шутить! Вы очень необычная дама! Вы, случайно, не волшебница? Мы еще встретимся?

Я улыбнулась:

— Не факт! Небо светлеет, и ночь совпадений подходит к концу. Но если я снова поеду в этот антикварный магазин, обещаю, что вызову только вас!

Через пять минут я уже входила в квартиру. Все вокруг благоухало розами с горькой ноткой шоколада и кофе. Сквозь открытую дверь столовой было видно, как нежные и прекрасные цветы, полностью раскрывшись, гордо стоят в хрустальной вазе, а несколько лепестков упало на торт.

И вдруг романтика исчезла, меня охватило первобытное чувство голода, я скинула ботинки и рванулась вперед, но запнулась о лыжные палки. Вид у них был злой, колючий: «Бросила нас? Сбежала? Не стыдно?» Сразу же заняла коленка и тазобедренный сустав.

— Не стыдно! — гаркнула я и с яростью стала запихивать палки в стеной шкаф. — Вот и сидите там до скончания века! Будете приставать — отнесу на помойку. Вы мне больше не нужны.

Потом глянула в зеркало. Ну да, есть морщины, конечно, тем не менее сходство с некоей зеркальной дамой очевидно. И, честно говоря, мне это льстит. Обязательно посмотрю свои фотографии в молодости.

Неожиданно тишина рассыпалась от отчаянного телефонного звонка. Я онемела. Сын! Он разыскивает меня. Бедный мальчик, наверное, решил, что я повесилась после Пашиного визита.

Я вцепилась в трубку, как в спасательный канат, который вытаскивает меня, тонущую в фантастической круговерти.

— Владик, ты?!

Я тараторила изо всех сил и не давала задавать вопросы, потому что не знала, что отвечать. Если я расскажу правду, Владик может приехать и вызвать «скорую».

— Прости... Спасибо за розы, теперь комната как райский сад... Торт тоже отличный и свежий-свежий...

— Я гуляла... Ну и что? Погода хорошая, телефон я нечаянно отключила. Без очков была...

— Да, Паша все сказал. Отличная идея — дуйте в свой Сингапур, а потом ко мне. А я на Новый год поеду на пароме Хельсинки — Стокгольм. Все-таки перемена обстановки... Алло! Владик, ты меня слышишь? Алло!

В трубке молчали. Мне показалось, что связь пропала.

— Что значит — я все перепутала? А, это вы едете в Хельсинки? А я всегда мечтала посетить Сингапур?.. Нет, мы не пили...

Я погладила карман, куда переложила удивительное кольцо, и вдруг почувствовала, что зря трачу время. Нужно закругляться.

— Что значит — передумали? Ни в коем случае! Поезжайте отдохните. И я отдохну.

Снова в трубке наступила звенящая тишина, я героически держала паузу. Наконец Владик решил:

— Мам! А где ты была? Если не хочешь, не отвечай, конечно, но у меня ощущение, что я разговариваю с незнакомым человеком. Это точно ты?

Взгляд опять упал на карман. Когда же закончится это выяснение? Мне нужно загадывать желание. Вроде все живы и здоровы — чего же еще?

— Мама, я тебя очень прошу: скажи, где ты была ночью?

«На кладбище», — чуть не сказала я, да вовремя спохватилась.

— Считай, что на свидании.

Владик странно вздохнул, как будто его придушили, и рассмеялся:

— Ты что, серьезно? То-то я смотрю... Ну, мать, ты даешь! Рад за тебя: нехорошо человеку быть одному. Так, кажется?

— Так, Владик!

— Ты же у нас дама с бешеной энергетикой, ты же людей притягиваешь. Только будь осторожна, сейчас полно брачных аферистов. Он молодой? Моложе тебя? Вы давно знакомы?

— Да не бойся ты, сын! Я уже большая девочка, все знаю. Он мой ровесник, и получается, что знакомы лет триста. Кроме того, Трофим Васильевич — жених завидный: антиквар, ювелир, историк и просто очень

богатый человек. Имеет огромную квартиру и магазин на набережной. Что еще? А-а... Он видный господин и хорош собой.

— Ого! Я удивлен, потрясен и восхищен: именно такой мужчина достоин моей матери. Вдовец? Познакомишь?

— Холостяк, — отрезала я. — При случае познакомлю. Спокойной ночи, Владик!

— Спокойной ночи, мама!

— И еще раз спасибо за розы.

Теперь я была свободна. Первым делом вынула футлярчик, осторожно раскрыла и положила на стол. Камень тихо сиял, отражая электрический свет, как будто благодарил за свободу. Тихонько взяла его в руки и залюбовалась: «Какой же ты красивый! Ус сказал, что ты любое желание можешь исполнить. Это правда?» Сияние камня стало ярче, теплее, он отливал голубым и стал похож на зрачок, и внезапно мне захотелось снова посмотреть на детский портрет. Нет, не буду! Нехорошо смотреть на несчастного ребенка, тем более ночью. Какой ужас! «Аметист, ты мог его спасти? Скажи правду».

Камень молчал. Я села за стол и подперла голову двумя руками, чтобы лучше думалось. Но внутри полная пустота, ни одного желания. «Ах, что бы у тебя попросить? — кокетливо размышляла я. — Сын вырос и пристроен, квартира есть, машина не нужна, хорошая работа тоже есть, здоровье (если не считать прошлогоднего перелома) в возрастной норме». И вдруг я смутилась: при чем здесь все это? Аня, ты, кажется, разучилась мечтать! Желание — это совсем другое! И словно в ответ на мои мысли, окно распахнулось настежь, и тут же в лицо ударила метель, мокрый снег бился и вертелся в черном оконном проеме, сыпался на подоконник и даже долетал до ковра. И внутри камня тоже началась метель: голубоватый глаз смотрел в прошлое, и я снова не понимала, как разделить вымысел и явь...

Я видела, как бредут по колено в снегу пятеро здоровых бородатых мужчин. Один осторожно нес что-то вроде небольшого свертка и крепко прижимал свою ношу к груди. За ними терялись в снежной круговерти стражники с фонарями, похожие на тени. Они явно не спешили, хотя и держали процессию в поле зрения: двигались степенно, с достоинством, понимая, что без них не начнут. Главной работой было не охранять, а дополнять картину, придавать необходимый статус действию, которое представляет собой нечто из ряда вон выходящее.

Мужчина с ношей оказался совсем рядом, как будто невидимый оператор дал крупный план, и я тихо ойкнула. Это был не сверток! К его груди доверчиво приник маленький мальчик, бледный от холода и страха. Царевич Иван отворачивался от метели, прижимался лицом к заиндевевшему сукну и время от времени тихо, но настойчиво спрашивал:

— Куда ты меня несешь?

— Не бойсь, скоро придем, — снисходительно отвечал мужик и усмехался, удивляясь детской доверчивости.

Впереди в снежном тумане показалось нечто, похожее на ворота. Нечто стояло на возвышении, напоминающем сцену, а вокруг колыхалось

человеческое море, подкатывалось почти к самой сцене и потом испуганно и торопливо отступало назад.

«Камень, почему ты не спас Ивана? Если ты волшебный, должен был что-то сотворить... И вообще, почему ты добровольно перешел в лапы этого Уса?» Я недоверчиво покачала головой. «Скажи честно, ты всего лишь антикварная штучка? Старинный перстень? Красивая дорогая вещица — вот и все...» Дорогая? Это слово эхом прозвучало в сознании или кто-то насмешливо произнес его вслух? Да, настоящие желания стоят недешево. Сыном расплатилась Марина за Московское царство и неделю власти. Бойтесь своих желаний, они могут осуществиться... А что делать? Драконы освободились и вылетели из тайников души... Мне вспомнились сощуренные глаза, наблюдающие сквозь кольца табачного дыма. Волк-оборотень, зачем ты навязал мне это кольцо? Думаешь, я пожелаю на свою голову? Ошибаешься: у меня и так все великолепно!

Я решительно встала и пошла в коридор, чтобы спрятать коробочку с искушением подальше от себя (да и от воров тоже). Выбор пал на напольное зеркало: вряд ли за ним будут искать, да и мне на глаза лишний раз не попадет. Но когда я разогнулась, то увидела, как в зеркальной глубине медленно открывается комнатная дверь. За ней шумели гости, горели новогодние огоньки на настоящей огромной елке. Потом выстрелила хлопушка и конфетти разноцветной метелью вылетело в коридор. И вместо страха меня охватила сумасшедшая радость! Я зачарованно глядела, как яркие кружочки, медленно кружась, падают на пол. Медленно-медленно, как в кино. Какой это год? Конечно, мы тогда познакомились с Игорем. Ах, вот и они! То есть мы... В зеркале целовались парень с девушкой. Неужели мы были такие симпатичные? Да-да! Были, конечно! Как я могла все забыть?

Внезапно меня осенило: раньше здесь не было зеркала, в этой нише располагались вешалки. А зеркало стояло напротив. В тот Новый год все веселились, а мы умирали от тоски. Мы убежали от них и зарылись в шубы, чтобы нас никто не нашел. Нас интересовала только любовь! А мех был такой мягкий и пах морозом, свежестью... Я почувствовала, как голова пошла кругом. Никогда! Какое ужасное слово: никогда, никогда, никогда. Как несправедливо, что отец Владика умер так рано! Кажется, жизнь без него не имеет смысла, однако я все-таки живу и, можно сказать, даже творю...

Я улыбнулась, вспомнив, как утром мы поссорились и я долго-долго торчала у окна, дрожала от сквозняков и страха. Обмоталась длиннущим французским шарфом, который он забыл, и смотрела в пустой, заметенный снегом двор. «Позвонит? Придет? А вдруг он бросил меня?» И тут я увидела Игоря: он стоял на детской площадке и не сводил глаз с окна, в руках сжимал букет роз. Да-а... В советское время купить розы в новогоднюю ночь было приблизительно то же, что принести царицыны черевички...

А так хочется любить и стремиться вопреки всему: мечтать о встречах и взглядах, ловить движение глаз, поворот головы, улыбку или тень, пробежавшую по дорожному лицу. Засыпать и просыпаться с мыслью о

нем, с надеждой на встречу. Да, иногда судьба преподносит подарочки! Не только колотушки. По щеке проползла горячая слезинка. Я вытерла ее ладонью и вздохнула, признаю. Нехорошо быть человеку одному. Зажмурилась. Открыла глаза — теперь в зеркале отражалась обыкновенная женщина с грустным расстроенным лицом. И больше никого. Прошлое бесследно исчезло. Врешь, кольцо! Желай не желай — ничего не вернется: что в вечность упало — то пропало.

Глава 7

Незаметно минула зима, жизнь вошла в свою колею. Праздничный обед состоялся и прошел на высшем уровне, все хвалили подарки (и по моему, искренне), но было уже неинтересно. Меня влекло совсем другое. Родные заметили странное равнодушие и решили, что я увлечена романом с таинственным антикваром. Как бы то ни было, зимние события пошли мне на пользу: наконец-то я перестала думать за всех и обнаружила, что сама по себе тоже еще существую в мировом пространстве!

Внук сдержал слово и познакомил с рыжей Олей. У нее были очки и чудесные тициановские волосы. Ей очень хотелось понравиться, поэтому она волновалась и умничала, иногда терялась и краснела, подкупая непосредственностью. Было очевидно, что Оля — беззаветно влюбленная, милая, хорошая девочка. Я искренне радовалась за обоих, но предложение о совместном отпуске решительно отклонила (чем очень их удивила). А себе пообещала вырваться хоть на десять дней к морю.

Зимние месяцы были посвящены упорному и плодотворному труду. Давно так хорошо не работалось! Переводы шли как по маслу, однако ровно в девять часов вечера я неумолимо ставила точку и открывала окно во Всемирную сеть: я хотела представить тех людей, с которыми, хочешь не хочешь, теперь связывал перстень желаний. Разумеется, больше всего интересовала неожиданно появившаяся дальняя родственница. Я даже завела в компьютере специальную папку, куда тщательно копировала все собранные сведения, и сделала вывод, что эта панночка оставалась притягательной и после смерти, почти как в гоголевском «Вие». По крайней мере, писали про нее многие — кто с осуждением, кто с восхищением, — но заглянуть в хрустальный гроб истории было интересно. Однажды я подумала о том, что ее посмертная жизнь оказалась не менее драматичной, чем жизнь реальная. Пожала плечами, осознавая этот факт, заварила кофе и погрузилась в содержимое своей папки. И зазвучал странный хор!

Кто-то восторженно называл ее изящной и чарующей полькой с необыкновенно выразительными глазами. Другие, наоборот, полностью отрицали женское обаяние, говорили о сходстве с отцом, обращали внимание на высокий лоб, ястребиный нос и острый подбородок, тонкий рот и плотно сжатые губы. При этом все отмечали силу воли, честолюбие и удивительную харизму этой женщины, которая магнетически притягивала мужчин. Недаром называли ее ведьмой и «еретицей».

«Ну это уже слишком! — кокетливо вздохнула я. — На редкость разноголосый хор летописцев! Интересно, живой-то они ее видели?»

Я отодвинула ноут, посмотрела в окно и счастливо пересчитала признаки фамильного сходства: ястребиный нос, блестящие серые глаза, тонкие губы, маленький рост, при этом волевая, целеустремленная, честолюбивая. Ну что же, лестно, приятно до головокружения, хотя и странно... Хотела бы я с ней встретиться, поговорить. Я представила себе наш диалог и окончательно размечталась. Взгляд скользил от предмета к предмету, потом упал на страницу ежедневника, и я, охнув, подскочила. Скоро МЖД — 8 Марта! МЖД — это аббревиатура, придуманная Демиургом, которая мне очень нравилась. Ничего личного, просто Международный женский день. А какой же праздник без веселья и застолья? Веселье же Леонид понимал по-своему, и к этому нужно было подготовиться.

Пришлось все бросить и выйти на улицу. В витрине какого-то магазина засмотрелась на симпатичное пальто, немного поколебалась и нырнула внутрь. Магазин оказался больше, чем я предполагала: длинные ряды пальто и пуховиков самых невообразимых расцветок и фасонов уходили за горизонт — во всяком случае, стены было не видно. Я почему-то занервничала. Вообще-то давно хотелось что-то поменять, тем более что наступала весна и в глубине души мне нравились элегантные кашемировые пальто, но вылупиться из привычного пухового кокона было не так-то просто. Элегантность обязывает и поэтому неизбежно внесет напряжение в мой устоявшийся и всеми принятый образ (простите, имидж), в котором удобно и уютно, как в разношенных тапочках. Я поняла, что не готова поменяться, и собралась капитулировать.

Однако было поздно: по проходу уже мчался продавец-консультант, и я приготовилась дать жесткий отпор в классическом стиле. «Вам чем-то помочь?» — «Спасибо, я только смотрю».

— Дама, извините, мне нужно срочно перезвонить: с девушкой поспорился. Сами выплывете?

Я удивленно кивнула, кинула взгляд на яркие разноцветные пальто и побрела в мрачный темно-коричневый и черный массив. После получасовых поисков настроение стало такого же цвета.

— У вас что, траур?

Паренек нарисовался в отдалении и теперь с удовольствием отхлебывал кофе с чизбургером.

— Мы помирились, и я решил отпраздновать. Возьмите вон то бежевое пальто с поясом и не мучайтесь. Вам подойдет, говорю это как профессионал.

— Не навязывайте мне ничего. У меня есть свое мнение.

— Я не навязываю, а предлагаю. Вы же не видите себя со стороны. Ботинки, пуховик — что за потребительские стандарты! Вы заметили, что сейчас мужчины и женщины одеваются почти одинаково? Такие андрогины в пуховиках — мне кажется, вам стоит выделиться. Вы же необычная женщина, по-своему яркая. И повод есть: завтра, между прочим, 8 марта, а никак не 23 февраля. Шляпочку тоже нужно сменить. Вон там, на полочке, лежат вязаные, ручной работы. Это модно!

— А что, у меня плохая шапка? — обиделась я.

— У вас обыкновенная, среднестатистическая шапка, — отрезал паренек. — У моей бабушки такая же. Зачем она вам?

Сердце учащенно забилося.

— Но ведь я тоже бабушка.

Он задумчиво покачал головой:

— Для бабушки вам чего-то не хватает. Во всяком случае, мне про вас так думать не хочется. Но клиент всегда прав — повторяю, я никогда не навязываю свое мнение.

И он исчез в пуховиках.

— Молодой человек! — испуганно заторопилась я. — Я согласна, беру и пальто и шапочку...

Он снова возник передо мной, как вездесущий дух моды, помог облачиться в обновы и строго осмотрел с ног до головы:

— Отлично! Вы стали очень хорошенькой!

Такое замечание из уст молодого человека можно было бы счесть наглостью, но я сейчас себе очень нравилась и не стала возражать. Продавец остановил взгляд на пуховике и старой шапке:

— Что будем делать с вашими доспехами? Помочь донести до машины?

— Я не вожу машину, — застенчиво сказала я. — И вообще, эти вещи мне больше не нужны. Можно я их оставляю здесь?

— Помилуйте, у нас же не склад!

— Так отдайте их кому-нибудь: они хорошего качества и почти новые...

Все мое существо теперь отторгло эту бесформенную оболочку, которая еще полчаса назад согревала меня. В легком золотистом пальто, напоминавшем по форме колокольчик, я чувствовала себя бабочкой, вылупившейся из кокона.

— Ладно, я что-нибудь придумаю, — милостиво согласился молодой продавец. — Честно говоря, вы не первая клиентка, которая так поступает. И это прекрасно. Кстати, советую вам отпраздновать покупку: будет дольше носиться. У нас здесь отличный супермаркет, купите шампанского, деликатесов — устройте праздник, который всегда с тобой, как у Хемингуэя.

— А вы читали Хемингуэя? — с уважением спросила я, но он уже меня не слушал, прижимая к уху мобильник.

Любовь! Весна! И я отправилась устраивать праздник.

Я легко шагала по улице, помахивая пакетом с шампанским и получая огромное удовольствие от каждого шага, каждой витрины, где отражалась золотым огоньком. Оказывается, женщине очень просто стать счастливой: нужно быть модной и красивой — и все! «Праздник, который всегда с тобой!» — пропела я и с интересом посмотрела на прохожих — знают ли они о таком? Нет, они, скорее всего, не знали и энергично обгоняли меня, вперив взгляд в какую-то невидимую цель. Другие, наоборот, устало брели, опустив голову и изучая грязный подтаявший снег и разноцветный мусор. Ни я, ни замечательная обновка никого не интересовали, что, впрочем, было понятно и не обидно. «Это только мой празд-

ник!» — улыбнулась я, вспомнила о том, что завтра, несмотря на холод, начинается весна, и вдруг остановилась.

В голове мелькнула какая-то мысль. Я на секунду задумалась: что-то тревожное... Так бывает, когда вспоминаешь что-то, а вспомнить не можешь. Но стоило повернуть голову вправо, как над крышами домов гордо воспарил византийский купол собора. Небо в небе. Никогда не замечала! Неужели он совсем близко? Я припомнила свои зимние злоключения и торопливо пошла прочь. Углубилась в соседнюю улицу и с досадой обнаружила, что от стены до стены там висит красно-белая лента, а смуглые красавцы в оранжевых жилетах борются с огромной трубой, утопая в снежной каше.

— Мама, у нас авария! Ходи в обход...

Пришлось повернуть направо — внутри крепло нехорошее предчувствие. «Это кладбище — патогенная зона с отрицательной энергией. Возможно, она материализует наши страхи. Нужно опустить глаза и пройти мимо — ничего не случится», — сказала я себе, прекрасно понимая, что ничего не получится. И действительно, когда поравнялась с воротами, раздался стон. Это был не истошный крик «Помогите!», а именно стон. Кто-то совершенно не рассчитывал на отклик — просто сообщал, что ему очень-очень больно, и эта безысходность сжала сердце. Теперь бояться было поздно. Я с минуту уныло топталась около входа, представляя себе, что на кладбище умирает тот ужасный бомж, который хотел украсть сумку. Но и он есть человек... Опять же, сейчас день, светло — вызову полицию, да и дело с концом... Снова раздался стон. А может, там ребенок в могилу провалился? Или у любопытной бабушки инфаркт: пошла на могилку к Врубелю — и хлоп! Нужно помочь, потому что по-другому нельзя. Потом себе не прощу.

И, уже не колеблясь, я открыла кованую половинку ворот. Страдалец лежал в кустах и глядел на подошедшую бездонными глазами цвета старого янтаря. Средней величины, грязный, пушистый, с перебитой задней ногой — пес не сомневался в том, что наступил конец его собачьей истории, и последним желанием было избавиться от страшной боли. А дальше будь что будет! Снег под песьим животом был грязно-розовый. Из зарослей желто-серого меха торчала кость, и от этого зрелища к горлу подкатила тошнота, а рот наполнился слюной. «Не смей! Обморок отменяется». Я взяла себя в руки и смотрела только на собачью голову.

— Где же тебя так, бедолагу, угораздило? Что теперь с тобой делать?

Пес из последних сил стукнул хвостом и закрыл глаза. Я стала лихорадочно разрывать упаковку финских сосисок, потому что необходимо было хоть что-то делать. Наверное, есть ветеринарные «скорые»? Можно вызвать, отдать в лечебницу, а что потом? Объявление дать? По совести говоря, к усыновлению я была не готова.

— Са-аси-исечку, значит? А, старая знакомая! Душа христианская, добрая... Эк тебя жалость распирает. Животина подыхает — ты ему сосисочку под нос. Кушай, родной, напоследок! Так, что ли?

Я запрокинула голову и увидела Василия: поскольку сидела на корточках, шапочка пришлась как раз на уровне сапожных голенищ. Сни-

зу его лицо казалось темным: наверное, так падала тень, а может быть, он сильно злится? Глаза недобро поблескивали из-под бровей, как и в прошлый раз, за зиму Василий ничуть не изменился, и манеры были не слишком любезные. Снова вспомнилось покушение на сумку. «А вдруг он меня сейчас пнет?» — подумала я и резко распрямилась.

— Понимаете, я не могу его взять домой! К сожалению, я много работаю и не смогу с ним гулять, а он любит свободу! Подумайте, как он будет жить в четырех стенах? Вы бы так смогли?

Поняв, что сморозила глупость, прикусила губу. Но Василий не обиделся. Он снисходительно закивал, так что заплясали седые кудряшки на голове:

— Правильно, все ты правильно говоришь, добрая женщина. Согласен! Пусть лучше сдохнет на свободе — это ты хорошо придумала.

Не успела я что-то сказать, как гигант поднял зверюгу на руки и пошел в кладбищенскую глубину.

— Постойте! — Я почувствовала недоброе. — Мужчина, так нельзя! Куда вы его понесли?

— Последний раз спрашиваю: возьмешь? — Глаза смотрели очень внимательно.

— Постойте! Знаете как мы поступим? Я отвезу его в лечебницу, а потом пристрою... Его, наверное, машина сбила? — заискивающе спросила я, чтобы протянуть время.

— Его трубой ударили.

— За что? С чего вы взяли?

— Да просто так, от скуки. Ну, ему теперь все равно. Труба ли, машина — конец один. Отмучился.

— Почему все равно?

Бомж быстро шагнул в сторону, и тут я все поняла.

— Зачем он вам? Куда вы его несете? Почему все равно?

— А мы их едим, — спокойно сказал Василий. — Собачатина от туберкулеза помогает. Это все знают. А из шкуры шапку сошью: все равно не жилец. — Он широко улыбнулся белыми, совсем не бомжатскими зубами и кивнул на пакет: — Я тоже сосисочки люблю, я бы их покупал, да нам туда нельзя! Вот и охотимся, кто может...

— Помогите! — закричала я, захлебываясь слезами, задыхаясь от злости и беспомощности. — Это невозможно! Вы не посмеете! Отдайте собаку!

— Цыц, пошла вон! Упустила ты свой шанс, мать Тереза. И за мной не ходи, а то в беду попадешь. — Он легонько толкнул плечом, перехватил поудобнее несчастного пса и исчез за склепом.

Меня бил крупный озноб, но мысль работала ясно и четко. Я пулей вылетела на проезжую часть и поймала машину. Интуиция и здравый смысл подсказывали, что время есть: не станет он убивать собаку среди бела дня! Все-таки кладбище не простое, а мемориальное и в центре города. Экскурсанты лазают. Не пойдет он на скандал, а то выгонят еще с монастырского кладбища...

С быстротой гепарда я побежала домой. Долго не могла попасть ключом в замок: опять затрясло, руки прыгали как на пружинах. Да! Бомжи едят собак и голубей, я много раз об этом слышала, и это очень логично, очень правдоподобно. А что им остается? Как-то переводила на английский книжку о революции: среди прочих ужасов автор упоминал знаменитого чекиста Бокия, который страдал от туберкулеза и, действительно, в трудных фронтовых условиях употреблял собачье мясо — проверенное народное средство Востока. «Ох, что я наделала! — запрочитала я. — Почему не взяла эту псину?»

Наконец-то ввалилась в квартиру, скользнула по зеркалу, вспомнила прощальный взгляд янтарных глаз, когда уносил Василий покорного страдальца, и застонала, почти завывала. Минут десять металась по коридору, ломая пальцы и размазывая слезы, которые обильно орошали золотистый воротник нового пальто, а потом осенило. Встала на колени перед зеркалом, извлекла заветную коробочку, надела перстень и прерывисто зашептала. Камень поднесла так близко к губам, что нежное озерцо аметиста запотело от дыхания, как будто камень задумался и прикрыл невидимыми ресницами свое око.

— Ты же можешь выполнить хотя бы одно, ну самое маленькое, ерундовое желание! Я ведь не за человека прошу, — торговалась я с кольцом. — Я выкуплю его и клянусь, возьму домой. Только пусть доживет. Пусть доживет! А с этим уродом сама справлюсь...

И вдруг я поняла, что услышана: истерика прекратилась. В груди больше ничего не дергалось и не трепетало, сердце билось часто, но ровно. Меня охватила холодная спокойная злость — наверное, такое чувство возникало у тех, кто шел в атаку. Эта злость окатила меня с головы до ног и застыла, превратившись в непроницаемый скафандр. Наслаждаясь чувством собственной защищенности, я схватила пакет и деньги (может, удастся подкупить этого урода?), открыла пинком дверь и помчалась по улице. Перстень снимать не стала. Он мне теперь помощник — снимут только вместе с пальцем.

В голову приходили попеременно утешительные и неутешительные мысли. «Он выглядит аккуратным и сытым, не похож на отчаянного. А если он садист? — стиснув зубы от ненависти, бормотала я, сжимая внутри перчатки выкупную купюру. — Или у него действительно туберкулез? Едят же люди барсучий жир... Фу, какая гадость! В магазин его, видите ли, не пускают. Да тебя нужно в психиатрическую больницу сдать! Не согласишься на выкуп — я это сделаю. Даю слово!» Страха не было — была решимость.

Я рывком распахнула калитку, бросилась вперед и остановилась как вкопанная, едва не вывихнув щиколотку. «Что ты, добрый конь, травяной мешок, спотыкаешься?» — прошептала я, пытаюсь осознать увиденное. Несчастная лохматая жертва, сморщив нос, старательно выбирала из кустов финские сосиски. Никакого внимания на влетевшую даму пес не обратил, он напоминал ребенка, который с сосредоточенным и довольным видом лопает найденные конфеты. На шее был самодельный ошейник из

мужского ремня, лапа забинтована и уложена в ситцевую люлечку под животом.

— Ох, радость-то какая! Живой! Неужели у этого замогильщика есть сердце?

Пес поднял голову, вежливо вильнул хвостом и продолжил обед.

— Милый, ты празднуешь спасение! Кушай, кушай, родной! У меня тут такие штучки разные. Сейчас, сейчас...

Вдруг пес вылез из кустов и, склонив лобастую голову, прислушался. Он тянул в себя воздух так, что дрожала нижняя губа. Потом прижал уши — шерсть встала! — и поскакал вглубь кладбища. Глядя на этот трехногий галоп, я вспомнила мои финские палки — воистину, никогда не сдавайся...

Очень быстро пес вернулся. Он повелительно гавкнул, но я его не поняла. Тогда собака попыталась схватить за рукав. «Отстань, порвешь!» — отбивалась я. Псина зарычала басом, вцепилась в пакет и настойчиво тянула за собой. Мы дружно бросились в старую аллею, под сень гигантских тополей. Пес, слегка перекошенный набок, припустил изо всех сил, но постоянно оглядывался. Он забыл про бесполезную лапу и на своих троих мчался как сказочный волк, поэтому отставать было стыдно. Наш параолимпийский забег проходил в нужном темпе, плохо только, что нарастала тревога. С каждым метром сердце сжималось все сильнее и сильнее. Наконец мы добрались до конца аллеи и посмотрели друг дружке в глаза. «Не стоит высовываться!» — строго предупредил пес взглядом и потихоньку пополз вперед, а я благоразумно спряталась за деревом. Было ясно, что бездомная зверюга лучше знает местные законы.

Впереди раскинулась полянка, окруженная кустами. Чуть в стороне стоял вагончик для строителей. Перед входом куча песка, расстелен брезент и разложен инструмент: скобы, молоток, чемодан с какими-то отвертками, сверлами, большая коробка со строительными дюбелями толщиной в палец и мощный монтажный пистолет, похожий на боевой автомат.

Напротив вагончика расположился старинный склеп в новых лесах, напоминавший одновременно терем и готический собор — архитектурный китч XIX века! В этой наивной купеческой роскоши было что-то трогательное. Над углами сооружения головки херувимов с потрескавшимися щечками задумчиво смотрели в небо. Над входом когда-то был Спас Нерукотворный, но лихие люди или безжалостное время украли икону — остался лишь четкий отпечаток. Лик невидящими глазами смотрел прямо на меня, как эхо Туринской плащаницы, и я невольно опустила глаза. В глубине склепа белела фигура коленопреклоненного ангела. Правая рука прижата к сердцу, а в левой он почему-то держал свою голову.

У входа в склеп стоял огромный Василий собственной персоной. Он широко расставил ноги и раскинул руки, готовясь обнять двух мужичков странного вида. Белая рубаха была разодрана почти на две части, и я удивилась загару и могучим мускулам: «Он больше похож на Илью Муромца, а не на голодного бомжа — дух старого кладбища и его защитник». Впрочем, было не до рассуждений. В воздухе пахло грозой, между тремя напряженными фигурами пробегали искры, и я крепче вжалась в дерево.

Высокий мужичок с низким лбом держал здоровую палку и откровенно примеривался, как неандерталец на охоте. Второй, пониже, опустив маленькую голову на тонкой шее, глядел в землю. Это был пижонистый аристократ с помойки: рваная куртка «Хелли Хансен», вытертые, как рядно, джинсы «Эливайс», модные кроссовки в паутине трещин. Теперь ветер дул в мою сторону и кислый аромат мусорных баков был нестерпимым.

— Что, дядя Василий, страшно помирать? — тихо спросил Пижон.

— Не хочу помирать! — согласился Василий и угрюмо потряс головой.

— А чего? Примешь мученическую смерть и сразу наверх! Помирать всегда нелегко, так что разницы особой нет — когда. Зато из уважения мы тебя в любимом склепе закроем. Только громко не кричи, не беспокой усопших.

— Может, вы уйдете? — кротко попросил Василий.

Он явно не хотел драться.

— Не-а-а... — пропел Пижон. — Лучше мы останемся, а ты навсегда уйдешь...

Он по-кошачьи метнулся к земле и швырнул полную горсть песка в глаза Василию. Раздался оглушительный рев — наверное, так кричали наши прародители на охоте.

— Бе-е-ей!

— Я не могу... — натужно просипели в ответ.

Неандерталец занес было дубину, но трехногий пес крепко ухватил палку молодыми зубами. Пижон засадил ему пинка под ребра. В следующее мгновение Василий ударил сапогом самого Пижона под дых, тот превратился в букву «Г» и завалился набок. Почти одновременно огромный кулак врезался в скулу доисторического охотника, но тот как будто не заметил и боднул противника в грудь. Василий пошатнулся, однако устоял, и тогда они схватились по-русски, на кулаках. Из носов и рассеченных бровей брызнула кровь, и драться стало труднее. Они обнялись теснее и начали бороться. Соперники тяжело дышали, медленно поворачивались, пытались повалить друг друга. Никто не сдавался! Пес бегал вокруг и по-джентльменски не вмешивался. Вдруг он тревожно взглянул в мою сторону.

И стало ясно: что-то изменилось. Пижон больше не валялся на снегу. Он отполз к вагончику и внимательно наблюдал за борцами, стараясь вычислить, когда Василий повернется затылком. Потом медленно, не привлекая внимания, подтянул «автомат», в дуле блеснул толстенный дюбель. «Сейчас он его убьет», — ясно и четко прозвучал чей-то голос. Я почувствовала, как стекленею: ноги стали хрупкие и прозрачные, пальцы похолодели, в голове что-то зазвенело, как проволока на ветру. Пижон сжал рукоятку двумя руками, встал на колено... Я рванула на негнущихся ногах, ожидая, что сейчас сломаюсь, разобьюсь, превращусь в грудку хрустальных осколков, не добегу. Стрелок тщательно целился, борцы поворачивались по часовой стрелке, и загорелая спина Василия заблестела на солнце.

— Сдохни, гад! — истошно закричала я и со всего размаху опустила груженный пакет на затылок снайпера.

На секунду заглянула в удивленные глаза со зрачками-точками. Но было уже не страшно. Я уже перешла грань и, упираясь руками в грязный подбородок врага, навалилась худым телом, опрокинула Пижона на снег. Тот попытался встать, но не смог: подоспевший пес крепко ухватил его за нос и прижал. Тошнотворный звериный запах накрыл меня с головой, и сознание ушло.

Очнулась я в вагончике на солдатской койке. Снизу и сбоку внимательно смотрели четыре разноцветных глаза: два человеческих, два золотисто-карих, собачьих. Василий стоял на коленях и напряженно вглядывался в мое лицо. Пес сидел, вытянув морду и наострив уши.

— Фу, очнулась! Очнулась наша Настасья Микулична! — радостно рявкнул Василий.

Песик с облегчением вздохнул и засунул нос в широкий рукав пальто. Нос был, как полагается, влажным и холодным, и я невольно вздрогнула. С тревогой покосилась на легкомысленно распахнутую дверь и ситцевую занавеску, которая шевелилась под порывами ветра.

— Где они? Они... ушли?

— Их увезли. Наша полиция нас бережет, — просиял Василий цыганской улыбкой.

— А вас почему не забрали? Вы тоже участвовали.

— Я потерпевший, — ласково сообщил Василий. — В отличие от тебя противоправных действий не совершал, только защищался. Забрать хотели тебя, матушка, как напавшую. Но я не дал. Сказал, что это за меня жена заступилась, и они поверили.

— Что?!

— Шучу! — с деланным испугом тут же поправился он, и выражение его лица стало очень симпатичным.

— Тоже мне — шутник... — Я даже не обиделась и рассмеялась вместе с ним. — Я, между прочим, переводчик и кандидат наук.

Василий кивнул с пониманием:

— Видишь, Треха, какая серьезная женщина...

Пес зевнул.

— Ясен перец, такая за бомжа замуж не пойдет. Да и я, матушка, жениться не собираюсь: ты не моего поля ягода, уж извини... А сказал, чтобы не увезли с места происшествия в одной машине с теми годзиллами. По-любому спасибо тебе, добрая женщина. Если бы не вы с Трехой, лежать бы мне сейчас в склепе с дюбелем в башке. — Он зажмурился и потрянул кудрями. — Ох долгая была бы смертушка.

И неожиданно поклонился мне, чем сильно смутил. Я медленно села на постели. В принципе, все было в порядке: немного звенело в ушах, но это пустяки. Желание покинуть сей убогий приют стало неодолимым.

— Все-все, Василий! Я принимаю благодарности и спешу домой. Мне правда пора.

— Ты иди-то можешь? Хочешь, на руки возьму?

— Не стоит, — усмехнулась я и решительно поднялась.

Этому цыгану палец в рот не клади — руку откусит.

— Мы проводим. Айда с нами, Треха!

— Зачем? Думаете, возможны новые сюрпризы?

— На кладбище они всегда возможны. Здесь своя отдельная планета — полюс недоступности.

Мы потихоньку побрели по дорожке. Я быстро поняла, что Василий идет не к воротам, а, наоборот, от них. Спрашивать не хотелось. К тому же Треха, которому я доверяла, был абсолютно спокоен. Он скакал впереди и с удовольствием обнюхивал подтаявший снег. Я подняла глаза и посмотрела вверх. По-зимнему голые, ветки деревьев соединились в ажурный купол. Изящный узор казался гигантским рисунком черной тушью на синем шелке.

— Посмотрите, как красиво! Если бы я была японкой, я бы посвятила этим веткам четверостишие, — неожиданно вырвалось у меня, и я покосилась на спутника, ожидая реакции.

— Стихи? Это хорошо. — Василий снисходительно кивнул. — Но не торопись, ты еще настоящей красоты не видала. Вот смотри!

Мы остановились перед сиренево-лиловым холмом: с южной стороны, где уже стаял снег, его от подножия до макушки покрывали огромные колокольчики. Венчики изо всех сил тянулись вверх и просвечивали на солнце, казалось, что в каждом пылает маленький огонек.

— Как чаши Грааля... — У меня перехватило дыхание.

— Верно, на чаши похоже. Только вообще-то это обыкновенные крокусы.

— Я в молодости видела такие. Мы тогда поднимались на Ивано-Франковский перевал. Откуда они здесь?

— Не знаю откуда. Я же говорю — своя планета. Ну налетай, собирай.

— Зачем? Я что, варвар?.. Кстати, о варварах. — Я исподлобья взглянула на него. — За что эти люди хотели вас убить? Что вы им сделали? Это гробкопатели, да?

— Да, — неожиданно просто согласился Василий, как будто речь шла о чем-то очень обычном. — Таких археологов здесь много, но эти — профессионалы. И хотя вокруг копано-перекопано, они все равно что-то находят. Не обращайтесь внимания, уважаемая, это очень давняя история.

Он строго посмотрел на меня, и было ясно, что больше ничего не скажет. Я вздохнула.

— Вот, гостя дорогая, твой пакет с продуктами.

— Оставьте себе, — я небрежно махнула перчаткой, — там, кстати, бутылка шампанского...

— Я непьющий, — обиженно сказал Василий. — То есть запойный, поэтому не пью.

— Отдайте кому-нибудь.

— Треха тоже непьющий. А здорово бутылка сработала! — Он подмигнул, как мальчишка. — Бутылка и консервы — вот в чем дело! А я смотрю и думаю: как такая маленькая, худая тетка с одного раза мужика уложила? Да еще обычным пакетом.

Я поморщилась как от укола, потому что всегда мне было легче сделать больно себе, чем другим. Даже прихлопнуть муху противно, а ведь недавно была по голове человека. Была всерьез, чтобы лишить сознания. А если бы убила? И это все для того, чтобы спасти жизнь этому Василию.

— Можно два вопроса напоследок?

— Зачем же напоследок? Ты заходи...

— Почему ангел в том склепе держал голову в руках? И почему вы его так отчаянно защищали?

— Не защищал — просто они меня подкараулили и к стенке приперли. Я же говорю, давняя история. — Василий пожал плечами. — А ангельскую голову я нашел в кустах и пристроил как мог. Думаю, отреставрирую. Это детский склеп, и на стене есть надпись от безутешных родителей.

— Да что вы! — растрогалась я.

Гигант в ответ поклонился:

— Сия трогательная подробность, естественно, дает мне дополнительные очки в дамских глазах, однако придется вас разочаровать. Не стал бы я за чужих покойничков насмерть стоять. А правды, мать, я тебе не скажу! Считай, что я тех двоих изгонял со своей планеты.

Я озадаченно смотрела на него: Василий менялся на глазах — забыл свои народные словечки, говорил как интеллигентный человек. Наверное, творчеством занимался, таланта не хватило и, вместо того чтобы смириться, все пропил или спустил на наркоте. Сознание расширял. Слабак! Вспомнилось, как тянуло попробовать эти волшебные штучки, отвлечься, забыться и хоть на минуту стать счастливой. Но на мне был ребенок и я, сжав зубы, лихорадочно переводила и превращала в шедевры романчики, чувствуя, как каменеют мозги, забываются слова и мой писательский дар медленно, но верно исчезает в никуда.

Пес сел на дорожку и сделал акробатический этюд, почесав за ухом действующей задней ногой.

— А с какой стати вы его Трехой называете? У него же четыре лапы.

— Четвертая теперь фиктивная, будет болтаться для красоты.

— А может...

— Нет, не может! — твердо сказал Василий. — Я в таких вопросах специалист: мне много раз руки-ноги ломали и я сам по пьяни ломал. Знаю, что говорю.

Я устало прикрыла глаза. От этих слов повеяло мраком, страшной, пещерной жизнью. В который раз подумала, что животных намного приятнее любить, чем людей.

— Красивый у тебя перстень, — вдруг жестко произнес Василий.

Снова взор его нехорошо, по-вороньи блеснул из-под бровей. Я хотела пискнуть, что это бижутерия, но вместо этого гордо расправила плечи и, бесстрашно глядя в глаза, подтвердила:

— Красивый. Если помните, я люблю красивые вещи, сумки например.

— Настоящий?

— Старинной работы.

— Вижу, что настоящий, я в камушках тоже разбираюсь.

— Надеюсь, вы не забыли, что я спасла вам жизнь? — с вызовом сказала я.

Он усмехнулся:

— Еще не забыл, только у людей память короткая, так что не светись, мать, и не вводи во искушение, как сказано в Евангелии. Не я, так другой — это тебе в назидание. Здесь много любопытных. А теперь иди по этой дорожке и никуда не сворачивай...

Он зашел за дерево и исчез. Треха кинулся следом, а я повесила пакет на тополиный сук и с достоинством пошла восвояси.

Глава 8

Кажется, я открыла глаза ранним утром, а возможно, это был поздний вечер: в комнате царил полумрак и было очень тихо. Нежный голубой свет лился из окон и превращал мою спальню в волшебный венчик крокуса, внутри которого была я...

Я встала, удивилась легкости своего тела и выскользнула на улицу. Вокруг все было так же, как вчера, и вместе с тем по-другому. Внезапно я поняла, что это сон — от этой мысли захватило дух, стало весело и страшно, как будто я неслась вниз по американской горке.

Вот и вход на кладбище, хотя ворота были другие: стандартную решетку заменили изысканные кованые завитушки, цветы и загогулины, словно это был вход в чью-то усадьбу, а не в мир скорби. Секунду я колебалась: туда ли пришла? Однако стоило легко коснуться — и ворота плавно распались на две половинки, приглашая проследовать внутрь. Я поняла, что меня ждут, и бесстрашно вошла.

За оградой начались сплошные сюрпризы. Исчез гневный ангел с изуродованным лицом, который встречал меня зимой. Теперь навстречу летело, едва касаясь мраморной сферы, прекрасное создание в струящихся по ветру каменных одеждах. Изящную голову украшали тугие локоны и лилии, крылья сверкали на солнце. «Ты прекрасен!» — сказала я ангелу и пошла дальше.

За ангелом, сомкнув ветви, стояли вековые деревья, а под ними разлилось лиловое море крокусов без конца и края. Я старалась не наступать на цветы, но скоро обнаружила, что не оставляю следов, и замерла от восторга: наконец-то я стала частью иного, волшебного мира! А возвращение... Я не думала о возвращении, чувствуя себя сидящей в машине времени. На кладбище было солнечно и, несмотря на будний день, на удивление многолюдно. Мимо не торопясь проходили мужчины и женщины в старинной богатой одежде, бегали стайки нарядных детей. Мне было немного жаль этих людей, я расчувствовалась, загрустила. И все же вовремя взяла себя в руки: моя задача — найти сторожку или хотя бы тот склеп...

Только я об этом подумала, как гуляющие бесследно исчезли и я снова одиноко брела, озираясь по сторонам. Я осознала, что все дальше и дальше ухожу в прошлое, поэтому никакой сторожки здесь быть не может, и в растерянности остановилась. Вдруг слева за деревьями звонко рас-

смеялись дети, и, невольно подняв глаза, я узрела знакомую крышу. Да, это был тот самый купеческий терем-склеп! А вокруг него бегали две девочки, похожие на кукол, в кружевных воротниках-пелеринках. Младшая девочка катила обруч на палочке, старшая в шутку пыталась его отнять, а в полумраке склепа белело ангельское крыло. Увидев меня, девочки замолчали, но не испугались и наперебой стали указывать пальчиками на вход.

И я вошла внутрь на деревянных ногах, обмирая от страха и дурного предчувствия. Там стоял коленопреклоненный ангел, который держал в руках голову Василия. Голова открыла глаза, вздохнула и сказала: «Что, пришла все-таки, матушка? А я теперь вот такой. Видишь? На старости лет ангелом стал». А потом она подмигнула блестящим карим глазом и расхохоталась.

...Я проснулась. Сон подействовал успокоительно: интуиция подсказывала, что с Василием все более-менее в порядке, детки в обиду не дадут — он так самоотверженно защищал их последний приют! Однако понежиться в постели не удалось: бросив взгляд на часы, обнаружила, что опаздываю, и в ужасе заметалась по комнате. Сегодня предпраздничный день, Демиург будет информировать о корпоративном мероприятии, и горе опоздавшим. Если я не появлюсь к выходу господина Бронштейна, то могу лишиться головы.

В редакции царило напряженное предпраздничное настроение, которое в целом выражалось классической директивой Демиурга: «Всем радоваться!» Все эти годы наш начальник целеустремленно взращивал идею корпоративного единства: «Запомните! Мы с вами не команда, потому что я сторонник абсолютной монархии. И тем более не одна семья, потому что я за моногамные отношения. Примите на веру: мы с вами одна шайка-лейка! Ясно, разбойники? А я ваш атаман». Трудно было сказать, что это означало. Возможно, господин Бронштейн намекал на непростые отношения с теми, кто охранял права авторов, или подчеркивал свой авантюрный характер, но с атаманом не поспоришь и в профсоюз не напишешь.

Раз в месяц нас грузили в автобус и вывозили на «день здоровья».

— Давайте я лучше срочный перевод закончу, — пыталась я пойти на подкуп, Демиург же зловец молчал, вперив голубые очи. — Понимаете, Леонид Петрович, — жалобно скулила я, — мне столько не выпить! Посмотрите, какая я худенькая.

— А ты тренируйся, — чеканил Вий. — И помни, Демиург здесь я. Низвергну с небес — станешь падшим ангелом. Незаменимых у нас нет!

В преддверии 8 Марта, совершенно точно, намечался сюрприз. Коллектив заметно нервничал, потому что фантазия у шефа была неукротимой. И каждый понимал, что, если даже Демиург отвезет все издательство на Игору и предложит прыгнуть с самого высокого трамплина, все так и сделают. Включая лиц пенсионного возраста и тех, кто не видел лыжи в глаза.

Обычно пунктуальный, Леонид Петрович сегодня опаздывал. Я видела, как терялась в догадках Алиса. Она покусывала губу, глядя своими хрустальными очами на страницу гугла, и уже минут пятнадцать не шевелилась, словно мраморная нимфа. Правая рука лежала на мышке, левая

поглаживала крышку телефона. Но позвонить красавица не смела. «Может, у него есть еще одна Алиса, — подумала я и тут же смутилась. — Вредничаю, потому что старею». Однако чувствительная чеширская кошечка моментально уловила «волну» и с удивлением посмотрела мне в глаза, как будто укоряла: «И вам не стыдно?» Я вспыхнула как спичка: «Стыдно, деточка. Еще как стыдно! Я в душе завидую тебе — такой молодой, такой красивой!»

Мои покаянные размышления прервал истошный вопль охранника:
— Приехали!

Потом из-за двери высунулась бритая голова и сказала страшным шепотом:

— Не в настроении... Держитесь!

Мы замерли. И тут же стремительно вошел Демиург; полы французского кашемирового пальто вились за спиной, как складки королевской мантии. Выглядел шеф неважно: воспаленные веки, мешки под глазами, как у породистого бульдога, правое веко слегка подрагивало, кожа бледная до синевы, поэтому веснушки казались не золотыми, а коричневыми. Мы знали, что букет этих невеселых примет означал примерно следующее: «У меня зверски болит сердце, но я на это плюю, и только посмейте что-нибудь сказать про мое здоровье!» Господин Бронштейн быстро и решительно подошел к столу и нечаянно опрокинул переполненную мусорную корзину.

— И это начало трудового дня? Ни стыда ни совести! — зловеще сказал он. — Откуда с утра столько дерьма?

— Уборщица не пришла, — прошептал хозяйственник, который тосковал в заднем ряду. — Мы сейчас позвоним.

— Звонить не надо, — отрезал шеф. — Ищите другую.

— Леонид Петрович, она ведь очень обязательная и аккуратная. Со всяким может случиться...

Рыжая бровь выгнулась дугой, на переносице появилась морщинка.

— Вы не услышали меня, Александр Николаевич? Хотите, чтобы я нашел другого завхоза?.. Ладно, теперь о главном — как будем праздновать МЖД. Я имею в виду Международный женский день. Надеюсь, что все поняли.

Он вытащил из кармана пачку бумажных прямоугольников и эффектно кинул на стол — они легли как карты, веером.

— Подходите берите — это билеты на пекинскую оперу. Каждому по две штуки.

— Как эксклюзивно! — воскликнула Алиса.

Бедный Александр Николаевич, обезумев от страха, снова проявил вольнодумство:

— Леонид Петрович, я все понимаю — это так здорово: дорогие костюмы, декорации... Но они же пять часов поют тонюсенькими голосами! Как ультразвук. У меня мигрень, я сойду с ума... Я ничего не понимаю в китайском искусстве. Я человек православный.

— Одно другому не мешает, — невозмутимо сказал шеф. — Нужно расширять кругозор. И учтите: я никому не навязываю эти билеты.

Леонид Петрович обвел внимательным взглядом толпу сотрудников.

— Проявите характер, откажитесь. Я не против. У вас есть три дня на принятие решения. По крайней мере, я буду знать, кто из вас ленив и нелюбопытен, не хочет развиваться и не любит начальство. Предполагаю, что таковым сотрудникам будет трудно работать в нашем издательстве, потому что... — он презрительно оттопырил нижнюю губу и стал похож на неизвестного римского императора, — у нас без кругозора нельзя. А вторых, я за принцип единобожия. Кто не хочет поклоняться кумиру...

Шефа не дослушали. Все дружно шагнули к столу, и образовалась длинная очередь, в которой я оказалась последней. Я озадаченно вертела в руках два беленьких квадратика. Интересно, что делать со вторым?

— Я могу вам помочь, Анна Александровна!

Глаза-драгоценности заискрились под челкой, на щеках появились насмешливые ямочки. Всем своим видом Алиса говорила: «Этому синему чулку — один билет!»

— Мой молодой человек тоже захочет пойти, только... — выразительный взгляд в сторону Демиурга, — мне нужно три билета. Проблема в том, что у меня двое друзей, и я никак не могу выбрать.

— Спасибо, Алиса, — сухо поблагодарила я, — но мне нужно именно два билета.

— Подружку возьмешь? — усмехнулся босс.

— Пока не знаю, — напустила я таинственности.

— Вот и ладушки, — довольно сказал Леонид Петрович. — А сейчас зайди ко мне, Анна. Есть вопросы по поводу нового перевода.

— Моего? — удивилась я.

Такого он еще никогда не говорил!

— Нет — ее.

Босс кивнул на Алису, наблюдая за моей реакцией.

— Ого! Она уже делает переводы?

Алиса очень смутилась.

— Приготовить кофе, Леонид Петрович? — робко спросила она.

— Ты нам не нужна, сиди и работай, пока не позову, — гордо ответил господин Бронштейн.

Мы прошли в кабинет. Босс, не обращая внимания на секретаршу, лично повесил издевательскую табличку «Не беспокоить!» и громко повернул ключ в замке.

— Пусть думают, что мы злоупотребляем служебным положением. Думают и завидуют. Правда, Аня? — Он назидательно поднял вверх указательный палец с идеально отполированным ногтем. — И вообще, надоели, черти. Всех уволю, тебя оставляю... Ознакомься! — Он небрежно швырнул распечатку, снял пиджак, галстук и настезь распахнул окно. — Душно, однако! Там, в принципе, ничего ужасного нет, девка она неглупая, хотя и искры Божьей я не чувствую. Немножко смешно и как-то беззубо — на твердую троечку.

Я пододвинула листы и стала читать, не теряя шефа из виду: раз душно, значит, опять сердце. Но Демиург, отдышавшись, уже совал кофейную таблетку в изящный аппарат.

— Леонид Петрович, а вам можно?

— Права ты, Анька! Как всегда, права: я же сосуды забыл расслабить. — Он налил две огромные рюмки французского коньяка и приказал: — Пей!

Я с удовольствием согласилась, наслаждаясь запахом и цветом божественного напитка и пытаясь понять, что сегодня утром произошло с моим начальником. Потом погладила листы и сказала:

— Леонид Петрович, все неплохо, просто Алиса не любит сказки. Ну, вот этот «гладкий стеклянистый шар» — явная описка... «Осень уже высушила листья, и их коричневые трупки печально шуршали под ногами». Это, конечно, ужас! Максимум — коричневые тела.

— Согласен.

— «Нелюди» — это кто? Призраки или серийные маньяки? Кого она имела в виду? О призраках я бы сказала — нежить. Так... Курганы. Фу, как скучно. Это что, археологический трактат или сказка? Пусть будут... упокоится!

— Гениально! Давай, мудрая сова, давай, родимая...

Через час мы закончили. Демиург был доволен, бутылка на три четверти опустела. Я заметила, что, когда он наливал, рука слегка дрожала.

— Только не увольняйте Алису. Из нее выйдет толк.

— С чего ты взяла, что я уволю такую красивую девушку? — искренне удивился Демиург.

— Но вы непредсказуемы! Вы же утром безжалостно уволили Елизавету Петровну, хотя сами же ее привели!

— Разве я говорил об увольнении? Я, по-моему, ясно сказал, чтобы искали новую уборщицу. А все остальное ты придумала. Дело в том, моя хорошая...

Он наклонился поближе, я увидела капельки пота на бледном лице и невольно вскочила, уступая стул, однако мой сумасшедший босс даже не повел рыжей бровью (самое страшное оскорбление для него было — «сердечник»). Он положил руку на мое плечо и мягко водворил обратно.

— Не дергайся, Анна, тебе стул сейчас понадобится. Умерла наша Елизавета, а если быть точным — ее убили.

— Что вы сказали?.. Простите, я не поняла. Как это?

— Скажи, зачем ты спрашиваешь? — Он поморщился, как будто из-за меня наступил на гвоздь. — Сейчас таких случаев в городе миллион... Тебе что, интересно?

— Н-нет, но...

— Значит, все-таки интересно. В пятницу на работу через пустырь пошла и не дошла. Сегодня выяснилось, что ее задушили.

— П-поясните...

Он пожал плечами, словно говоря: «Что здесь пояснять? Дело ясное».

— Когда Лиза не пришла домой, никто особенно не беспокоился: она иногда ночевала у подруги. Время было позднее, звонить не стали. А в субботу эта подруга позвонила сама и попросила к телефону Лизу. Тогда сын поднял переполох и вызвали полицию.

Мне стало очень страшно — ледяная рука комкала изнутри желудок и потолок нехорошо наклонился в сторону. Всем своим существом я ненавидела насилие. Кто мог убить эту маленькую беззащитную женщину, похожую на юркую синичку? У какого дьявола поднялась рука?

— Она же птичка божия, безвредная была. Лестницы мыла и пела псалмы. А на вас вообще молилась, Леонид Петрович!

— В некоторой степени это было взаимно, — согласно кивнул он. — Я все думал, что она не из нашего времени, какой-то средневековый реликт: кроткая, почитающая мужчин, молчаливая, верующая, нищая и всем довольная. Не было в ней никакого желания бороться за сытую и счастливую жизнь.

— У нас ее некоторые считали юродивой...

— Придурки! Кроткая, кроткая она была, а кроткие обладают неземным притяжением — это еще умные люди до нас заметили. В наше время они похожи на бабочек зимой. Представь: снег валит, и вдруг летит голубая бабочка! Сейчас кротких почти нет: вымер экзотический вид, что неудивительно.

Несмотря на дурноту, я удивилась: мои самые смелые догадки оправдались — наш грозный Демиург в душе всегда был романтиком. И, судя по всему, очень чувствительным.

— Наверное, из-за этих взаимных симпатий судьба привела меня к месту упокоения нашей несчастной бабочки. Это было — как бы помягче сказать? — очень странное место.

Странное место? От этих слов мне стало совсем плохо и потолок стремительно поехал вниз.

— П-почему странное? Ч-что в нем было такого странного?

— Да, собственно, ничего. Что может быть странного в трансформаторной будке?

Босс достал узенькую коричневую сигариллу и зажег. Секунд пять он смотрел, как разгорается красный кончик, а потом с наслаждением и хрустом смял запретный плод, и правильно сделал, потому что выглядел он отвратительно. Зато мне стало легче: тоненькая струйка дыма достигла носа и окутала запахом вишневых косточек — потолок перестал падать.

— Мы жили в одном дворе. И нашел ее мой пес. Утром приклеился к трансформаторной будке — и ни тпру ни ну. Уши прижал, ноздри раздувает, вытянулся в струну, и нижняя губа дрожит — все как положено! Смотрю, дверь закрыта неплотно, замок не заперт. Какая первая мысль? Правильно — крыса. Наклонился, пригляделся, а изнутри на меня смотрит Лиза: глаза в глаза, веки полуприкрыты, лицо синее... Такие вот гляделки у нас произошли.

Шеф снова наполнил рюмки.

— А потом?

— Потом, как законопослушный гражданин, вызвал полицию, поехал в отделение и очень долго доказывал, что это сделал не я. Если бы дело приняло неправильный разворот, работу издательства, возможно, приостановили и были бы проблемы и, как следствие, санкции. Возмож-

но, мы бы разорились. Самостоятельно работать вы не умеете, но я осталась с вами и всех спас. Чуешь, Анна?

— Вы это о чем? — Я растерялась.

Скорость, с которой у Демиурга затягивались душевные раны, всегда поражала. При этом потери переживались глубоко и искренне, однако длилось это недолго. Сейчас был поставлен пятнадцатичасовой рекорд. Да, собаку он, наверное, вывел часов в семь, теперь начало первого, видимо, воспоминание о Лизе уже отошло «в шкатулку памяти», повторив судьбу всех кротких и незащищенных, и Леонид Петрович перешел к насущным проблемам.

— Чего молчишь? — Мой шеф сердито смотрел из-под рыжих бровей.

— Если честно, я поражена: у вас акулый иммунитет.

— Поэтому и жив до сих пор. А что ты предлагаешь — сопли жевать? Ей уже некрологом не поможешь, а я не собираюсь стать смертником-сердечником, ясно?.. Было? Было! Было и прошло.

Леонид просканировал взглядом дверь, за которой трепетала Алиса.

— Мне интересно, что в коллективе подумали. Вы же что-то подумали, правда? Или надеялись, что я навсегда исчезну? Какие были версии? Супружескую верность нарушал?

Я неопределенно пожала плечами:

— Н-ну, Леонид Петрович, все, наверное, по-разному подумали.

— Ясно, ясно!

Дзынь! Шеф безжалостно щелкнул по хрустальной рюмке.

— Вот скажи, откуда у вас, у баб, столько фантазий в голове? Ладно бы только эротические — это природа...

— А какие еще? — Я заинтересовалась, несмотря на все ужасы нашей беседы.

— Вы же по природе своей мазохистки — лезете любой ценой всех спасать. И получаете предсказуемый результат. Причем вы все такие: и она, — он кивнул на дверь, — и ты, и Лиза. Суетесь не в свое дело, пока по носу не дадут. Я ведь Лизавету предупреждал. Но не признавала наша Лиза руководящего начала: только Бог, видишь ли, авторитет! Мечтала за веру пострадать и убогим помогала: лечила, кормила, тряпки им собирала. Да не все любят, чтобы их жалели. Некоторые терпеть не могут, когда в рай насильно зазывают... Кажется, это называется гордыней?

— На что вы намекаете? — похолодела я.

— Я о бомжах говорю. Ее рюкзак нашли около кострища на пустыре. А кто у костров греется? Наверняка бомжику проповедовала.

— Не факт.

— Нет, факт! В полиции сказали, что со вчерашнего вечера все бродяги в районе разбежались. Исчезли. С чего бы это? Надо быть разборчивее в знакомствах, правда, Анна?

И «объяли меня воды до души моей»... Я огляделась в тоске — комната начала медленно вращаться.

— Ты чего так странно смотришь? Напугал я тебя? Бомжей боишься?

— Не знаю. Мысли темные появились.

— Так расскажи, поделись, пока не поздно.

— Нет, я сама справлюсь.

— Ты, главное, помни: жизнь никогда не рубит плеча, она всегда предупреждает, но, пока не жахнет, нам наплевать. А потом появляется два главных вопроса: зачем и почему? Будешь жить с оглядкой?

— Тоже не знаю. Понимаете, тут такая ситуация... Мне показалось, что у меня жизнь меняется.

— Мужика нашла? — хмыкнул босс.

— Нет! Хотя мужик присутствовал, это правда. Просто впервые за много лет я забыла обо всех, кроме себя. Господи, прости меня, эгоистку, это было так здорово! Я не вспоминала о сыне, невестке, внуке, работе. Я, как в молодости, жила сама по себе — без всяких обязательств. Я просто наслаждалась жизнью, но, похоже, это было неправильно или небезопасно. Так что, можно сказать, босс, ваш рассказ разрушил мое личное пространство, которое так и не успело окрепнуть.

— Анна, я не трогал твое личное пространство. Я сознательно уничтожил иллюзии, причем для твоего же блага. Не спорь! Я это чувствую.

— Очень жаль, право... Можно я пойду?

— Ступай и помни, что «все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». Ну, по крайней мере, так думает великий классик. Про гибель не забудешь?

— О нет! Никогда.

На пороге я оглянулась и с надеждой спросила:

— Скажите, Леонид Петрович, вы не придумали весь этот детектив с будкой и бомжами?

Он небрежно пожал плечами:

— А чего ты, собственно, хотела? Хочешь, чтобы отверженные ручки целовали за доброту неземную? Может, тебе тоже слава Гюго покоя не дает?

Я попыталась улыбнуться, но не получилось...

После нашей беседы я пришла домой и буквально упала в кресло. Какое непростительное легкомыслие! Сразу вспомнилась первая встреча, когда Василий рассматривал мою сумку. А как по-вороньи загорелись черные глаза при виде кольца! Нет, я и вправду ненормальная. О, если бы босс видел, как я, скромная интеллектуалка Береста, самый лучший и тихий сотрудник, сражалась среди гробниц, подобно новой Ларе Крофт, спасая отверженного! «Наклонился, пригляделся, а изнутри на меня смотрит Лиза: глаза в глаза, веки полуприкрыты...» А кто знает, вдруг бы и я в том склепе лежала, только без кольца и без сумки?.. Нет-нет, останись, Береста! Так тоже нельзя. Он же тебе ничего не сделал, только предупредил. А спасенный Треха? Не может быть, чтобы все было именно так... Господи, с кем бы поговорить? «С умершими, конечно!» — словно подсказал кто-то. Я почему-то не испугалась и согласно кивнула.

Действительно, с кем еще можно говорить о хранителе кладбища? Логично. Я найду ответ у той, с кого началась вся эта путаница. Я быстро включила ноут, чтобы вызвать из небытия Маринин портрет.

— Марина, ты, наверное, все знаешь: говорят, ведьмой была...

Но прежде чем загорелся экран, откуда-то из черной глубины зазвучал тихий смех, похожий на эхо:

— Да мало ли кем я была? Почти все красивые женщины — чертовки! А вот тебя, Анна, сам Князь тьмы не превратит в ведьму. У него не хватит ни сил, ни терпения. Зато из тебя получился отличный писарь. Надо же, женщина-писарь! Уму непостижимо! Тебе нравится быть писарем?

— Откуда ты взялась, Марина? Тебя уже четыреста лет нет на свете!

— Неправда! Сейчас я просто тебе снюсь, дорогая. А пустое место сниться не может. И это значит, что я существую. А вроде я тебе какой-то многоюродной теткой прихожусь? Дай рассмотрю тебя лучше. Какие у тебя морщинки — как у моей мамы. Должно быть наоборот, правда? Ну какая из меня тетка? Я еще такая молодая!

— Молодая? Ты старше меня почти на четыреста лет.

— О нет! Я умерла молодой. А вот ты, наверное, родилась старухой, которая и шагу без оглядки не ступит. Боишься своего бродягу?

— Боюсь! Но мне хочется его снова увидеть.

— Так в чем же дело?

— Неизъяснимы наслажденья гибелью грозят, — дрожащим голосом процитировала я.

Марина удивленно вскинула бровь:

— Любое увлечение опасно. Разве от тебя что-то зависит? Мало ли женщин погибло от рук любовников? Что же теперь делать? Может, и вправду спрятаться за монастырскими стенами? Чего ты боишься, женщина-летописец? Тебя же не Московским царством искушают. — Вдруг Марина погрозила тонким изящным пальцем и строго спросила: — А куда ты дела мой аметист? Тебе же отдали кольцо? Почему бы не загадать желание?

— Но у меня пока нет желаний! Я не знаю, чего хочу.

— О! А у меня всегда душа разрывалась от желаний! По-моему, только мертвые не знают, чего хотят. Как странно: из нас двоих, похоже, умерла все-таки ты. Если тебе не нужен перстень, верни его мне. Отдай!

Глаза ее вспыхнули не хуже, чем у Василия. Мне показалось, что моя собеседница стала чуть ближе. А вдруг она выберется, как мертвая панночка из гроба? Я представила, как Марина хватает меня за рукав, и с криком захлопнула ноутбук. Звук был ужасный — будто упала гробовая крышка. «Прости, старина! Нервы. Надеюсь, что ты цел».

Нет, так жить нельзя! Нужно что-то делать с нервишками. Я выпила чаю, посидела около закрытого ноута и почувствовала, что успокаиваюсь. Решено! Я поверю и доверюсь судьбе. Все! И тут в ушах снова зазвучал тихий голос:

— Такие, как ты, не верят судьбе! Нет в вас силы и непреклонности, не годитесь вы в странники, ибо идете до ближайшего поворота, а потом останавливаетесь и раздумываете: что там дальше? Начинаете торговаться с судьбой и поворачиваете назад, потому что не верите ни в себя, ни в свои желания.

— Неправда! Я смогу! Я готова заглянуть за поворот...

— Думаешь, сможешь? Чаше вспоминай меня: даже малое искушение может привести к большим последствиям.

Она замолчала, а я мгновенно потеряла обретенное равновесие и затряслась, как желе на блюде, мысленно повторяя: «...привести к большим последствиям!»

Возможно, Марина просто смеялась надо мной?

...Тогда я отправилась в храм, чтобы поблагодарить за чудесное спасение и попросить о прибавлении ума. Вошла и замерла, не понимая, где я нахожусь — на этом грешном свете или в небесных садах. Внутри не пустовал ни один сантиметр: все занимали фрески от пола до потолка. Разумеется, я видела подобное в древних церквях и соборах, но там все образы, дописанные великим Временем, были едва различимы, как и положено небесному. А здесь фрески сияли яркостью и новизной: лики, ангелы, звезды, растения и птицы сплетались в единую материю, в иной, многообразный мир. Зрительно роспись сужалась к центру купола; казалось, что она образует тот знаменитый коридор или воронку, по которому мы все когда-нибудь устремимся в другую реальность.

Пространство наверху разделяли расписные арки и своды, благодаря которым падали тени, по-разному ложился свет; представлялось, что крылья ангелов шевелятся и они готовы слететь вниз. Как это отличалось от икон и картин с их четко очерченными границами! Те можно сравнить с небесными окнами, а сейчас я стояла в центре целого мира, который обступал со всех сторон, и арки полупроницаемой границей отделяли нас друг от друга: мы все видим, но войти не можем.

И вдруг я услышала знакомые с детства стихи. Чтец говорил вполголоса, нараспев, явно для себя, однако акустика была такая, что я различала каждое слово.

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Я подняла глаза и увидела улыбающегося ангела. Теплый солнечный свет золотил крылья и хитон; по лицу пробежали тени, и оно казалось живым. В ногах у ангела, на невысоких лесах, стоял Василий, одетый в белый халат, и подновлял лучи. Халат небрежно падал крупными складками, как древнерусское одеяние. Буйные кудри по-старинному подвязаны ремешком. Лоб и седые виски прокрасились золотой краской. Чем не иконописец?

Он сразу заметил меня:

— Анна Александровна! Бога ради, не убегайте! Я так взывал к Господу, умоляя направить вас в мой невеселый приют! У меня нет паспорта и поэтому нет мобилы. Почтовых голубей тоже нет, увы мне, грешному! Оставались только молитвы — это самое действенное.

— Пожалуйста, не притворяйтесь добродетельным — не поверю, — сурово сказала я, с ужасом чувствуя, как в душе поднимается волна радости и начинают розоветь щеки — и с этим ничего невозможно было сделать.

Василий легко и быстро спрыгнул вниз. Интересно, человек, который читает такие стихи, способен совершить циничное преступление?

— А вы меня проведать пришли? Видите, жив-здоров, вашими молитвами. Сегодня даже ангелу голову успел приклеить. Тому, который в склепе.

— Откуда вы знаете эти стихи?

— Со школы, конечно. Это Лермонтов, помните? Всегда думал, почему я, грешный, не могу так написать? По-моему, это несправедливо.

Я хотела сказать, что тороплюсь, но вместо этого спросила:

— Вы сейчас похожи на древнего иконописца — вы художник?

— В прошлой жизни был учителем рисования, — улыбнулся Василий. — Не бог вещь какой талант, но игуменья разрешает росписи поновлять. Разумеется, потому что новодел, к Феофану Греку не допустили бы.

— А как дошли до жизни такой? Вы же образованный человек!

Хотела выразить недоумение, сочувствие, а получилось очень резко, как будто я его осуждала. Он не обиделся, лишь горестно склонил голову, как школьник.

— Как все, — кратко ответил Василий. — Дело обычное — бес попутал.

И под опущенными ресницами пробежали подозрительные насмешливые искры.

— Любят эти бесы меня, к сожалению. Вот борюсь-борюсь, сами видите, — он широко обвел рукой пространство храма, — а они все равно липнут. Не отпускают.

— А если уйти в монахи? Там-то их нет.

— Да это не факт. И потом, если начистоту, я емь человек мира, не готов в монахи. Это у тебя, мать, все просто...

Это был явный намек на зимнее приключение с сумкой, значит, он тоже ничего не забыл. А выглядела я тогда весьма глупо. От этого стало очень обидно, и я поджала губы:

— А вы не осуждайте: я сейчас поумнела... Ну, рада была, что вы пребываете в таком... креативе.

— Где?!

— Ну, в смысле, творите. Желаю успехов, а я спешу: мне нужно найти пару для театра.

— А куда идете?

— На пекинскую оперу, — гордо сказала я, ощущая себя небожителем.

И вдруг Василий преобразился! Огромная длань схватила меня за плечо, и я замерла, как пойманная в силочка птичка. Темные глаза его стали большими и бездонными, как на церковных росписях, и он прошептал:

— Возьми меня с собой! Я всю жизнь мечтал, был в Китае и так и не сходил, не успел. А после нормальная жизнь закончилась. В память о прошлой жизни возьми... Я один идти боюсь, а с тобой бы пошел.

— Но там будут мои коллеги, начальник...

— А ты не бойся, прилично буду выглядеть, не подведу. У меня костюм есть! Новый.

Я ошарашенно молчала.

— Мать, ну что я тебе в театре сделаю? А ты меня осчастливишь. А хочешь, я тебе в театре свою историю расскажу? Вижу, что интересно.

Я представила лица Демиурга и Алисы, которая, точно, сойдет с ума от любопытства. Во мне неукротимо проснулась женщина, и я решила ее не убивать: действительно, что он мне в театре сделает? А потом мы расстанемся.

— Хорошо, — сказала я, медленно растягивая слова. — Я вас возьму, уговорили. Но если будете выглядеть недостойно, отрекусь и скажу, что вы украли билет, и сдам в полицию. Не пожалею.

— Это же неправда! — растерялся Василий.

— Что делать! Я неразборчива в средствах.

— Понял, — покорно кивнул гигант. — Не подведу. Могу даже подстричься.

— Не стоит, — неожиданно вырвалось у меня, — так интереснее.

И протянула ему билет.

Глава 9

Я сидела в театре, прижимала к животу двумя руками лаковый элегантный клатч, как будто это был спасательный круг, косилась на пустое кресло и чувствовала, что тону. Господи, какая же я идиотка! Сделай, пожалуйста, чтобы никто не пришел. Справа от меня сияла Алиса в шикарном платье с открытой спиной. Платье было телесного цвета, расшито черными кружевами, и издали наша Венера казалась полностью обнаженной. Это вызывало волнение среди мужчин в зале, и ее высокий кавалер немного нервничал, хотя смотрел на свою подругу с обожанием. Демиург сидел в ложе, как положено небожителю, иногда поглядывал в бинокль на Алису, однако чаще — на пустое кресло рядом со мной. Босс явно ждал и сгорал от любопытства.

«Откуда он возьмет костюм? — лихорадочно соображала я. — Возможны два варианта: помойка и секонд. А где он его стирал? Не в химчистку же понес... Интересно, а где он моется? Ладно, теоретически можно сходить в баню, если у него возникнет такое желание. А если не возникнет?» Я бы уже встала и ушла, да Демиург, словно прочитав мои мысли, навел на меня бинокль. Нет, превращаться из-за Василия в падшего ангела я не хотела. Отношения с начальством дороже.

Когда прозвенел второй спасительный звонок, я расслабилась — не придет! В зале начал мягко гаснуть свет, и тут по нашему ряду пошла волна. Между креслами пробирался огромный, но стройный мужчина. Люди вставали, пропуская гиганта, стремившегося ко мне (хотя — увы! — я видела, как его взгляд задержался на Алисиной груди и тут же отвлекся). Он был не в костюме: добротные черные джинсы, идеально отглаженные и абсолютно чистые, как будто их только что достали из пакета, и тонкий серый свитер хорошего качества, под которым бугрились нехилые мускулы. Непослушные кудри Василий собрал в аккуратный тугой хвост.

«Он одновременно похож на священника и художника. Разве так бывает?» — в панике подумала я.

— Бывает, бывает! Вот фра Анжелико, например, или Андрей Рублев, только куда мне до них!

— Мысли читаете? Или я говорю вслух?

— Иногда само получается, ведь у меня мама была цыганкой.

— Боже! Я думала, вы просто похожи: глаза карие, кудри кольцами...

— Зато папа был молчаливый белорус, законопослушный бухгалтер. Скажите честно, а вы надеялись, что я не приду, и радовались? Зря! Я человек слова, извините, что разочаровал.

— Я о вас и не думала, — очень глупо соврала я. — Давайте лучше смотреть спектакль.

— Давайте. — И Василий невозмутимо нацепил на нос симпатичные очки.

Первое действие прошло легче, чем я ожидала, потому что опера оказалась фактически балетом, а костюмы, хореография и талант актеров были вне конкуренции. Когда я кончила аплодировать, Василий пригласил меня в буфет, вид у него был огорченный.

— Вам не понравилось?

— Это что угодно, только не пекинская опера — новодел какой-то! Я очень разочарован, мадам! Но мы это обсудим потом, а сейчас... Разрешите вас угостить? — с гусарской лихостью спросил мой спутник.

— На ваш выбор, — согласилась я и опустила ресницы, как положено благовоспитанной даме.

Он усадил меня за мраморный столик у окна и уже через десять минут, распугав всю очередь своей мощной фигурой, стоял с подносом, на котором шипел бокал шампанского, сверкало мороженое и истекали ароматом две чашки эспрессо.

— Кофе будете? — деловито осведомился он.

— Нет, спасибо.

— Это хорошо, — одобрил Василий. — Я на это рассчитывал, потому что одна чашка для моей крупной персоны — несерьезно.

Когда он могучей лапой взял чашечку, я улыбнулась: очень он напоминал Карабаса Барабаса на кукольном чаепитии.

— А шампанское одно?

— Только для вас, — серьезно сказал Василий. — Я же говорил, что запойный.

— Сногшибательная откровенность! Как это по-русски: любить свои недостатки. А откуда у вас все эти вещи?

— Вчера убил и ограбил владельца бутика.

— Не смешно, — обиделась я.

Он развел руками:

— Так и мне не смешно, Анна Александровна! Можно сказать, обидно! Если у человека нет прописки и паспорта, это еще не означает, что он не работает, не моется, не читает. От сумы и тюрьмы, как говорится... Ну какой мужик без денег? Это уже получается не мужик, а какая-то волосатая обезьяна. Вот я и тружусь рук не покладая: сторожу, ухаживаю за кладбищем, плотничаю, подновляю росписи и еще дворником подрабатываю. На жизнь хватает, на квартиру — нет.

— Можно я спрошу, что случилось?

— Спрашивайте, конечно. У нас же был договор.

— Только не говорите, что вы пропали без вести в Чечне, а жена с любовником вас выписали.

— Я никогда не служил в армии, — пожал плечами Василий, — и женат не был. Все гораздо сложнее: я жертва эпикурейства. Потерял жилье, дабы насладиться всей полнотой жизни. И знаете что интересно? Не жалею об этом. Золотая лихорадка, огни большого города и другие зыбкие миражи погубили парня.

— Так вы не из Питера?

— Нет конечно! Жил в маленьком городке, природой любовался, пейзажи писал, детишек учил, но однажды, на свое несчастье, увидел фильм про Питер. И это меня потрясло! Всю ночь не спал, а утром вдруг понял, что буду жить в этом городе. И уехал.

— А родители?

— Отца уже не было в живых, а мать отпустила, хотя, думаю, все обо мне знала наперед.

— Как же так? — искренне удивилась я. — Я бы знала — не пустила.

— Цыгане детей по-другому любят, они не растят их для себя. У них все просто: дети — гости нашего дома; вырастил, выучил — отпусти.

Я вспомнила о своих новогодних сессиях и покраснела.

— Приехал, — продолжал Василий, поглядывая на меня через край чашки. — Гулял по Питеру, задрал голову. Все дома рассматривал — чуть шейный хондроз не заработал! — и решил: остаюсь. А дальше черти помогли, моментально работа на верфях подвернулась. Рисовальщики не требовались, а вот стропальщики — это пожалуйста! От завода комнату на Лиговке дали, и все было хорошо, но...

— Что «но»?

— Не смог стать работягой: люблю я себя очень! Хотелось чего-то, знаете...

— Праздника, — подсказала я.

— Точно! — Он просиял. — И чтобы он никогда не кончался. Только я люблю настоящие праздники! Пусть колеса крутятся, женщины смеются, шампанское рекой. Для вас, наверное, солнечный день уже праздник, а мне надо — чтобы петь хотелось! Чтобы карманы от денег оттопырива-

лись и машина была... О! — Он прикрыл глаза. — Как я мечтал о машине — чтобы черная, блестящая, с тонированными стеклами или красная спортивная, с откинутым верхом... Кабриолет!

При слове «кабриолет» его глаза запыльхали огнем — видно было, что это идея всей жизни. Очень такая, я бы сказала, популярная идея, идея! Я растерянно молчала, мяла ложечкой мороженое и думала, как этот цыган (честно говоря, до ужаса примитивный) мог превращаться в Деда Мороза, который меня напугал при первой встрече, и в иконописца Золотые Кудри? У него же ничего нет в мозгах, кроме кабриолета! Было полное ощущение, что меня надули. И захотелось сказать что-нибудь ядовитое нахалу, который, не стесняясь, раскрывался, как улитка, покидающая раковину.

— Хотите правду? Вы сейчас такой скучный, прежние маски были намного интереснее.

— А ты мне, мать, наоборот, с каждым разом нравишься все больше и больше, — неожиданно ляпнул Василий. — Сначала показалась обмороженной молью снежной, а сейчас напоминаешь монаду с хрустальными крыльшками. Знаешь, что это за звери такие — монады?

— Знаю...

У меня вдруг тоже зажгло в глазах. Вспомнился Крым, куда каждое лето упорно вывозили родители, ибо меня, как многих ленинградских детей, нещадно мучили зимние бронхиты и синуситы. В военном санатории было смертельно скучно, и я вечерами бесстрашно сидела в одиночестве на обрыве, свесив молодые и стройные ноги в небесную бездну. Внизу небо превращалось в море, а над ним плясали монады, предчувствуя наступление нового чудесного дня. Мои семнадцатилетние руки, ноги, ключицы, угловатые и тоненькие, придавали мне сходство с удивительными насекомыми, похожими на эльфов. И однажды мне безумно захотелось улететь к сестрам-монадам в розовое небо. Минута — и я как очарованная шагнула бы с обрыва. Но кто-то (я уже не помню кто, в памяти сохранился только голос) крепко обнял меня за плечи: «Осторожнее! У вас нет таких прекрасных прозрачных крыльев!» Может быть, это был мой ангел-хранитель?

— Только... у меня так и не выросли крылья.

— Значит, еще не время. Всему свой черед, птенцы тоже не сразу вылетают.

Василий неожиданно наклонился и взял мою руку в свою огромную ладонь. Он него пошла волна тепла, глаза странно блеснули, и я почувствовала, что мне хочется замереть, расслабиться в этом жаре, прижаться, как к теплой печке. Даже в голове зазвенело от этого желания. А мягкий баритон продолжал ласкать слух:

— Я ценю в женщинах красоту — ни бабские деньги, ни ум мне даром не нужны. Это все пустое. А вы очень красивая женщина, красота у вас неяркая, но такая изысканная! Магически притягательная...

— У меня были знатные предки, — пошутила я неохотно. — Знатные и очень решительные. — Я решительно освободила руку. — А вы, наверное, бабник?

Он улыбнулся:

— Я же честно признался, что цыган, правда, наполовину.

Мне стало немного обидно, и я быстро перевела тему:

— Рассказывайте, вы купили красный кабриолет?

— Мне его отдали.

— Что?

— Ну... в обмен на комнату. И денег еще дали в придачу.

— П-простите, а вам сколько лет?

— Да много мне лет. Но это мечта всей жизни! Плевал я на комнату, тем более они врал, что еще жить в ней смогу полгода. Я просто не устоял. Представил себе, как в бутик захожу, покупаю красивый костюм лучшей фирмы, шелковый галстук с брусничным отливом, трусы «Дольче Габбана»...

— Можно без подробностей?

— Можно. И серебряную зажигалку, а на ней свои инициалы выгравировую.

Он мечтательно прикрыл глаза, погружаясь в сладкие воспоминания. Видно было, что Василий сейчас где-то далеко-далеко.

— А потом покупаю огромный букет белых роз! Опускаю крышу в своем кабриолете и мчусь к любимой женщине.

«Надо же, как он угадал с белыми розами! Я ведь их тоже люблю. Нужно закругляться, пока этот цыган не прочитал тебя вдоль и поперек», — забеспокоилась я.

— Василий, давайте ближе к делу: сейчас будет звонок. Чем все кончилось?

— Украли мой кабриолет. Пока на одном берегу канала Грибоедова цветы покупал, сели в него и уехали. Я бежал за ними, но... В девяностые ОСАГО не было и жаловаться тоже было некому... В комнату меня не пустили, женщина бросила. И тогда я купил путевку в Китай. Головой о стенку биться бесполезно, правильно? Там еще сам по себе месяц путешествовал, на дальнобойщиках катался...

— Вы знаете китайский?

— Нет, как-то договаривался. Объездил весь Китай. На последние деньги купил билет до Питера и цинь. А потом началась моя бездомная жизнь.

— Так вы с тех пор живете на кладбище?

— Нет. Я сначала нанялся за усадьбой присматривать, да повздорил с хозяином. После мало что помню — матушки нашли на паперти полу-мертвого...

Резко зазвенел звонок, я хотела что-то сказать, закрыть тему, но совершенно потерялась: рассказ Василия напоминал театр абсурда или бред больного ребенка. Впрочем, сам рассказчик был абсолютно спокоен и выглядел скорее задумчивым, чем расстроенным.

— А куда делся ваш цинь?

— Ой, мать, лучше бы не напоминала! — Василий сморщился. — Я его о голову хозяина разбил — так инструмент жалко! Настоящий был. Китаец не обманул: ручка как шея лебединая, перламутр кругом, кисточка красная, шелковая на грифе. И вдруг хрясь — и на две половины! А это-му бычаре хоть бы что, только башкой покрутил.

— А з-за что вас так? Вы что-нибудь украли? — спросила я, борясь с дурным предчувствием.

— Я женщину привел. — Василий глубоко вздохнул и исподлобья посмотрел на меня. — Меня вообще-то предупреждали, но я не послушался — был молод и горяч.

— Вы развратник, — жестко сказала я, радуясь, что подобрала нужное слово. — Бабник — это слишком мягко сказано.

— Вы не правы, — спокойно возразил Василий. — Я просто стараюсь жить по заветам, где ясно сказано: «Нехорошо человеку быть одному». А во-вторых, никакого разврата не была: девчонка-музыкантша хотела увидеть настоящий цинь. Мы просто музицировали, а хозяин ее толкнул, она упала, я заступился. Как иначе?

— Гуцинь, наверное, — машинально поправила я.

Василий от наслаждения закрыл глаза.

— Вы воистину мудрейшая и образованнейшая женщина! Как я давно не разговаривал с интеллигентным человеком! Матушки, конечно, тоже образованные, однако мышление у них специфическое... Им про цинь не расскажешь.

«Господи, зачем я опять вылезла со своими знаниями? Не женщина, а ходячая энциклопедия на тонких ножках! — буквально взвыла я про себя. — Ну какому цыгану это интересно? Почему я все время делаю что-то не так?»

Но это был особенный цыган.

— А знаете, я никуда не пойду! — Он вальяжно закинул ногу на ногу. — Я сейчас еще возьму кофе, шампанского, и мы будем беседовать! Не хочу этого китайского Якобсона смотреть! Что может быть лучше приятной беседы? Главное очарование китайских гейш заключалось в умении поддерживать беседу! А называли их нью-куй, что дословно означает «женщина-куколка». Красиво, да? Ну, да что я рассказываю! Ты, наверное, все сама знаешь...

Это было заявлено абсолютно серьезно, хотя я уловила легкую насмешку: он явно мстил за «бабника», намекая на то, что я синий чулок, а нью-куй применительно к такой ученой даме выглядит сверхглупо и нелепо.

— И кстати, я не бабник, а женолюб. Вернее, жизнелюб.

— Учту. И кстати, я готова стать вашей нью-куй, если вы сможете завоевать мое расположение. Вы готовы превратиться в китайского императора?

— Я готов, — сказал Василий.

— А вы не боитесь, что перепутали куртизанку с ходячей энциклопедией?

— О нет! — церемонно поклонился Василий. — Я вижу женщин насквозь: в вас дремлет настоящая нью-куй, только ее нужно разбудить.

Я была польщена и озадачена. Давненько меня не сравнивали с куколкой, а если точнее, никогда, ибо даже в молодости я была серьезной и строгой девушкой. За длинный нос с горбинкой в институте называли Финистой, а куколкой — кто бы посмел!

— Пойдемте в зал, — как можно капризнее сказала я (ибо, по моим представлениям, женщины-куколки ведут себя именно так). — Я все же хочу досмотреть китайский балет.

— Слушаюсь и повинуюсь, ной-куй, — спокойно согласился Василий и вдруг нагло подмигнул.

После спектакля начался обещанный синоптиками дождь. Мы стояли в портике, и я судорожно пыталась раскрыть зонт.

— Давайте помогу, я же должен заслужить ваше расположение.

Прежде чем я успела открыть рот, Василий выхватил зонтик и сильно нажал — хрясь! Серебристая палочка печально согнулась в дугу, а спицы упали, как лепестки под порывом ветра.

— Вы заслужили мое негодование! — Я убежала в глубину портика, но косой дождь бросил мне в лицо пригоршню ледяной воды.

— Виноват, Анна Александровна, разучился. Навык потерял... Эх, был бы у меня мой кабриолет, я бы вас домой, как царицу, отвез.

— «Бы» здесь не работает, Василий! Либо вы китайский император, либо нет. Я сейчас вызову себе такси. Или вы вызовите, если хотите.

— У меня телефона нет, я же говорил... — печально сказал Василий.

Пока я рылась в театральной сумочке, он стоял опустив голову — мне даже стало жаль его. Наверное, я слишком жестокая: не стоило напоминать про то, что он изгой. Человек побывал в обществе, а теперь бал кончился. Я набрала номер, прижала трубку к уху, потом не торопясь убрала обратно в сумочку. И тут он взглянул на меня пристально и странно.

— Все-таки красивое у вас кольцо, Анна Александровна, — медленно произнес он. — Королевское. Ему лет четыреста, а может, и более. Вы ручкой и так и этак, а камень искры рассыпает и цвет меняет! Огромный какой... Ох горит, как ангельское око. Откуда оно у вас?

Мне стало жарко, несмотря на мокрую одежду.

— Сейчас придет такси — вы, наверное, понимаете, что я еду одна?

Он молча любовался камнем и ничего не ответил. Подрулила машина, я торопливо залезла в салон:

— Едем!

— А мужчина остается?

— Да! Он живет на кладбище.

Шофер испуганно обернулся. В ответ Василий доброжелательно кивнул, подтверждая мои слова. Водитель нервно повел плечами:

— Дама, разве можно так шутить?

Окно бомбардировали дождевые капли, а Василий все стоял и внимательно смотрел сквозь стекло.

— Я не шучу. Поезжайте, пожалуйста, быстрее. Чего вы ждете?

Мотор заворчал, и тут Василий поднял руку и указательным пальцем описал круг: он явно намекал на кольцо! Я невольно прижала руку к груди. Машина набирала скорость, и Василий стремительно терял очертания, превращаясь в темный силуэт, размытый дождем. Через секунду он, как настоящее питерское привидение, окончательно растворился в дождевых потоках и исчез из виду.

— Я не прощаюсь, Анна Александровна, — шепнули мне на ухо, но в салоне, кроме меня и таксиста, никого не было.

— Простите, это вы сейчас сказали?

— Я не разговариваю со странными женщинами, — водитель вцепился в баранку, — чтобы не нажить лишних проблем. А мужененавистниц нужно лишать гражданских прав — для общественного спокойствия.

— Простите, — заморгала я растерянно.

О ком это он? Я же женщина-куколка, прекрасная нюй-куй! Я уже вошла в эту роль, освоилась и не хотела с ней расставаться. Мне нравилось кокетничать и покорять: зерно, брошенное Василием, за вечер проросло и распустилось в душе прекрасным красным цветком.

— Вы это не обо мне? Я обожаю мужчин!

— А зачем же тогда посылать их на кладбище? Своеобразное проявление чувств, — ухмыльнулся шофер. — Надеюсь, бедолага, которого вы туда развернули, найдет что-нибудь повеселее. Кстати, это ваш муж?

— Разумеется, нет, — гордо ответила я. — Но это не имеет никакого значения.

— Понятно. Значит, ничего личного. Вы просто такая по жизни. — Шофер крепче сжал руль. — Я сейчас знаете о чем подумал? Что жена у меня очень хорошая...

Я не ответила. И мы еще быстрее понеслись по ночному городу сквозь дождь.

...Когда двери лифта распахнулись и я замерла, не решаясь ступить на лестничную площадку, проклятая лампа дневного света, которая уже два дня нервно подмигивала жильцам, внезапно вспыхнула в последний раз, рассыпалась букетом искр и потухла. Стало темно и страшно. Мне почудилось, что дальний угол подозрительно чернеет и там шевелится кто-то большой и страшный. Что мешало Василию подхватить машину и следовать за нашим такси? Однако выхода не было, и я, вооружившись ригельным ключом и телефоном, бегом рванула вперед. Только бы замок не заел! Ключ сверкнул в луче мобильного, как лезвие кинжала, и мягко вошел в скважину. Я прыгнула внутрь, но не удержалась и напоследок осветила страшный угол, в котором не оказалось ничего, кроме пакета со строительным мусором. Тут внизу щелкнула входная дверь, и я быстро захлопнула свою.

Три... Трижды сверкал его вороний глаз: зимой — с сумкой, после битвы на кладбище и в театре — с кольцом. Три является волшебным числом: третье предупреждение всегда последнее. И вообще... Разве может обычный человек жить на кладбище? А вдруг этот Василий вообще не человек, а какой-нибудь дух, зомби или даже вампир? Первое впечатление самое верное, и, если существует кольцо Марины Мнишек, почему бы не существовать некоей колдовской цыганской сущности?

Я задумчиво наблюдала, как текли по оконному стеклу дождевые реки, а сквозь них смутными пятнами светились фонари. Точно я утонула и смотрю на этот перевернутый мир через толщу воды. Ботинки были мокрые, стало холодно, потихоньку начало знобить: я утонула, утонула. Ввязалась в плохую историю... Цыган, цыган-призрак... Почему он избрал кольцо? Он хотел сказать, что вернется, вернется во что бы то ни стало, но не за тобой, наивная, а за аметистом! И вешал лапшу тебе на уши, старушка нюй-куй, отводил глаза — суггестия, обычный цыганский гипноз...

И вдруг я увидела его внизу. Василий стоял, плотно прижавшись спиной к фонарю, опустив на глаза капюшон. Он явно меня заметил и пытался вычислить по окну квартиру. Сначала я в ужасе отпрянула за штору, потом поняла, что прятаться поздно. Придется сидеть и ждать, когда он начнет ковыряться в замке, а после сразу звонить в полицию. Господи, как унижительно и страшно! Сидеть и ждать вора в собственном доме! И крохотная капелька бесшабашной Марининой крови вдруг забегала во мне, как льдинка в шампанском. Забыв об опасности, я рванула на улицу. Меня трясло от решимости и злости. Да кто он такой? Отплатил мне черной неблагодарностью...

— Что вам здесь нужно?! — Мой голос звенел от страха и обиды. — Вы удивительно неблагодарны! Думаете, я состою в Армии спасения? О нет! Сейчас у вас будут проблемы с правоохранителями, а кольцо никогда не станет вашим! Знайте, камень сам выбирает хозяев, и вряд ли родовой перстень пани Мнишек заинтересует ваша персона. Никогда вам не владеть ангельским оком: оно всевидящее.

«Вау!» — взвизгнула чайка, устроившаяся на соседнем карнизе, как будто восхищаясь такой решительной женщиной. Но Василий в ответ молчал, потому что... под фонарем никого не было. Фигура в капюшоне, как и притаившийся в углу грабитель, были игрой моего испуганного и обиженного воображения. Внутри меня словно невидимый музыкант ослабил колки и отпустил натянутые до предела нервы.

Мысль о фантоме подействовала как бокал шампанского. Сразу же стало легко и весело — я еще минутку полюбовалась струйками дождя, которые оплетали фонарный столб, как мишура елку, посмотрела на свое окно. Действительно, все прекрасно видно! Да что с того? И уже собиралась отправиться восвояси, когда увидела окурок «Беломора». Кто-то торопливо бросил его, не докурив и трети. Это было очевидно, потому что окурок еще не намок и не утонул, а резвым пароходиком курсировал в луже. Я с тупым удивлением уставилась на него. Неужели и вправду последнее предупреждение?

Глава 10

Быстро и сосредоточенно я плыла в толпе, продвигаясь к эскалатору. По моим расчетам, в запасе было минут восемнадцать. Ровно столько, чтобы добраться до своего рабочего места, ибо Демиург, конечно же, посетит нас, чтобы узнать реакцию коллектива на вчерашнее мероприятие. Я виртуозно обогнула толстяка с портфелем, который напоминал гранитный утес, вписалась в узкий фиорд между двумя мамашами с колясками, ловко увернулась от злощней бабули с палкой. А потом подняла глаза: электронные часы показывали нелепое, нереальное время — без пяти девять! Еще раз доказывая, что время — категория относительная.

— Да-да, мы опаздываем. Бонжур, Анна Александровна! Дракон уже наверняка заполз в пещеру. Вам очень страшно?

Алиса смеялась и сияла, судя по всему, у нее было прекрасное настроение, и она готова была с превеликим удовольствием принести себя в жертву дракону.

— Очень, — честно сказала я.

Девушка растерянно заморгала:

— А я хотела вас бросить...

— Бросайте. Вы все равно не успеете, и божественный гнев изольется на вас. А когда приду я, и сказать будет нечего. Я вот думаю, как так получилось? Куда делось тринадцать минут?

— Возможно, они заблудились? Я сбегаю поищу?

— Бегите, деточка, бегите...

И Алиса бросилась вперед на длинных и стройных ногах, только яркий шелковый шарф сверкнул с высоты эскалатора, как весеннее небо.

Когда я открыла дверь издательства, все замолчали: было ясно, что обсуждали меня. Но Леонид Петрович, который был в центре внимания, весело заулыбался:

— О, пришла, опора православия! Пробируешься на должность матушки?

— Что?

— Да ладно! Я же за ним в буфете наблюдал, специально пошел. Видел, как он тебе шампусик подливал, а сам кофеек. Сразу видно, человек скромный, богобоязненный. Батюшка, наверное?

— Да какие батюшки-матушки! — в сердцах закричала я. — У него от батюшки только борода, да и та лохматая. Надо же так в людях не разбираться. Бомж, цыган и бабник!

— И любитель пекинской оперы, — ехидно закончил босс. — Не смей богохульствовать, Анечка! А вы, Алиса Федоровна, перепечатайте отчет.

— Я уже перепечатывала! — возмутилась Алиса и так качнула головой, что рассыпала два золотых крыла безукоризненного каре. — Не может там быть ошибки. Вот где, где? Покажите, пожалуйста.

— Еще чего! Эта твоя работа, милочка, исправляй что, извини, нагадила!

— Леонид Петрович! — еще громче закричала Алиса (у меня даже сердце сжалось, а нижняя губа Демиурга оттопырилась, как у оскорбленного Калигулы). — Зачем вы так... выражаетесь?

— Я не совсем понял... Ты мне указываешь, как выразиться? Напекаешь на старческий маразм?

— Я этого не говорила, — смутилась Алиса и попыталась исправить: — А давайте... давайте я вам кофе сварю.

Рыжая бровь задумчиво поползла вверх, описала дугу и встала на место.

— Думаешь, таблетку мимо машины пронесу? У меня еще не трясутся руки, дитя мое. А вы, Саша, зайдите ко мне: есть работа. Напомните, у вас английский, французский...

— Испанский! Леонид Петрович, еще испанский свободно.

Молодая и скромная Саша, только что окончившая филфак, вскочила и для храбрости вцепилась двумя руками в крышку стола. Ей выпал шанс отличиться, и девчонка со страхом и обожанием смотрела на Демиурга. Он замер, опустил на свои выпуклые глаза веснушчатые веки и действительно стал очень похож на задумчивого ящера. Это была просто средневековая сцена: девушка и дракон.

— Вот так, господа! Все слышали? Все-таки будущее за молодежью. Что вы думаете, коллеги, о ротации кадров? Все ли сидят на своем месте? А?

Он галантно открыл дверь и пропустил растерянную и красную Сашу в кабинет.

— По-моему, Леонид Петрович стареет. — Я пожала плечами. — У него исчезает чувство юмора. Теперь ему нравится пугать.

— Он пугает, а мне не страшно, — рассмеялась Алиса. — Я думала, она скажет — японский или хотя бы турецкий, а то испанский... Анна Александровна, а вы курите?

— Я не курю, — не очень уверенно сказала я.

— В самом деле? Я вам не верю. Но вам стоит научиться.

— Зачем?

— Почти всех настоящих писателей и великих переводчиков снимали с трубкой или сигаретой. Посмотрите на фотки: Булгаков, Маяковский, Горький...

— И я? Смеяться изволите? При чем здесь писательство?

— Я не смеюсь. Совершенно серьезно предрекаю ваше будущее. Я же немножко ведьмочка и кое-что вижу: у вас есть перспективы, Анна Александровна! Впрочем, речь сейчас пойдет обо мне.

— О вас?

— Вот именно. И о том, кого вы уважаете больше всех на свете!

«Неужели замуж за Леонида собралась?» Я была заинтригована.

— Пойдемте на обед вместе? Я расскажу что-то очень интересное.

И она так зажигательно подмигнула, что я рассмеялась.

— Бедные, бедные мужики! Они все обречены. Аля, даже у меня сердце екнуло. Вы просто *la femme fatale*!

— Ой, а я французский не уважаю! Я немецкий люблю — знаете, что такое *die blonde Bestie*?** Горе тому, кто этого вовремя не поймет!

— Пошли!

Сказала и сама удивилась: мне нравилось ускользать на обед из издательской пещеры в гордом одиночестве, чтобы хоть часик отдохнуть от лиц, которые я вижу ежедневно. Или почти ежедневно. Но сейчас я сгорала от любопытства, потому что в каждой гордой и одинокой волчице, как в любой женщине, живет ужасная сплетница, а новость, которую расскажет Алиса, была явно не рядовой.

В двенадцать мы выскочили на улицу.

— Вы есть хотите?

Я грустно покачала головой, а златокудрая *la femme fatale* звонко и, как положено роковым женщинам, немножко зловеще расхохоталась.

— Ага, первые признаки влюбленности налицо. Какая вы молодец, Анна Александровна!

— Не лезьте не в свое дело, Алиса! — Я чуть не задохнулась от отчаяния и злости. — Что вы все пристали с этой влюбленностью? Как можно влюбиться в бомжа, который живет на кладбище? Это потенциальный преступник!

* Роковая женщина (*франц.*)

** Белокурая бестия (*нем.*)

— На кладбище? Настоящий преступник? — Синие глаза стали величиной с блюдце. — Это круто! Да ладно вам. Не похоже. А впрочем... Кстати, мы пришли.

— Но это же мороженица...

— И что? Я в детстве всегда мечтала завтракать мороженым, а обедать пирожными. Не относитесь ко всему серьезно! Давайте представим себя детьми, это вам просто необходимо. Вы как сжатая пружина, чуть мне в нос не дали...

— Простите, нервы, — пристыженно прошептала я.

Уютный залчик с розовыми столиками и стульями, с красными бархатными диванчиками был чертовски милым. Витрина, где в два ряда теснились лотки немислимых расцветок и названий, поражала воображение.

— Почему у вас такое напряженное лицо, Анна Александровна? Вам здесь не нравится? Хотите на диванчик? Тогда я на стул, чтобы этот телик с мультми не видеть. Нам нужно поговорить.

— Нет... Нет, мне здесь нравится, очень уютно, но... я не знаю, что выбрать.

— Тогда я вас угощу. Я сегодня именинница!

— Как? Но вы же Скорпион! Я помню, как вас поздравляли в холодный ноябрьский день и Демиург торжественно вручил 25 алых роз и обещал еще миллион. А сейчас март, не так ли?

— Да! Я тоже помню это ведро — как в цветочном магазине, — рассмеялась Алиса. — Интересно, как выглядит миллион роз? Миллион убитых роз. Площадь, заваленная умирающими алыми цветами.

— Что за картину вы нарисовали? Это какие-то именины сюрреалиста!

— Да это нечаянно получилось! Какая из меня сюрреалистка? Я оптимистка. Просто я терпеть не могу мертвые цветы... А сознайтесь, уже думаете, как обыграть эту картинку в какой-нибудь переводной книжке, так? Нет-нет, Анна, только не обижайтесь! Можно я буду так называть вас вне работы? Вы же профи до мозга костей. А я, видимо, навсегда останусь любителем.

И она, как фея, упорхнула к витрине — и даже показалось, что за ней остается золотистая искрящаяся дорожка. В памяти зазвенел детский голосок: «В папино издательство приходят только красивые дамы, похожие на фей...» Интересно, сколько сейчас лет Сашеньке? Столько же, сколько Алисе? Дочка, где ты сейчас? Ну да, правильно, Леонид хвастался, что дочь блестяще окончила универ и работает где-то во Франции: то ли в Сорбонне преподает, то ли в российском консульстве переводит. Точно не помню, но взлетела высоко. Значит, выросил, выучил, можно и о себе подумать... Какие же все мужики сволочи, однако! И эта златокудрая бестия, пожирательница чужих сердец — ни стыда ни совести...

Шлеп! Перед моим носом выросла гора разноцветных шариков, густо политых оранжевой карамелью.

— Все, празднуем! — Алиса взмахнула прозрачной ложечкой, как дирижер. — Я решилась! Празднуем мою помолвку. Он вам понравился, правда? Я видела, что вы на него в театре все время смотрели.

Я вспомнила Демиурга в ложе с биноклем и пожала плечами:

— Да, взглянула пару раз, не все время.

— Через два дня мы уезжаем в Челябинск знакомиться с родителями, и назад я не вернусь. Вы сможете объяснить ситуацию директору?

— В смысле?

— Я выхожу замуж за Романа и переезжаю в Челябинск. Что вас удивляет?

— Но... променять Питер на Челябинск... — От растерянности я сморозила явную глупость.

— Я меняю эрзац на настоящую жизнь, ясно? Думаете, легко с вашим старпером управляться?

— Алиса! Не смейте ниспровергать кумиров...

— Да пусть остается на пьедестале, я разве имею что-то против? — беззаботно сказала Алиса, слизывая шоколад с ложечки тонким и острым змеиным язычком. — Он по-своему неплохой мужик, а когда-то, в детстве, наверное, вообще был крут. Только ведь это давно было, так? А я не люблю музейные редкости. — Она прищурила свои сапфировые сканеры, взмахнула ресницами и спокойно, без раздражения и злобы, объяснила: — Разве вы не видите? Он уже давно выдает себя не за то, чем является. Является он пожилым дядечкой с больным сердцем, который обожает дочь, жену и радости семейного очага. А хочет казаться роковым и ужасным Демиургом, собственничает. Слышали, какой он концерт сегодня устроил? Это все из-за Ромы. А по какому праву? Даже вы были с мужчиной! Между прочим, я не устраиваю ему концерты из-за жены.

— Вы же сами...

— Да, я воспользовалась предложением. И что? Думаете, я соглашусь стать игрушкой на всю жизнь?

— Но в этом Челябинске...

— Нет Эрмитажа? Я повторяю: музейные ценности не люблю. Можно я кое-что расскажу? Знаете, это я сказала Демиургу, что мечтаю сходить на пекинскую оперу, и он постарался. А на самом деле это Ромчик любит экзотику, и мне очень хотелось поздравить его с днем рождения. Но... я не могла позволить себе такие дорогие билеты. А поздравить хотелось.

— Какое коварство!

— Вот именно, и мне стыдно. Передайте, пожалуйста, Леониду Петровичу, что я прошу за все прощения и желаю счастья.

— Алиса, наберитесь смелости и скажите сами. Так будет честнее.

— А зачем эти отрицательные эмоции? Кому они нужны? Я без них проживу. И во-вторых, я не собираюсь возвращаться на работу.

Она достала пудреницу и посмотрелась в зеркальце.

— Нет, я не похожа на мазохистку. Ничего общего... А вы его уважаете, найдете нужные слова. Память молодости, так сказать... А можно я спрошу? Он был вашим любовником?

Я немножко ошалела от этого нагловатого напора. И все-таки решила сказать правду (тем более что в свое время это меня мучило).

— Увы, нет, Алиса! Леонид Петрович никогда не видел во мне женщину. Даже когда мне было тридцать два, я для него была чем-то вроде живого гугла, переводчика и всепонимающего уха, которому можно излить любые тайны.

— Это вы для самой себя были гуглом-переводчиком. Вы такую роль сами выбрали, а никто разубеждать не станет. Раз выбрали, значит, она вас устраивает.

Алиса вдруг перегнулась через стол, ее прекрасное лицо с гладкой свежей кожей, без всякого тональника, оказалось в нескольких сантиметрах, и я в который раз подумала, какая она красивая и что Демиурга осуждать нельзя: никто бы не устоял.

— Ничего не кончено! Вы восхитили и удивили меня в театре. Такой дядечка! Мощный, высокий. А энергетика? Бешеная! — Она мечтательно закрыла глаза. — Не то что у нашего рыжего ящера — вот, точно, ископаемый реликт. Эх, был бы ваш дяденька моложе — я бы его забрала!

— Разумеется, — ехидно сказала я. — Он физически не может пройти мимо чужой юбки. Заурядный бабник!

— Не ревнуйте. — Алиса лукаво погрозила пальчиком. — И не отпускайте свое сокровище. Помните: не все то золото, что блестит. И наоборот, золото иногда под землей зарыто. Я тоже думала, что Рома — замурышка провинциальная, так себе вариант, но все оказалось по-другому.

В сумочке рассыпался танцевальной дробью мобильник, и Алиса порозовела от счастья:

— Это Рома! Скажите что-нибудь на прощанье!

— Будьте счастливы, — растерянно сказала я. — Совет да любовь... Знаете, деточка, вы меня тоже поразили. Все бросить, так влюбиться! Не думала, что вы на это способны.

— И я не думала!

Алиса вскочила, схватила белый пуховичок в охапку и вдруг стала похожа на десятиклассницу на перемене. Такой она мне нравилась все больше и больше.

— А вы не боитесь?

— Бояться? Рома сказал, что боящийся не совершен в любви, — и лучше не скажешь.

— Только это не Рома сказал, — хихикнула я.

— А мне все равно! Обещайте, что утешите нашего ящера! Я прошу у него прощения. И вот это отдайте, скажите, я прочитала. Но в его скучный офис не вернусь никогда. О воля, воля! О свобода! Ты встретишь радостно у входа!

Она бросила на стол красивую пухлую книжку, резко застегнула похудевшую сумочку и выпорхнула на улицу, на ходу пытаясь попасть в рукава модной курточки и одновременно обмотать шарф вокруг шеи. За стеклянной дверью пронзительно и победоносно запела автомобильная сирена, приветствуя Златовласку, потом мягко хлопнула дверь, зашуршали шины и наступила тишина.

Я сидела над горкой душистого мороженого, как Будда Шакьямуни перед цветком лотоса. Я пыталась обдумать ситуацию, однако она не вмещалась в голову. Взглянула на книжную обложку: так и есть, Урсула Ле Гуин...

В офис я вошла боком и, стараясь не смотреть на пустой Алисин стол, протиснулась к себе. Разложила бумажки для вида и, лучезарно улыбнувшись ближайшей соседке, спросила:

— Босс уже, наверное, ушел?

Та энергично затрясла тугими кудряшками:

— Нет, и он просил вас зайти после обеда.

И тут же, словно громовержец с небес, звучным баритоном загремел динамик:

— Анна Александровна, зайдите ко мне!

Я медленно шла и думала, как с ним разговаривать. Самое главное, впервые в жизни было его жалко: Демиург заочно потерпел полное фиаско, но об этом еще не знал. А между тем вредная девчонка, не задумываясь и смеясь, сдернула с него шикарные одежды, и король оказался голым. Ну почему я должна быть первым вестником? Я до сих пор ему так благодарна. И вот сейчас придется обидеть хорошего человека. Какая хитрая бестия эта Алиса! Может быть, сказать, что я ничего не знаю?

Когда я вошла, Демиург был спокоен и невозмутим. Насмешливо покосился на книжку:

— Ну что? Алиска сбежала?

— Откуда вы знаете?

— Я все знаю. Сбежала — и хорошо. А то не знал, как отделаться.

Молодец, Леонид! Он не сдавался и гордо хранил свое мужское превосходство.

— Чего-нибудь передавала?

Я торопливо вложила в лапу томик и слишком быстро выпалила:

— Она... сожалела...

Он поморщился как от зубной боли:

— Какая лирика! А что-нибудь материальное?

— Ничего, только книгу.

Он энергично встряхнул томик и пошелестел страницами.

— Она мне вообще-то пять тысяч должна, но, видно, забыла. Ладно, я не обеднею, она не разбогатеет.

— Ну зачем вы так, Леонид? — искренне расстроилась я. — Она совсем не такая, наверное, действительно забыла. Шутка ли, за один день изменить всю жизнь! Вы знаете много современных девушек, которые рванут с провинциалом из Питера в Челябинск? По-моему, все происходит наоборот, или я не права?

— Думаешь, бескорыстная? Декабристка?

Демиург повернулся, и его грустные выпуклые глаза шельмовски заблестели. Мне тоже стало весело. Он вдруг ухмыльнулся и стал чертовски обаятелен. Я улынулась в ответ и подумала, что наш стареющий дракон в сто раз интереснее этого Ромы в скучном сером костюме.

— А что не так?

— Да дура ты полная, Анька! Была душой и осталась, гы-гы-гы!

— Простите, Леонид, это уже чересчур!

— Не расстраивайся, в этом твое обаяние. Нормальный чел такую Аньку на десять Алис не променяет. Не был бы я женат, я бы на тебе женился. А твоя Алиска — хищница! У Ромчика папа в администрации ценный кадр да еще владеет каких-то холдингов-молдингов. Чуешь, какие перспективы перед девкой открылись? Вот увидишь, станет наша Алиска Хозяйкой Медной горы. Бриллиант мой сапфировый... Тем более какой из нее переводчик? Ты же сама видела.

Он смачно зевнул.

— Даё бог, чтоб у нее все сложилось. Ничего, я-то переживу. Саднит, конечно, немножко, но стопудово не повешусь из-за этого бриллианта сапфирового. Завтра поеду секретаршу присматривать. Есть идеи.

— Может, Саша пригодится?

Он грустно улыбнулся:

— Не потянет! Потому что у нашей драгоценности в голове был трехъядерный процессор плюс врожденная любовь к риску. Ты даже представить не можешь, чего она творила и как мне помогала! А у Сашеньки, уввы, в головке только иностранная литература. Как с ней дела делать?

— Вы гениальный психолог, однако согласитесь, что бывают сюрпризы.

— А как же! На то и жизнь. Сколько живу, столько и удивляюсь: почему каждая баба — это маленький кубик Рубика? Представляешь, еще ни разу все грани не сложил... Все-таки объясни мне, что за поп с тобой был?

И это оказалось последней роковой каплей, переполнившей чашу терпения, — минут пять я орала, захлебываясь эмоциями, потом наступила тишина.

— Да... — задумчиво подытожил Демиург. — Видишь, и твой кубик не сложился. Я думал, ты каменная, а тебя зацепило. Но мужчина, в принципе, запоминающийся.

— Вы сговорились с Алисой?

— Нет, — сказал Леонид. — Просто мы с ней одинаково думаем. С этого все и началось, а не с ее неземной красоты.

— А вдруг он бродяга? Это вас не шокирует?

— Так, может, тебе такой и нужен? Кто вас, баб, поймет? Я вот столько женщин перевидал, думал, все про вас знаю, а, выходит, не все! Про Лизу ничего такого не думал. Кроткая, беззащитная — а она наркоту в рюкзаке таскала!

— Как? Кроткая Лиза, лазурная бабочка среди вечной зимы?..

— А вот так. Она деньги так зарабатывала, чтобы купить квартиру. Хотела одна жить.

— А сын знал?

— Догадывался. Так что живи спокойно: бродяги здесь ни при чем. Откуда у этих обмороженных и калеченых силы возьмутся человека убить? Видишь, кубик и с Лизой не совпал. А Алиска казалась веселой, беззаботной как котенок — хотя там все написано. Действительно старею, не распознал... Предательница, даже не попрощалась. Я думал, из нее львица вырастет, а получилась...

Леонид Петрович задумался, и я подсказала:

— Лисица.

— Ведьма. Кстати, в китайских сказках это одно и то же.

Мы посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

— Я закажу себе перстень как у царя Соломона, — нахально сказал Демиург. — Все проходит. И это тоже пройдет.

— Не надо! — вдруг вырвалось у меня. — Это плохая идея. Пусть что-то останется, иначе жить неинтересно.

(Окончание следует.)

Станислав ЛИВИНСКИЙ

КУКУШКА

* * *

Кто виной? А никто не виною,
что, раздевшись почти догола,
не Арагва шумит предо мною,
а шумит предо мною Ташла.

Не шумит, а брюзжит, как соседка,
или, может, мурлычет под нос.
И тутовник касается веткой
этих жалких и мутных волос.

Кто виной, что повсюду бутылки,
а письма не сыскать ни в одной?
И снежинки, а может, опилки
или пепел летит неземной.

Что мальчонка с лопаткою в парке
на ворону ужасно сердит
и кричит ей: «Ворона, не каркай!» —
но она на него не глядит.

И, свое осознав превосходство,
над землей расправляет крыла...
Лишь одно безусловное сходство —
ты, печаль моя, тоже светла.

* * *

Бабы? Нет, не голосили.
Не читал молитву поп.
Полубоком выносили
через дверь широкий гроб.

Слишком узкая, зараза,
нужно было снять с петель.
Подогнали к дому пазик
и колхозную «газель».

Всю дорогу выпивали.
Как же тут не выпивать?!
На пригорке закопали,
где отец его и мать.

А потом под рукомойник
лезли руки с мылом мыть.
Говорили, что покойник
мог бы жить еще да жить.

Но теперь таким почетом
он меж нами окружен.
Смерть свела с долгами счёты,
примирила бывших жен

и детей от браков разных
за одним столом большим.
Словно это — светлый праздник,
день рождения души.

* * *

От сумрачных дворов и шума дискотек,
от проходных миров, друзей и алкоголя
и я, усталый раб, замыслил бы побег
туда, где счастья нет, но есть покой и воля.

Туда, где по ночам светло, как будто днем,
и небо вдалеке не отличить от моря,
когда, одежду сняв, мы за руки плывем,
а может быть, летим в замедленном повторе.

Но все совсем не так. Храни свою вину,
топи ее, топи — за наши несемнадцать.
За то, что столько лет любил тебя одну.
За то, что и теперь не смог тебе признаться.

* * *

Подвел, как видимо, черту
и, сдвинув кепку на макушку,
стоял с травинкою во рту
и за язык тянул кукушку.

Потом все так же не спеша
курил и думал неумело
о том, как мечется душа,
когда берет в аренду тело.

Как натирает вещмешок
то место, где болтался ранец.
Как чуден жиденький стожок
и даже пара сельских пьяниц.

* * *

Будешь кроток, а может быть, краток,
чтоб полжизни твердить о пустом.
Это небо — всего лишь задаток,
остальное получишь потом.

Свой кусок сероглазого мира,
где зачесана набок трава
и поэты бряцают по лире,
как зверей, приручая слова.

Но пока мы с тобой еще живы,
я спешу заучить наизусть
свежевыжатый голос залива,
тополей вертикальную грусть.

И красавицу выхватить в профиль,
чтоб уже не забыть никогда,
как она держит чашечку кофе,
оттопырив мизинчик стыда.

Как она поправляет сорочку
и становится как-то родней,
оголив любопытную мочку
и сережку веселую в ней.

* * *

Не говори все время «нет».
И что с того, что мало денег?!
Ну вот, к примеру, твой сосед
сам починяет табурет,
довольный, как электровеник.

Гони ее, печаль-тоску.
Какой ты, к черту, неудачник!
Уже и шмель летит к цветку,
и штык лопаты к черенку
приладил выпивоха-дачник.

Уже взволнованный рыбак
поймал сома на закидушку,
и безголосая кукушка
не накукуется никак.

* * *

Скажи, что не ради игры,
не ради какого искусства
мы наши воспели миры
и два удивительных чувства.

Сбежать, на работу забить,
лишь только б успеть до мороза
собраться бы и посадить
у бабушки с папой березу.

Глотнуть самогон со слезой,
зеленым загрызть помидором.
Курносая ходит с косой,
и только моя — с гвоздодером.

Поскольку я — верх суеты,
забитый по самую шляпку,
когда покупаю цветы
тебе на последние бабки.

Беру их и прячу под плащ,
трезвоню, лечу наудачу.
Не нужно, родная, не плачь,
а то я сейчас сам заплачу.

* * *

Мой друг, типичнейший зоил,
как про него сказал бы Пушкин,
прошел утруску и усушку
и этим мне особо мил.
Да, я его боготворил,
таская курево в психушку,
где он от армии косил.

В потустороннем странном мире,
вдоль окон шляясь, как дурак,
я через форточку в сортире
передавал ему табак.

А сам, в те годы некурящий,
все озирался, словно тать:
забор с колючкой, двор смердящий,
у баков ржавая кровать.
Там сука спряталась под ящик —
ей вдруг приспичило рожать.

Там, умирая от восторга,
друг другу в верности клялись.
Подсматривали в окна морга,
не понимая эту жизнь.

Скользили взглядами по краю,
взрослели медленно во тьме...
Я и теперь не понимаю,
я и теперь ни бэ ни мэ.

* * *

Как сошлись, кого увидели
и какой разбили сад?!
Это ведь мои родители
сорок лет тому назад

принесли весенним вечером
из роддома плод любви.
Имя дав, очеловечили.
Ну, давай, теперь живи!

Чтобы юная прелестница
оставляла свой засос
и скрипела в доме лестница,
а еще — шиповник рос.

Чтоб звала старуха Мурзика
и готовилась еда.
Чтобы слово стало музыкой
и осталось навсегда.

Георгий КУЛИШКИН

ТОМАСЬКИНО СЧАСТЬЕ

Р а с с к а з

Когда мама покороче подрезала ей волосы и их концы улеглись в форме подковки, Валюша, старшенькая, нацелила палец, насмешливо объявив:

— Дочь Мао Цзэдуна!

С этим Томася спустилась по откидной железной лесенке из их вагончика и, спрыгнув на землю, побрела, понутив голову, вдоль кочевого городка. Никуда не хотелось глядеть, и она видела лишь косолапенько ступающие свои коричневые туфельки с перепонкой, переставшие быть любимыми после того, как, ремонтируя, к ним приколотили гвоздями толстые кожмитовые подметки. Несмотря на полностью утраченную нежность к ним, она все же не смогла не пожалеть, что кожа на носках сбита и светят слегка вздохмаченные белесые проплешины.

Заглянув за подвернутый полог палатки, где дядя солдат работает художником, она вошла. На ленте кумача он, накладывая картонный трафарет, ваткой вымакивал белые буквы. Буквы Томася знала, но слово еще не сложилось, а угадывать ей не хотелось. Солдат улыбнулся, не поворачиваясь. Она тоже улыбнулась, хоть он этого и не видел.

Покончив с буквой, спросил по-приятельски и не ожидая ответа:

— Ну что?

Она повела неопределенно плечиком и потупилась. Снова увидела сбитые носы и убрала ногу за ногу, пряча один, особенно некрасивый.

— Хочешь, закрасим?

С этажерки, заполненной всяческим рисовательным снаряжением, он снял фанерку, всю в разноцветных ляпах, выдавил на нее толстую каплю краски. Сличив ее колер с цветом туфель, выдавил еще одну, посветлее. Кисточка словно сама собой затанцевала, смешивая и добавляя светлого. Присев, мазнул по сбитому и отстранился. Цвет подходил. Быстро и без промаха он укладывал краску на поврежденное, не затрагивая того, что уцелело. Туфли обновились и как будто осветились улыбкой, отвечая на улыбку девочки.

— Посиди, пока просохнет, — сказал он, возвращаясь к трафаретам.

Она посидела, но очень недолго. В углу, на холсте, поставленном на подрамник, угадывалось что-то знакомое. Она подошла. С незаконченного портрета смотрел, словно выглядывая при игре в прятки, папа. Выписаны внятно были только глаза и светлые папины волосы. Никогда раньше она этого не замечала, а художник подметил. И сказанное Валюшей... Ей вдруг подумалось, что папа тоже кем-то приходится Мао Цзэду. Она темненькая, в маму, а он совсем светлый, хотя родом из мест, примыкающих к китайской границе. Она много слышала от него о тех краях, но из живых ощущений, с ними связанных, у нее только два вкуса: вкус пельменей и вкус тонких блинов с каймою из ломкой корочки. А там, откуда мама, любят вареники. Томася уже выучилась лепить и пельмени и вареники и почти уверена, что, если бы доверили печь блины, она бы справилась.

Дома, уже вечером, папа занял половину стола — охотничьи патроны набивает с Валюшей, своей любимицей, во всем — от внешности и до замашек — неотлично похожей на мальчишку.

— Томася! — позвал. — А ты?

Она забралась коленками на табурет, зная, что ее работа — подавать папе в нужную минуту пыжи. Сосредоточенно следила за папиными руками, чтобы помогать, а не задерживать. И со старательно скрываемой завистью посматривала на старшую, которая пойдет с папой на охоту. Она не знала, зачем ей туда, но из того, что ей могло хотеться, больше всего на свете хотелось, чтобы и ее взяли.

— А меня?.. — улучив минуту, шепнула она робким голосом.

— И не думай! — бросила от круглой буржуйки, поставленной в самый центр вагончика, мама, слово которой было первым и окончательным в семье. — Тебя там не доставало! Хватит, что эти обувь изводят!

Поддабриваясь, папа заметил:

— Верусь, а вдруг — дичинка? А?

Распаясь, мама, сама того не замечая, переходит на слова и речи из языка ее детства:

— Чого вже мы понаидались, то це вже твоеи дичинки! Аж пузо крутыть!

— А в прошлом году русак? — напоминает папа.

— В позапрошлом! — уточняет мама, морщась и фыркая на дым из растопки.

— Ну, в поза. Но был!

Хлопнув ради приличия по двери и не дожидаясь отклика, в вагончик ввалился великан дядя Вася.

— Сват! — приветствуя, расплылся папа.

У дяди Васи с тетей Натой из соседнего, в сцеп с этим, вагончика два сына, с которыми Валюша обрыскала и ближнюю, и дальнюю округу и которых родители, смеясь, называют женихами девчонок, а друг друга — сватами.

— И не заикайся! — в упреждение доподлинно известной ей просьбы заявляет мама не успевшему и рта отворить дяде Васе.

— Вэ-эра!.. — тянет тот с неистребимыми одесскими нотками.

— Веруся!.. — вторит и папа.

— Фроськиного молока! — имея в виду козу Фроську, отрезает мама, которая во всех гарнизонах, всегда и везде держала и держит козочек.

— Вэ-эра!

На каждое их слово у нее в запасе своих — десяток.

— Ишь, моду взяли! Если я в медчасти — так у меня и спирт?! Дала, дура, один раз на свою голову!

— Ну, не один... — замечает папа, припрятывая голову в плечи.

— А ты вообще замолкни! — набрасывается на него мама. — Спиртику захотелось — сами и ступайте к Тигрине Львовне! Вперед и с песней! Или к ней заявиться — кишка тонка? Знаете, что там и пэрднэшь — розсэрднэшь, и бзднэшь — не вгоднэшь!

Мужики прекрасно осведомлены, что все это — дымовая завеса, назначенная отвадить от Ирины Львовны назойливых просителей. И что живут они — Тигрина и Вера — душенька в душеньку.

Семь лет назад, осмотрев ее, прихворнувшую по-женски, Ирина выдала, еще по фронтовой привычке грубовато:

— Хероватые наши с тобой, Верка, дела! Опухоль. Отправить в город — выпотрошат, как воблу, а спасут ли — бабушка надвое гадала.

Вера, выдавшая в госпиталях столько мучений и смертей, считала себя закаленной. И подумала не о себе. Под холодок парализующего страха подумалось: а как же девочка, два годика всего? А муж?.. Она была уверена — и вовсе не факт, что ошибалась, — без нее он пропадет.

— Знаешь что? — предложила Ирина. — Еще не поздно — попробуй забеременеть. В брюхатой бабе такие просыпаются силы — любую опухоль могут задавить.

И появилась на свет божий Томася, исцелительница и любимица мамина.

— Вэ-эра! — держится своего Василь, не сомневаясь, что одолеет.

— Очи б мои вас нэ бачилы! — окончательно выходит она из себя, что по обычаю случается с ней перед капитуляцией.

— Ой! Так-таки и «нэ бачилы»! — подхватывает папа, готовый подобраться к самому беззащитному в ней. — А как ты бежала, когда сказали, что блондинчика ранило? А?

— Дурна была — от и бижала! — бормочет она себе под ноги, направляясь в угол, где свалены кучей пожитки, и выкапывает бутылку с деревянной закупоркой.

— Цей-той! — Так она называет самогон. — Не проболтайтесь сдуру!

Мужики ошарашенно глядят на нее, не в силах понять, когда и как и при помощи чего умудряется она выгнать заветный «цей-той», всегда припрятанный у нее в запасах. Уж не в ретортах ли медчасти?

Счастливым Василь отбывает на сборы, а папа затрагивает удрученную Томаську, говорит:

— Не горюй! Зайчик обязательно что-нибудь тебе передаст!

Прошлой осенью зайчик передал бусы из пурпурных сверкающих ягод. Она хранит их как зеницу ока, очень редко позволяя себе достать и потрогать. Ягодки сморщились и потемнели, но бусы от этого стали почему-то еще дороже.

Нежданно-негаданно налетел ледяной ветер. Он так набрасывался на вагончик, что тот, казалось, вот-вот опрокинется с путей. Мама раскалила буржуйку докрасна, а в жилье было холоднее, чем под открытым небом. Вслед за папой Томася подносила ладошки к щелям, и ледяные струи обжигаютще надавливали на ее кожу.

Папа добыл у ремонтников льняную паклю и принялся законопачивать там, где дуло, а мама поставила кипятить воду для мучного клея — промазывать поверх втиснутой пакли. Пока согревалась вода, она причесала гребнем льняной клок и в несколько движений, свернув и перехватив скрученной из волокон тесемкой, смастерила куклу с головой, руками и подолом до пят. Зачарованно глядя, Томася приняла подарок, который в тот же миг выпорхнул из ее рук, отнятый сестрой. Мама так же проворно сплела вторую, однако и ту выхватила сестра, отношение которой к младшенькой давным-давно отравлено повинностью ее нянчить.

— Валька! — приструнила ее мама, и обе куклы, брезгливо брошенные, вернулись к Томасе.

Одну она положила перед сестрой на стол, а другую, баюкая, отнесла в свою постель.

После упорной борьбы с протечками сквозняки были побеждены — но не холод. Мама подкладывала и подкладывала в обозленно гудящую печку. Труба из красной сделалась светло-розовой, в местах касания к ней дымился потолок. Тлеющее то и дело мама кропила веником, замоченным в ведре, и выскакивала наружу, отбегала, чтобы увидеть, не занимается ли сверху. Искры взвивались и опадали на вагон, грозя поджечь.

За полночь немного согрелись и улеглись. Мама перестала подкладывать дрова, призатворила верхнюю, в трубе, выюшку, задорно — для детворы — повизгивая от холода постели и мороза ледышками рук хохочущего папу, улеглась тоже. Под одеялами и горою носильных вещей Томаське было почти тепло, а оттого, что весело маме, — забавно и празднично на душе. Для нее это было приключением — их соперничество с ветром и морозом.

Ближе к утру мама проснулась от бреда младшенькой. Она стонала, резко перекладывая головку со стороны на сторону. Мама выскользнула из-под папиной руки, чтобы подойти, но, не сделав и двух шагов, рухнула без сознания, громко, с каким-то деревянным звуком ударившись об пол. Проснувшийся вместе с ней и все видевший папа догадался, что они угoreли, и, стараясь двигаться экономнее и не вдыхать глубоко, выкатился из-под одеяла и пополз к выходу. Все удавалось. Только запор на двери располагался очень уж высоко. Он дотянулся. Делая усилие над засовом, почувствовал, как вагончик завертелся вокруг него.

Открыв и выпав головою за порог, папа уже не мог выпрямить шеи. Каким-то чудом сумел-таки крикнуть:

— Васька! Сват!

Ни один мускул тела больше не слушался его. Оставался лишь краешек сознания. И он дышал. Собравшись с силами и понимая, что это последнее, что сделает, закричал чужим, заячьим голосом:

— Ната! Ната!

...Отравление оказалось не таким глубоким, как могло бы быть. Главным нездоровым последствием случившегося стал понос. Мучительный, пронявший всех до единого и длившийся, вопреки пилюлям, несколько дней.

Из-за этого расстройста, непрестанно бегая на двор, Томаська простудилась. Зажимая пальчиками нос, она через силу цедила отвратительное горячее козье молоко. И, послушная, исполнительная, по слову мамы не выбиралась из постели.

Родители были заняты службой, сестра, вызываемая неугомонными «женихами», рвалась на волю. А Томасе все определеннее представлялось, что ощущение разбитости, вызванное температурой, эта ломота и нытье всех косточек так безжалостно донимают ее потому, что она успела отлежать и правый бочок, и левый, и что ничуть бы ей не повредило, одевшись потеплее, заняться чем-нибудь за столом или просто побродить вокруг печки. Размявшись, она почувствовала себя бодрее и отважилась, основательно укутавшись перед тем в пальто и цигейковую шапку и чуть не удушив себя шарфом, показать носик наружу.

Степь, в бурых проплевинах и белых наметах, согнанных ветром, затаенно молчала. Вспомнилось, как голосиста была она, степь, теплыми вечерами. Как шумны и как всегда невидимы в ней те, кто звенит, пиликает и стрекочет.

Из прилежания Томася натянула рукавички, соединенные резинкой, протянутой сквозь рукава, и, с ощутимым теплом в сердечке осознавая, как угождает этим маме, погрузила обутые ножки в короткие, с отворотами, ношенные мамины валенки. Накушканная*, она едва переставляла ноги и не могла повернуть головы, но побрела по площадке перед вагончиками, поглощая оживленными глазками незатейливый окружающий мир, по которому успела соскучиться.

Канавы, вырытая ради отвода лужи, заманчиво темнела чуть поодаль. Летом Томася с удивлением и восторгом разглядела в прозрачной неподвижной воде крошечных пучеглазеньких рыбешек. Папа, приведенный за руку увидеть чудо, сказал, что это личинки комаров, которые «любят» ее, Томасю, больше всех в семье и чаще всех кусают. Теперь поверх воды лежал лед — кружевной по краям, совсем как блин на сковородке. Захотелось потрогать ножкой ломкое сверкающее кружево. Оно похрустывало и переливалось блестками. Потом она проверила пяткой валенка крепость темного льда за кружевом. С осторожностью надавила посильнее. Лед держал. Тогда она шагнула с намерением пройти по замерзшей канаве.

* Кушкать — излишне кутать.

И словно бы вдруг потеряла улетевшее вверх сердце — такой провал внезапно возник под ней.

Падала долго, будто в бездонную пропасть. Уже вода сомкнулась над головой, а она все проваливалась глубже и глубже. Непроизвольно стала барахтаться, но руки трепыхались лишь внутри рукавов, а ноги — в пустотах валенок. С рассудительностью, которая никак не вязалась с ее отчаянными движениями, подумала, что нет, выбраться невозможно. И тут вспомнила сказку о лягушке, тонувшей в сметане. И только успела позавидовать лягушке, которой удалось взбить под лапками плотную опору, как услышала, что ноги коснулись дна. Что подсказало ей немножечко присесть, чтобы возник запас движения для толчка. И она под села. Едва-едва, самую чуточку. И, толкнувшись, вынырнула.

Полоска мокрого шарфа облепила лицо, не позволив вдохнуть. Зато теперь она погружалась, зная, где дно, и вытолкнула себя сильнее и увереннее. Рукам, спутанным отяжелевшей одеждой, стоило жутких усилий сбросить с лица шарф. К счастью, это движение наклонило ее в направлении берега. Толкнувшись еще раз, она оказалась у самой кромки, а погружаясь, не ухнула, как прежде, «с головкой», а устояла на чем-то оклизлом, неверном, но кое-как удержавшем.

Немного уняв дыхание, подумала, что надо карабкаться, цепляясь за край канавы руками. Пальто, однако, висло на руках страшным грузом. И то, что поддерживало ее там, внизу, грозило при любом неверном движении уйти из-под ног.

Вместе с водой, проникающей сквозь одежду, холод острыми шипами впивался в тело, прокалывая насквозь и схватывая судорогами. Под судороги, готовые сломать ей ноги и спину, душу пронзило оцепенение. Это был не страх, это был ужас. Она не знала, сколько уже стоит так, вытягиваясь ртом и губами к спасительному воздуху, не знала, сколько еще сможет простоять, когда над нею возникли три веселые рожицы.

— А мы и думаем, — заржал старший из «женихов», — кому это купаться приспичило?!

Сестре пришлось повозиться, снимая с нее дома пальто. Когда сдирала облепившее Томаську платье, в вагончик влетела мама.

— Ох, я вас навчу! — прокричала она, с порога метнувшись к висевшей на гвозде бельевой веревке. — Ох, навчу!

Что еще кричала мама, охаживая ее и сестру веревкой, Томаська не слышала. Ей не было больно, не было обидно и совсем почему-то не было страшно. Веревка обжигала, вгоняя в тело живое, благостное тепло.

Потом, растерев спиртом, мама укутала ее тремя одеялами. Уходя, с примирительной усмешкой тряхнула головой:

— Ох уж эти мне капитанские дочери!

А наутро Томаська встала абсолютно здоровенькой.

...Лето обняло иссуха-сухим жаром. Дяди солдаты смастерили для малышни насосики, прицельно бьющие водной струйкой. В разгар сражения, идущего возле бочки с водой, вернулся из части папа, срочно вызванный к командиру посреди выходного.

— Веруся, собирайся, утром снимаемся!

Мама уронила руки:

— Как так — снимаемся?

— Обыкновенно. Что, в первый раз?

— Та шоб вам повывлазило с вашей секретностью! Заранее сказать — язык бы отвалился? У меня коза, огород!

— Козу с собой, нам целый прицеп дают. А огород — ну что огород?

— Ты с ним в три погибели не панькался — тебе, конечно, что?

И все завертелось вокруг мамы и в ее руках. Вещи словно сами собой вспархивали и укладывались по порядку в походные, из досок, короба, не успевшая толком вызреть капуста кочан за кочаном прыгала в мешки и раздавалась сослуживцам.

Утром гусеничный «Сталинец» подал соединенные цугом пять прицепов. Дяди солдаты таскали наспех сколоченные сундуки, узлы, мебель. Не зная, что встретит на необжитом месте, с мясом выдирали и грузили буржуйки. Детвора сходила с ума. Дорога! А значит — события, новые места!

И вот, повинувшись команде, дядя солдат, сидящий, как на облучке, на открытом сиденье за рычагами «Сталинца», понукает свой трактор. Разносится бодрящий душок копоты выхлопа, и поезд дергает с места.

Сперва люди смотрят вперед, но там до самого горизонта одна только степь. Томаська укладывается на мягкие узлы. Любимая коза, чье молоко она на дух не переносит, пристраивается рядом и лезет целоваться. Нежный и шероховато-цепкий язык шоркает по губам ребенка. Детский язык, озорничая, пускается навстречу. Фроська обкушалась вчера капустных листьев и вот ненароком пукнула. И покосилась конфузливо на маленькую хозяйку.

Траки тяжелого тягача дольками нарезают грунт, отчего прицепы, идя по следу, мерно подрагивают. Томаська заводит долгое «а», вибрирующее от толчков.

— Как на волах!.. — мечтательно говорит мама. И вдруг встрепенулась. — Хлопцы! Девчата! — закричала в сторону прицепов, идущих сзади. — Айда к нам! Хор мы с вами, чи не хор?

Прыгая через борта и обгоняя медленно тянущийся сцеп, к ним набивается тесная гурьба.

— Каким ты был, таким остался... — затягивает мама.

— Орел степной, казак лихой! — подхватывает хор, так что слышно всей степи.

Фальшивя, надрывая голоса, орут и дети.

Когда взрослые, зная сердцем и собственной судьбой, о чем это, открывают как на духу: «Я всю войну тебя ждала!» — крохотная душа Томаськи, мало что понимающая и понимающая все, вдруг распаивается, готовая принять в себя весь мир. И в эту вот несмышленную, казалось бы, душу западают зернышками, чтобы пустить корешки и остаться навсегда, и умение ровно любить, и умение верно ждать. И ей, девочке, хочется обнять, как Фроську, и эту землю, которую жуют гусеницы тягача, и небо, и «Сталинца», рокот которого сливается с песней, как звуки баяна.

Майя ШЕРЕМЕТЕВА

БАРС В СНЕЖНЫХ ЯБЛОКАХ

* * *

на рябине снег
колокольчики в небе
в белом ливне монахами красношапочниками
на ступеньках воздуха — духа
в Триединой рябине стоит Саваоф
в красном пении колоколов
в белом ливне снегов
как река тишины
за звучанием слов

* * *

как свечи стоят незажженные вербы
мгновенье еще и вспыхнут о ком
весенний трамвайчик под номером первый
несется снегирь и машет флажком

стрельнет по сугробам разбойная белка
у клена башка от птиц кувырком
и голубь срываясь бельем хлопнет белым
и птичка ты сам — с таким хохолком

* * *

раскручивая спираль вселенной —
туристский коврик
перевернешь в руках
и сядешь на краю
на темечке ее
сквозь шорох света
пепел звездный
пропел одну
и взглядываешься
в допесенную воду-мглу
доречевую вспышку мысли
как молнию в ночном саду

Петроглиф

здесь звери приходят ладони лижут
и хлеба ищут и соль находят
а детеныш норки на колени залезет
знакомиться гладиться по глупой шерстке

а баран круторогий рогами витыми
запутался в кусте смородиновом
стоит в прекрасной цветочной шапке
как жених смущенный растерянный

где-то тут в рюкзачке мой походный ножик
зверь рисованными встряхнет рогами
из веток срезанных сложу костер-песню
комуз-язычок — кому заиграю

ветрам моим и вдруг — долина
в походную кружку плесну кипяточку
добрую кружку подаренную хорошим одним человеком
крутой кипяток на горных травах

Таракай*

*Таракай — псевдоним алтайского
художника Николая Чепокова*

...А Таракай из сумки вынет
долины, горы, водопады.
Марала губы в речке стыннут,
алтаец рыбку ловит рядом.
Сосцы божественной Умай
льют водопады молока,
вот-вот прольется через край
из чаши горная река.
«А горные духи за всем приглядывают в сто глаз» —
так говорит Таракай
и рисунки свои показывает.

* *Таракай* — герой алтайского эпоса «Маадай-Кара», вечный странник, нищий бродяга, весельчак, философ.

Рисунок первый

— Духи гор никогда не спят,
 выглядывают из-за плеча,
 то молчат, то глухо переговариваются.
 Гора горе говорит:
 — Огонь горит, — говорит, — у людей.
 Огонь горит.
 Горе гора говорит:
 — Да, — говорит, — горит
 огонь, горит.

Рисунок второй

— На серебряной вершине — барс
 то в клубочек свернется кошкой баской,
 то развалится по-царски,
 то посмотрит по-хозяйски.
 А глаза, как у нас, раскосые,
 как клинок, мысли быстрые, острые.
 Сам в снежных яблоках, как сад.
 Сам в снежных яблоках, как сад.

Рисунок третий

— В аилах Алтая вечер подтаял.
 У речки сидят три алтайца.
 Давно их жены не прядут,
 давно их жены ждут.
 У коновязи — конь,
 А это туристы к ним притулились, —
 говорит Таракай, —
 моргают на огонь
 и не спеша
 горячую арачку разливают
 да звезды палкой ворошат.

Рисунок четвертый

— Любопытство губит нашего брата.
 Алмыска голая, уж страсть как красивая.
 Мужичку-то увидеть охота.
 А как захохочет она —
 тут уж беги со всей силы,
 когти выпускает острые, как у барса,
 поймает и слопает, ненасытная.

Надпись Таракая к своему рисунку:

«Не успел я к другу,
Не погулять мне на свадьбе.
Вместо араки веселой попою чай полынный,
Вместо песен зычных послушаю зов маралов,
Вместо драк кровавых услышу бой оленей.
Думаю, решаю, однако, хорошо, что я опоздал».

.....

Беспечный рисовальщик,
смеясь, покажет новые рисунки,
кисет расшитый расшнурует —
чаинки растворятся ароматом.
Попьет чайку — и был таков!
Стемнеет рано. Но свет волшебный
бродит по двору —
как будто был в гостях Басё
иль с Хокусаем ты имел
неспешную беседу.

.....

Как странник нищий Тикусай,
он бродит по дорогам,
лачугу подперев, чтоб не упала,
бревнами двумя.

.....

Простились!
Куда уйдет — никто не знает.
В котомку спрячет свой Алтай
да на плечо закинет.
Лишь птичка вылетит в дыру
и запоеет, родная.

Анатолий БИМАЕВ

БОР

Р а с с к а з

Один шаг, второй, третий...

Сорок лет Захар Егорович ходил этой дорогой от дома до магазина и от магазина обратно. Сорок лет, за которые он безнадежно состарился, превратился в дряхлого старика, еле передвигающего ноги. Много безвозвратно изменилось за это время. И только магазин, сменив десяток вывесок и целую армию продавцов, то расширяясь, то уменьшаясь в размерах, оставался на месте.

Сейчас магазин переживал, наверное, свои лучшие времена. Чистые, как на картинке, продуктовые ряды и холодильные камеры со свежим мясом, рыбой и полуфабрикатами всевозможных наименований тянулись подобно сказочным лабиринтам, среди которых можно запросто заблудиться. Всюду было светло, пахло копченым, жареным, печеным, маринованным, свежемороженым. И самое главное, на входе стояли большие тележки. Отныне не нужно было просить неприветливых продавщиц свешать то, показать это, тыча пальцем в вожделенный товар, покоящийся на далеких прилавках. Ты сам, никуда не спеша, мог спокойно бродить из отдела в отдел. При желании мог наполнить тележку доверху, и никто не сказал бы слова против. При желании ты мог купить все что угодно в этом отремонтированном, оборудованном по последнему слову техники магазине — были бы деньги. Однако их-то как раз у старика не было.

К слову сказать, у Захара Егоровича не было не только денег. Если бы только это, жизнь была бы вполне сносной, даже счастливой, часто думал старик. Но, помимо денег, у него не было ни жены, ни детей, ни здоровья. Последнего он лишился, проработав полвека на бесчисленных вахтах, стройках и вредных заводах. Где только не пришлось ему тратить здоровье, утруждать свою спину и руки, изнашивать легкие, сердце, глаза! Наверное, не было места на карте России, где бы он не побывал и не оставил частичку молодости, где бы немножко не умер. Что до детей, то их у Захара Егоровича никогда не было. Бог не дал ему этой радости, и он успел с тем давно примириться. А вот потеря жены была горем недавним и потому самым болезненным. Жена умерла в прошлом году, оставив его одного-одинешенька доживать век в небольшой, пахнущей старой мебелью и неблагополучием квартире.

Единственное, что еще было у старика, — это гордость. Не мог же он просить подаяние! Он всегда зарабатывал на хлеб честным трудом и сейчас, лишившись такой возможности, в глубине души считал себя почти виноватым. Виноватым в том, что состарился и больше не может себя обеспечить,

виноватым в том, что до сих пор так и не смог умереть, освободив мир для молодых и здоровых. Скрепя сердце он заставлял себя каждый месяц исправно получать пенсию, такую мизерную и смехотворную, что ее едва хватало на самые необходимые лекарства и квартирную плату. Он получал пенсию, хотя это тоже становилось делать раз от раза постыдней, поскольку на самом деле, по мнению старика, те выплаты, что выдавались в нашей стране пожилым людям, были не пенсией и называться так никак не могли, а являлись самым настоящим издевательством государства над человеком, совершая которое оно получало, по всей вероятности, извращенное удовольствие. Это был плевок в душу, смертельное оскорбление, за которое нужно было еще благодарить, и старик стыдился сносить его каждый месяц. Однако выйти на улицу с протянутой рукой, петь песни или что там делают нищие, чтобы получить пригоршню монет, было ниже его человеческого, с таким трудом выстоянного в долгой жизни достоинства.

Один шаг, второй, третий... Ноги с трудом слушались старика, так и норовя разъехаться в стороны на скользком льду. Если бы не деревянная тросточка, без которой Захар Егорович уже не мог выйти на улицу, он, вне всякого сомнения, упал бы, сломав себе что-нибудь. Это был один из самых страшных кошмаров Захара Егоровича — упасть, изувечиться, стать беспомощным. Перспектива оказаться прикованным к своей же кровати воспринималась им как погребение заживо. Никто не придет сварить ему ужин, никто не доведет до уборной, не принесет продукты из магазина. Медленная, ужасная смерть. И хотя наверняка социальные службы не бросили бы старика умирать в одинокой квартире как в склепе, ему представлялось все именно так: мучительно долгий конец без надежды и помощи.

Сегодня Захар Егорович преодолевал свой смертельно опасный путь почти что зазря. В кармане у него была суцкая мелочь, каких-нибудь двадцать — тридцать рублей, ровно столько, чтобы купить булку хлеба. Это были его последние деньги, и следующие он должен был получить через неделю, не раньше. Что он будет делать, как выживать эти семь дней, Захару Егоровичу не хотелось и думать. Имел значение лишь настоящий момент. Сегодня у него, по крайней мере, будет что кушать, и это самое главное. А до завтра еще нужно дожить.

Он уже осилил половину дороги. Вышел из квартиры, спустился с третьего этажа, пересек двор с особенно скользкими тротуарами, которые почему-то еще не успели присыпать, и, пройдя через арку, очутился на улице. Вход в магазин был на углу соседнего дома, через сто метров. В ранних январских сумерках супермаркет светился желтой витриной, словно маяк, указывающий путь заблудившимся кораблям. Мимо проезжали машины, светя яркими фарами ближнего света, мигая красными, как угольки сигарет, габаритами. Тут и там загорались и гасли неоновые рекламы, вывески аптек, парикмахерских, бутиков модной одежды. Город был буквально залит искусственным освещением, оно струилось по улицам, как потоки лучистой воды диковинных рек на еще не открытых человеком планетах. Но для Захара Егоровича существовал только свет супермаркета. Только дойти бы, добраться целым и невредимым — и можно спокойно вздохнуть, думал старик. Магазин для него был островком безопасности, где он не ожидал ничего скверного. Там было тепло и

не страшно. Там вкусно пахло. Там он не боялся упасть, поскользнувшись на льду.

— Вечно у них зима приходит не вовремя, — недовольно ворчал себе под нос старик, осторожно, как по протянутому над бездной канату, семени по коварной дороге. — Страна бездельников и тунеядцев. Вот убьюсь здесь — посмотрим, как они тогда все забегают.

Мимо старика в спешке проходили люди. Никому не было дела до его недовольства. Ему же хотелось поговорить, потому с каждым словом он повышал голос, надеясь привлечь к себе внимание.

— Вот еще один тунеядец, — произнес с осуждением Захар Егорович, заметив человека, качавшего спущенное колесо у автомобиля.

Вернее сказать, качал электрический насос, а хозяин спокойно стоял рядышком и курил сигарету, что крайне не понравилось старику.

— Даже колесо толком накачать не могут. Всё какие-то автоматы, какие-то роботы. Лишь бы облегчить себе скотскую жизнь. Немного поработать ногай — и то лень.

Хозяин машины молча провожал старика взглядом.

— Я говорю, чего вылупился?

— Ты чего, дед?

— А того! Взял бы да накачал колесо сам. Вон какой здоровый бугай. Понабрал, смотрю, себе роботов и стоишь в стороне, сигарету сосеешь. Лишь бы не усложнять жизнь!

— Так на хрена ее усложнять-то?

— Да что с тобой говорить, — отмахнулся от него Захар Егорович.

— Ну, дед, совсем, что ли, крыша поехала?

— Это у тебя крыша поехала, — снова под нос заворчал старик. — У всех у вас крыша поехала. Включая правительство. А я один, кто это видит... Вот скажи, на кой черт нам «Мистрали»? — вдруг громко спросил Захар Егорович молодого прохожего.

Судя по всему, этот вопрос стал для парня полной неожиданностью. Виногато улыбнувшись, он притормозил, идя рядом со стариком.

— В современной войне они гроша ломаного не стоят, — продолжал возмущаться тот. — Сами ничего делать не умеем, зато другим деньги платим, чтобы они за нас думали. А те только и рады продать нам консервные банки.

— Пожалуй, что так, — отозвался молодой человек.

— «Пожалуй, что так!» — передразнил его Захар Егорович.

Годы сидения у телевизора превратили старика в настоящего эксперта, причем во всех областях сразу. Никогда раньше он не разбирался так в политике, экономике, истории и военном деле. Да, он теперь многое понимал, многое переосмыслил, и это знание просилось наружу. Жаль только, никому ничего объяснить было нельзя. Люди вокруг были зомбированы. Говори им не говори — все равно что горохом об стену.

— Пожалуй, что так, — повторил ехидно старик. — А что так-то, ты понимаешь? Или просто ляпнул первое, что пришло на ум? Мол, пусть этот старый хрыч разбирается, а я, глядишь, сойду за умного?

Улыбка молодого человека погасла.

— Ну говори, что так-то? Я кого спрашиваю?

Но тот отвернулся и прибавил шагу.

— Иди-иди, — сказал ему вслед старик. — Идиоты и тунеядцы. Как-нибудь без вас во всем разберусь.

Он уже был на месте. Отдышавшись возле крыльца, принялся подыматься по лестнице. Пять невысоких ступенек, однако для сердца Захара Егоровича даже этот подъем был тяжелым, едва в его силах. Крепко держась за перила по-птичьи худой рукой, он поднимал сначала правую ногу, перенося ее на одну ступеньку вверх, а потом к правой ноге ставил левую. Затем переводил дух и двигался дальше.

Когда он поднялся наверх, сердце в груди стучало как бешеное. А ведь впереди еще ждала обратная дорога. Да уж, старость не радость — известная истина. Настоящий ад, пытка души внутри одряхлевшего, исчерпавшего свой ресурс тела. Такое не придет в голову и чертям с их котлами и острыми крючьями. А вот Богу — пожалуйста, очень даже пришло и, судя по тому, как долго Он оставлял все как есть, вполне нравится. Такого бы Бога самого засадить на недельку в семидесятилетнее тело, да что там семидесятилетнее — и двадцатилетнего будет достаточно, если заставить это тело работать по десять часов в день и жить при этом впроголодь. Уж тогда бы Он сразу придумал бессмертие и анархизм.

Так думал старик. На все у него в последнее время появилась новая точка зрения. И по ней выходило, что кругом в этой жизни его обманули. Обманули политики, Бог, жена, оставив его доживать в одиночестве, обманули соседи, вообще все люди без исключения. Он обманулся в надеждах, в мечтах своей молодости. Жизнь прошла слишком быстро, и почти ничего, во всяком случае так ему казалось сейчас, из того, о чем он грезил когда-то, не сбылось, не случилось. И теперь Захар Егорович злился на мир испепеляющей душу злобой и справиться с собой не мог.

— Тише, тише, — прошептал сквозь зубы старик, надеясь унять сердцебиение, но тщетно.

Сердце тоже обманывало каждый день.

Стиснув зубы, он зашел внутрь магазина. Тележка ему была не нужна, давно у него не было столько денег, чтобы заполнить ее хотя бы на треть, и все-таки он ее взял. Так было легче идти — опираясь на нее вместо трости. И конечно же, ему совсем не нужно было блуждать вдоль уставленных яркой продукцией стеллажей и витрин. Он прекрасно знал, где находится отдел с хлебом. Однако вкусные запахи, красивые, пробуждавшие аппетит этикетки товаров, наконец, сами названия кушаний, от одного повторения которых во рту появлялась слюна, так и манили к себе Захара Егоровича. Он не мог устоять перед соблазном пройтись по рядам и если не купить, то хотя бы потрогать, понюхать, прицениться к недоступным для него продуктам, помечтать о том времени, когда он их сможет себе позволить. Вот будет праздник! Вот он попирует!

Это смакование мечты было сродни мазохизму, и сам Захар Егорович хорошо понимал, что, когда желание насытиться станет невыносимым, когда он вконец распалит себя несбыточными фантазиями о вкусной, добротной, разнообразной еде, на смену краткосрочному удовольствию придет горькое разочарование, ничем неутолимый, разрывающий изнутри голод. Он понимал это все, но остановиться был не способен. Словно

кто-то невидимый толкал его в спину, принуждая идти из мясного отдела в молочный, из молочного к фруктам и дальше, к прилавкам с крупю и макаронами.

Ох уж эта еда! Сколько ее здесь лежит в ожидании покупателя! Все эти румяные, с хрустящей корочкой, курицы гриль, пельмени, вареники, пиццы, йогурты, сыры, кефиры и молоко. От этого изобилия у Захара Егоровича шла голова кругом. Как давно он не ел досыта! Он снова и снова ходил из отдела в отдел, подолгу останавливаясь у прилавков. Было бы у него рублей сто, он купил бы себе молока. От одной этой мысли перед глазами помутилось. Ему так нестерпимо, так отчаянно захотелось холоденького молока, что бороться с этим желанием было невыносимо. Да, молока с хлебом — то был сейчас в его представлении почти королевский обед.

Всего сто рублей, в сущности смешная сумма, а нет этих денег, и нигде их не достанешь, и никто их тебе не подарит. Захар Егорович чувствовал себя так, будто он сидит за решеткой, изнывая от жажды, а в каком-нибудь полуметре стоит кувшин с родниковой водой. Он всеми силами тянется к кувшину, да решетки мешают его ухватить. Кувшин близко, так близко, что кончики пальцев касаются глиняной ручки. Еще вершок — и он дотянется до воды, но именно эти-то жалкие сантиметры никак ему не даются.

Потоптавшись на месте, старик уныло побрел в хлебный отдел. Там он выбрал самую дешевую булку серого хлеба и направился к кассе. Однако неведомая сила вновь потянула его в обратную сторону и он, сам не понимая как, оказался в молочном отделе перед высокой витриной, уставленной тетрапаками. Он коснулся одной упаковки и тотчас отдернул руку, как от раскаленной плиты. Он и вправду обжегся, обжегся холодом. Молоко было почти ледяным, ровно таким, как любил Захар Егорович. Сейчас бы принести этот картонный брикет, наполненный счастьем, домой, отрезать от него ножом уголок и налить молока в высокую кружку. Сделать один мелкий глоток, наслаждаясь знакомым с детства ароматом и вкусом, ощущая, как жирная влага стекает по горлу в желудок, наполняет тело приятной прохладой. Потом отпить снова, на этот раз большим жадным глотком. Откусить корочку хлеба, снова отпить. Эта картина была как наваждение. Она не отпускала старика, и тогда он опять потянулся рукой к полке.

На этот раз он не отдернул ее. Холод, как от зажатого в ладони снежка, прошел по руке до самого сердца. Он поднес упаковку к глазам. Ему хотелось изучить ее точно реликвию. Узнать, где молоко было разлито, когда, какой у него срок годности, словно знание этого могло дать ему право на обладание товаром. Он прочитал все, что было написано на брикете, в том числе самым мелким шрифтом, и, прочитав, не смог заставить себя вернуть коробку на место. В мыслях своих он уже приобрел молоко. Он даже знал город и улицу, откуда большие грузовики развезли его по стране, и этот город и улица рисовались в его воображении какой-то заповедной страной, где всегда светит солнце, а с лиц пышных русоволосых доярок не сходит улыбка.

Захар Егорович никогда не был вором, но сейчас именно мысль о воровстве ясно пришла ему в голову. Даже не мысль, а импульс, почти инстинктивный порыв — забрать причитающееся по праву, заработанное

целой жизнью тяжелого физического труда на благо отчизны, а теперь этой отчизной у него жестоко отобранное.

Как же забилось, затрепыхалось больное сердце в груди, когда он осознал, к какому шагу пришел! Да, собственная правда Захара Егоровича говорила ему, что он прав, другая же, та, что была выражена государством в законе, утверждала обратное, и на этой другой правде стояли все люди вокруг, готовые ее защищать. Преступить закон, пусть даже ты не виновен, пусть даже нет у тебя иного выхода, было не просто. Однако старик явственно чувствовал, что пути обратно у него нет.

— Ну же, успокойся, зараза, — сказал Захар Егорович вновь своему сердцу и огляделся по сторонам.

Если бы кто-нибудь в этот момент его увидел, то сразу же понял бы все. Как на грех, кругом было тихо. Вечер, но еще не час пик, когда люди, возвращаясь с работы, ставят себе задачу — забить двухметровые холодильники снедью. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, старик расстегнул две верхние пуговицы своей ветхой дубленки и спешно засунул упаковку молока внутрь, прижав ее к телу левой подмышкой. Застегнувшись, он пошел к кассе. Страх теперь был невыносим. Наверное, никогда в жизни Захар Егорович так не боялся. Казалось, каждый встреченный им покупатель знает о его преступлении. Сейчас замашет руками, закричит: «Вор! Держи вора!» — и его схватят охранники, здоровенные молодые детины с гнусными рожами. Они посадят его в тюрьму, в сырую холодную камеру, откуда он не выйдет уже никогда, потому что совершил записанный в законе проступок, и отныне станет изгоем, врагом, с которым можно не церемониться.

— Вот посмотрите, взял хлеба на ужин, — говорил Захар Егорович особенно подозрительно глядевшим на него людям, желая развеять эти подозрения.

Как хотелось наговорить им гадостей, высказать в лицо все, что он о них думает, но это могло привлечь к нему ненужные взгляды и в конце концов разрушить весь план.

— А дома у меня курочка с запеченной картошкой. Жена приготовила, — бубнил старик себе под нос. — Вот я и решил: возьму-ка хлеба — разве можно кушать такую вкуснятину без него? Это же никаких продуктов не хватит, чтобы наестся. Как вы считаете? — обратился он к проходившей мимо женщине средних лет.

Не стань Захар Егорович вором, он бы обозвал эту женщину фифой да еще прибавил пару ласковых — так она была разряжена в дорогие меха и бриллианты. Теперь же был вынужден любезно спрашивать ее мнение, дабы она ничего не подумала, не смекнула.

— Хлеб-то — он всему голова. Верно?

Женщина лишь улыбнулась в ответ и прошла дальше.

— Иди-иди, — сказал старик зло, так чтобы его никто не услышал, и тут же переключился на мужчину, с отстраненным лицом застывшего у прилавка со сладостями. — Все у нас есть. Живем дай бог каждому. И молоко пьем, и соки, и фрукты вкушаем. Грех жаловаться.

Наконец он добрался до кассы. Предстояло выстоять небольшую очередь из трех человек, и Захар Егорович занервничал. Ему вспомни-

лось, что теперь во всех магазинах стоят видеокамеры, и эта мысль словно из ушата обдала его ледяным холодом. Как он мог забыть об этом? Страх овладел стариком с новой силой: всем известно о его воровстве и охранники просто ждут, когда он будет расплачиваться за хлеб, чтобы взять его, как говорится, с полочным. Сейчас бы самое время вернуться и незаметно поставить украденное на место, но Захар Егорович не подумал этого сделать. Он уже нарушил закон, он уже стал преступником, как только спрятал молоко под дубленкой, и потому единственным выходом для себя считал идти до конца, каким бы этот конец ни был. Он остался стоять возле кассы, опасливо озираясь по сторонам. Он даже не решался больше произнести хоть одно слово, несмотря на то что кассирша и многие явно смотрели на него с осуждением. Нет, он не выдаст себя, он притаится, и, быть может, охранники тогда забудут о его преступлении, ведь у них столько дел, столько бродит по магазину воров и за всеми нужен контроль.

Какой пыткой было для Захара Егоровича ожидание! Очередь двигалась так медленно, так неохотно, что казалось, будто перед ним не три человека, а целая улица. То никак не считывался проклятый штрихкод, то выходили из строя весы, не желая взвешивать фрукты и овощи. Похоже, теперь на пути старика с ехидной усмешкой встал сам прогресс с его нелепыми технологиями. Только подумать — сломались весы! Еще каких-нибудь двадцать лет назад это бы прозвучало как шутка, а теперь люди вокруг, все эти набитые цифрами и интернет-новостями придурки терпеливо стоят, ожидая, когда своенравная машина соизволит заработать. «Стадо идиотов и тунеядцев — по-другому не скажешь, — думал старик. — Скоро не смогут сходить в туалет без штрихкода на заднице. И эти-то дураки хотят упрятать меня за решетку? Да их самих нужно отправить в дурдом, чтобы не баламутили мир своими тупыми идеями».

Тут очередь дошла до Захара Егоровича. Кассирша пробила хлеб и назвала сумму покупки. «Сейчас они меня схватят, — напрягся старик. — Подойдут сзади, хлопнут по плечу, попросят раздеться...»

— Вот ровно без сдачи, — произнес Захар Егорович, протягивая деньги. Он старался выглядеть как можно естественней и потому снова понес околесицу: — Можете не считать. Меня в родне называют живым калькулятором. Лучше всех ваших компьютеров складываю и умножаю в уме.

Кассирша, казалось, его не слушала.

— Ваш чек, — сказала она.

— Что? Можно идти?

— Ну конечно. Приходите еще... живой калькулятор.

Захар Егорович с изумлением покинул кассу. Оставив тележку у дверей, он вышел на улицу, опираясь о трость. «Значит, решили схватить меня здесь, чтобы без лишних глаз», — догадался старик. Он торопливо спустился по лестнице и направился в сторону дома. Страх толкал его в спину. Он задыхался от спешки, в груди настойчиво что-то колело, с каждым шагом сильней и сильней, но старик не сбавлял темпа. «Главное — добраться до арки, а там я, считай, в безопасности. Там они не имеют права меня задержать. Мало ли где я взял молоко? Может, нашел в подворотне? Или купил в другом магазине?» — думал Захар Егорович.

Ноги едва слушались. Так и норовили разъехаться на льду, сбросить его на мостовую. Только думать о последствиях падения было некогда. Мысли старика были сосредоточены на погоне. Он снова и снова обращившись назад, пытаясь выловить в вечерней толпе лица преследователей. Иногда это как будто ему удавалось. В каком-нибудь крепком, недружелюбного вида мужчине, нахально, чуть ли не бегом пробиравшемся сквозь толчею узкой улицы, он признавал охранника обворованного им супермаркета. Тогда сердце в груди старика обмирало, сжималось с особой томительной болью, словно кровь в его жилах превращалась в битый хрусталь, царапая и без того износившийся орган острыми кромками. Он даже замирал в такие моменты на месте, не в силах сделать ни шагу. Но мгновение спустя его мнимый преследователь проходил мимо, обдавая Захара Егоровича холодным пренебрежительным ветром, и погоня начиналась сызнова. Опять старик убегал, отчаянно стараясь высмотреть позади в хаосе человеческих лиц и фигур того, кто грозил опасностью, и опять обманывался в своих страшных предчувствиях.

Так он добрался до арки. Здесь лед шел накатом, и волей-неволей старику пришлось сбавить шаг. Обходя неровный участок, он чуть ли не семеня ногами на месте, проклиная никчемную старость, мешавшую передвигаться быстрее. Как будет глупо попасться в самый последний момент перед спасением, когда до двора осталось лишь несколько метров! Напряжение было так велико, что Захар Егорович буквально чувствовал чью-то руку у себя на спине. Она сжимала лопатку, пригибая старика к тротуару пудовой тяжестью. Еще секунда — и эта рука повернет его к олицетворению закона, от чего он тщетно пытался уйти.

Вдруг, словно во сне, где сбывается худший кошмар, кто-то действительно взял Захара Егоровича под локоть. Это была уже не фантазия, а реальность.

— Дедушка, вам помочь? — послышался девичий голос.

— А? — выдохнул хрипло старик.

— Вам помочь? Здесь очень скользко.

Сильное жжение — не в сердце, а где-то за ним, за грудиной, — объяло грудь старика, распространяясь по телу горячей волной. Он вздохнул и в этот же миг почувствовал приступ такой яростной, такой раздирающей боли, что согнулся пополам. Молоко упало ему под ноги, расплескавшись по тротуару.

— Что с вами? Вам плохо? — спрашивал его ставший теперь тревожным голос, однако Захар Егорович не мог сказать в ответ ничего.

Он задыхался. Как только он делал попытку наполнить легкие воздухом, из самого средоточия жжения в груди, как из бурлящего котла, стреляли брызги чудовищной боли, принуждая его затаиться. Мир стремительно таял, темнел, будто в городе один за другим гасли огни. Гасли вывески парикмахерских и бутиков, фары машин. Они гасли, пока темнота не стала вселенской — той дикой, первозданной тьмой начала времен, в которой не было ни малейшего намека на свет.

Он упал, глухо ударившись головой об асфальт. Но удара уже не почувствовал.

Рита ТРОШКИНА

О СМЫСЛЕ БАБОЧКИ

Сверчковое

Как трудно музыке в нашем сюре
менять местами
цветок и бабочку в партитуре —
они устали
летать послушно то брошкой к фетру,
то в руки снова.
Но тихо, тихо озвучит ветром
свирель сверчкову.

И даже кажется, что причуда —
минута мнится —
откуда взяться ему, откуда?
Сверчок — не птица.
Но шелестит в темноту ночную,
роняет звуки.
И нарисованное вручную
согреет руки —

вот просто так — угольки в камине
и жар до дрожи —
смолой запахи — не на картине —
в твоей прихожей,
и, широко облака зажмурив,
сверяешь почерк....
И вот к чему на клавиатуре
сверчок стрекочет.

В нелепой сырости так щемяще
дождинок между
всегда озвучен глоток сверчащий
твоей надежды.

О смысле бабочки

Соединяют смыслы небеса.
И не ищи обыденного смысла,
Когда приходит время голосам,
Которые рассеянно подвисли
На тонкой строчке теплого дождя.
Потянешь строчку — и вода живая
Летит, тоску смывая и ведя
Туда, где солнце к морю пришивают
Пунктиром легким на короткий срок,
По меркам неба, малого сюжета.
И если ты сумел поверить в это —
Ты никогда не будешь одинок.

Так будет, так бывало испокон:
Себя вплетая в бабочку поэтову,
Реальный мир взлетал за ней легко,
Дышал дождем и выживал поэтому.

А бабочка, с крыла стряхнув пыльцу,
Была любой реальности к лицу.

* * *

букву к букве соберешь
что-то изменило мир
прямо в море пишет дождь
тайными чернилами

буквы падают динь-дон
и бегут барашками
или это ноты в тон
вечера вчерашнего?

эти знаки не прочесть
дождь поет грассируя
на морской волне ничей
след не зафиксировать

лишь случайной мошкаре
залетевшей в летнее
стать заколкой в янтаре
на плече столетия

Все страньше...

В стране, где бежать надо только затем,
чтоб просто не сдвинуться с места,
латаю изнанку на старом холсте
с уснувшей девочкой вместе.
Чаинки из чашки цветущим кустом
вчера притворятся умело.
А завтра свежайшим зеленым листом
увядшая роза адела.
Не можно вперед, не скатившись назад.
Нет выхода без неухода.
Сначала улыбка, а после глаза
и шубка чеширской породы.
Пирог превращается в тесто. Мосты
несутся вдоль речки по краю.
От Кролика Шляпа удрала в кусты.
Крокет в Герцогиню играет.
Среди натюрмордов вопит Бармаглот,
напяливший галстук Шалтая.
Горчица — не птица. А наоборот.
Хотя почему-то летает.
Теряет перчатки летучая мышь.
Червяк угощает кальяном.
Такая вот лживопись. Если гостишь
в стране зазеркальной и странной.

Хожу Королевой промежду дверей.
Смеюсь через слезы, некстати.
С изнанки, конечно, оно веселей.
Чем дальше, тем все чудесатей.
Ну вот и связала концы узелков.
Все страньше — печально и нежно.

Пришли мне скорее весенних цветов —
каких-нибудь желтых, конечно...

* * *

На синем штрихами — клинопись
спешит в направленьи снов.
А всем, кто остался, вина пить
и в землю бросать зерно.

Траву щекотать ладонью бы,
до одури вверх глядеть...
Дождаться, что кто-то по небу
пройдется, как по воде.

Раздвинет покров зашторенный,
стряхнет канитель с руки.
И впишет в свою историю
земные черновики.

Усталым, больным, измученным
тихонько поправит свет,
в ладони начертит лучиком,
что смерти, конечно, нет,

что слово дороже золота,
что любит нас и простил.
— Ну где же ты был так долго-то?
— А я и не уходил.

О настоящем времени

время ворочалось, не спалось ему,
все шебуршилось в ночи минутами,
то притворялось замерзшей осенью,
то у будильников стрелки путало.

мяло щекою перину облака,
по циферблату сверялось — точно ли
тикает? звезды на память по боку
клеило скотчем. сжималось точкою...

гимнами пелось и пасторальями
(их никогда не бывало поровну)
и разворачивалось спиральями
в разные стороны, в разные стороны...

и наблюдало с ленивой грацией,
как человеки пугались даже, но
кто-то терял его, укорачивал,
кто-то цветами его засаживал

и запускал к небесам подсолнухи
желтыми солнцами круглобокими,
и начинались такие всполохи,
словно искрило все небо токами.

время металось стрелой звенящею
через вселенскую окоlesiцу.
— да настоящее я, настоящее...
вот же вам лестница, вот вам лестница...

не останавливаясь на полночи,
снова летело на землю точно:
— если любовью меня заполните,
стану я вечностью, мигом солнечным,

радугой, сотканной в бесконечности,
бабочкой легкой, горчичным семенем...

а у любви нашей столько вечностей...
тоже ведь были когда-то временем.

Борис ПРОТАЛИН

ДУРАК ИЗ САРАЯ

Сибирские побасенки

Дорогие читатели! В устном народном творчестве Сибири побасенки — это самоцветы народного юмора. Более тридцати лет (с 1984 по 2016 г.) я собирал побасенки. Записывал в Новосибирской, Томской, Тюменской и других областях. Сегодня сундучок собирателя полон. Очищенные от пыли и грязи, эти камушки блестят, переливаются. И я представляю вам свою коллекцию.

Сибирские побасенки... Они из прошлых времен и из времен нынешних. Живут по своим фольклорным законам. Передаются из уст в уста. Порой побасенки забываются, остаются в памяти редких людей. Вот тут и служит свою службу старатель-собиратель.

В побасенках люди высмеивают жадность и хитрость. Смеются над глупостью, завистью и ленью. А мы восхищаемся остроумием народа, его талантом, неистребимостью русского духа.

Литературная запись автора имела только одну цель: привлечь внимание читателей к сибирским побасенкам. Эта запись сделана бережно. С удержанием всех особенностей народного языка. Слава богу, что живут еще в деревнях, городах и селах талантливые рассказчики. Встречи с ними сохраняются в памяти, подвигают на новые поиски.

В селе Орехов Лог Краснозерского района Новосибирской области я встретился с Матреной Павловной Богдановой. Ей девяносто семь лет. Но, несмотря на годы, это душевный, теплый человек.

— Мы — хохлы. По-хохляцки балакали. И коровы по-нашему балакали. Щас обрусели...

Я говорю:

— Матрена Павловна! Давайте так: я расскажу вам свои побасенки, которые знаю, а вы мне — ваши, хохляцкие.

Смеется:

— То ж надо бутылку!

Ивана Егоровича Голубенко из Краснозерского мне представили как веселого рассказчика, шутника. А он заявил:

— Пока не расскажу тебе всю свою печальную жизнь — побасенки рассказывать не буду...

Немало сибирских побасенок я записал от моей бабушки — Прасковьи Сергеевны Демьяненко. По памяти. После ее ухода из жизни. Речь бабушки была пересыпана шутками, приговорками. Побасенки сдобрены сибирским говором. Дождик у нее — «матросит», дать пощечину — «брызнуть», отклячить — «отторбучить».

Низкий поклон и огромная благодарность всем рассказчикам побасенок. Искры народного юмора, которые они сберегли, будут приносить людям радость. А моя собирательская работа будет продолжаться. И я готов к новым встречам с рассказчиками сибирских побасенок.

Автор

Ярмарка

Поехал мужик на ярмарку. Мясом торговать. Взял еще сапоги на продажу. На торгу мясо продал. Хватился — деньги украли! Смотрит, позади корова стоит. Жует чего-то.

Подошли два мошенника:

— Хозяин! Сапоги продаешь?

— Продаю.

— Дай примерить.

Мужик подал один сапог. Мошенник его надел — и бежать!

Другой кричит:

— Давай второй! Я его догоню — сапогом зашибу!

— На, — говорит мужик.

И второй убежал. Стоит, сердяга. Ждет свои сапоги. Мимо кум на телеге едет.

— Здорово живешь, кум!

— Здорово!

— Ты чего стоишь?

— Да вот, мясом торганул — деньги скотина съела. Са-

поги убежали: один удрал, другой за ним погнался. А мне и отойти нельзя: приносят сапоги, а меня нету...

Перепутала

Припозднился казак в дороге. Решил у вдовушки заночевать.

— Заходи! — говорит вдова. — Тут как раз батюшка ночует.

Батюшка оказался знакомый. Ну, и они за встречу — по единой. Потом — по другой. Пока под стол не упали оба. А еще давеча, со свежей головы, они вдове наказали так.

Батюшка:

— Ты меня рано не буди. У меня завтра службы нету.

Казак:

— А меня подыми пораньше. Путь неблизкий. За день бы управиться. Да смотри, ничего не перепутай!

Вот утром еще темно.

Вдова казака расталкивает:

— Вставай! Пора в дорогу.

Тот спросонья в чем был — на коня и поехал. Солнце поднялось. Казак на солнце перекрестился, в поклоне голову опустил. Смотрит, а на нем ряса.

Всплеснул руками:

— Вот баба дура! Так и знал, что перепутает. Вместо меня попа разбудила...

Догоняшки

Вздумала теща испытать зятя. Догонит он теленка или нет? Будто нечаянно выпустила животинку. Теленок — из ворот и понесся по улице. Зять бежал, бежал за ним. Выдохся и упал.

Поднимается и говорит:

— Тебя бы оженили... Посмотрел бы я, как бы ты бегал...

Иди к бабке

Дед с бабкой сели обедать. Зачерпнули из чашки.

Дед говорит:

— Бабка! Суп-то несоленый.

— Да я чую, — отвечает бабка. — Иди, дед, к соседям за солью.

— Тебе надо — ты иди, — не соглашается дед. — Я соленого супа не хочу.

Пошла бабка за солью. Принесла. Посолила у своего края.

— Ты, дед, моего соленого супа не ешь.

А ели они из одной чашки.

Дед ложкой от себя отгребает:

— Не иди, соль, ко мне. Иди к бабке.

Она видит, что суп перемешивается, и говорит:

— Сукин ты сын! Все равно обдурил бабку. И за солью не пошел, и соленый суп есть будешь.

Капуста

Приехал в село на практику молодой агроном. На полевом стане зашел в столовую. Повариха режет кочан свежей капусты. А рядом в миске — кислая капуста.

Он спрашивает:

— Вы щи варите из свежей капусты?

— Из свежей.

Он попробовал кислую:

— Очень хорошая капуста! Оставьте на семена...

Пересолил

Шел солдат со службы. А в царски-то времена отпускных солдат полагалось кормить без платы. Зашел в харчевню. Хозяйка жадная.

Буркнула:

— Нету ничего.

Он говорит:

— Ладно. Налей хоть щей немного.

Та налила маленько. Солдат посолил, попробовал.

— Ой! Пересолил. Добавь еще.

Она добавила. Он во второй раз попробовал.

— Солоно. Подбавь чуток.

Она подбавила. Так и наелся.

Пойдем умоемся

Две телятницы работали на ферме. Накормили телят, управились. Пошли на обед.

Одна спрашивает:

— У меня лицо грязное?

Другая говорит:

— Нет, чистое. А у меня?

— А у тебя — как у меня.

— Тогда пойдем умоемся...

Лапти не хотят

Вышла баба из дома на солнышке погреться. Села на завалинку. А дом стоял на бугре.

Мимо идет мужик пьяный. В лаптях. Смотрит: баба видная, ляжки толстые. Полез к ней на пригорок. Только доберется — оскользнется, скатится. Опять лезет. Снова доберется — оскользнется, скатится.

Выругался и говорит:

— Все тело захотело. Только лапти одни не хотят...

Пистолет искали

Посадили цыгана в тюрьму. Жена пошла собирать милостыню. Кусков хлеба насобираала. Принесла цыгану передачу.

Он узелок развязал и говорит:

— Ишь как хлеб поизрезали! Кусок к куску и то не подходит. Наверно, пистолет искали...

День или вечер?

Идут по деревне два мужика и спорят.

— Ты глаза разуй! — кипятится один. — Божий день сейчас на дворе!

— Нет! — стоит на своем другой. — Уже вечер!

Дело чуть не до драки.

Навстречу идет парень. Спорщики — к нему:

— Рассуди нас, парнище! День сейчас или вечер? Только смотри не ошибись.

Парень подумал и ответил:

— Да я, братцы, нездешний...

Два зайки

Встретились на узком мосточке два зайки.

Один другому говорит:

— Т-т-т-ты по-по-по-посторонись!

Другой упрямится:

— С-с-с-сам по-по-по-посторонись!

— Ты чего д-д-д-дразнишься? — прищурился первый.

— Я не д-д-д-дразнюсь, — доказывает второй.

Первый ему бац — в ухо! Тот упал в воду и кричит:

— Спасите! То-то-то-тону!

А первый еще пуще злится:

— Вот га-га-га-гад! То-то-то-тонет, а все д-д-д-дразнится!

Пестрого — не трожь!

Жинка моя собралась на базар. В большое село, за тридцать верст. Да мне и наказывает:

— Ты тут без меня крылечко поправь. Калитку почини. Да гляди, чтобы куры в огород не зашли.

Она — за порог. У меня другая забота: кум Петька придет, а встретить нечем. Жинка бражку заховала куда-то. Всю хату облазил. Не нашел. Лагушок с бражкой как сквозь землю провалился. Вышел на крылечко. Гляжу: пестрый петух уже в огороде. Сидит на кусте картошки, кукарека-

ет. Ну че, выгонять надо. И тут меня буд-то в бок торкнуло: «Петух — на картофельной ботве?!» Подхожу. А петух-то, оказывается, на лагунке с бражкой стоит. Это он мне кукарекал: «Вот, мол, куда его твоя жинка припрятала!»

Погуляли мы с Петькой...

Жинка домой воротилась. Я ей строго-настрого:

— Осенью будешь рубить курей — пестрого петуха не трожь! Он шибко умный.

Дурак из сарая

Шел солдат со службы. Зашел в деревню. В одной избе попросился на отдых.

— Нет, сынок, — говорит ему дед. — У нас изба маленькая, места мало. Вон дома есть побольше.

Пошел дальше солдат. Бабка вышла. Спрашивает:

— Кто это был?

— Да вот. Двадцать пять лет служил солдат. Домой идет.

Бабка давай его ругать:

— Дурень ты старый! У нас ведь сын тоже в армии служит. Вороти солдата.

Дед побежал.

— Сынок, сынок! Воротись.

Солдат вернулся.

Дед с бабкой говорят:

— Ты нас прости, ради бога. Ладно, найдем тебе место.

Накормили солдата. Напоили чаем. Пришел вечер.

Дед спрашивает:

— Сынок! Тебя где спать положить? В комнате, где внучка Рая, или в сарае?

Солдат говорит:

— Да мне все равно. Сарай у тебя хороший.

И пошел спать в сарай. Утром выходит. Во дворе девка умывается. Красавица ненаглядная. Он подошел. Поздоровался.

Спрашивает:

— Тебя как зовут?

Она говорит:

— Я — внучка Рая. А ты кто?

— А я — дурак из сарая...

Самовар

При советской власти, значит, в деревне раскулачили одну семью. А среди тех, кто раскулачивал, оказался свой же, родственник. Богоотступник-коммунист. «Мироеды, — говорит, — вы!» Оставили семье избышку. Прочее имущество забрали. Но каким-то чудом они сумели сохранить самовар. В те времена он был признаком достатка, стоил дорого.

И вот иуда-родственник, зная точно, что был самовар, задумал его у них отнять. И никак не может. Ходит обыскивает и днем, и рано утром, и вечером. А то возьмет в обед нагрятет. Чует: дымком самоварным пахнет. Видит, чай разлит по стаканам. А самовара нет.

Взмолился:

— Братцы! Ну покажите, куда самовар прячете. Я все обыскал на сто рядов. Сна через вас лишился.

Они говорят:

— А не заберешь, ежели покажем?

— Не заберу.

— Побожись.

— Нельзя мне божиться. Честное слово даю.

И они показали. Как своего сыщика в окно увидят — хватают самовар, бегут с ним в сени и опускают... в бочку с водой. Самовар только углями пшикнет — и уже на дне. Ищи-свищи. Попробуй догадайся...

Вероотступник рот разинул от удивления. Но сдержал слово. Не забрал у сродников самовар.

Петух

Мужик у своего кума нагостевался, наутощался. Идет домой. Петух клеучий налетел да как долбанул его в лоб!

Мужик отмахивается:

— Ты гляди!

Петух опять разогнался — бац!

Мужик отмахивается:

— Ты гляди!

Петух снова налетает. Осерчал мужик. Достал бутылку водки и в петуха — на!

В петуха не попал. Бутылку разбил. Пошел домой. Взял ружье. Петух видит такое дело, взлетел — и под крышу бани. Мужик в угон дупле-том — бабах!

В петуха не попал. Баня от пыжа загорелась. Люди кинулись тушить пожар.

А мужик кричит:

— Не надо! Не тушите! Пусть он сгорит вместе с баней...

Андрей ЛУШНИКОВ

О ХЛЕБЕ НЕЗЕМНОМ

Сосед

Сосед мой чудной и тверезый
Стоит у верандной стены,
Рассматривая над березой
Горбушку белесой луны.

Просвечен насквозь его летник
Сапфиром чистой воды,
И щерится этот наследник
Григория Сквороды.

Кругом заросло все травой,
Он в грядках застрял на азах.
Но небо блестит синевою
В его сумасшедших глазах.

О, сколько великих вопросов
Уже отразил этот свет
В России, где каждый философ
Иль минимум просто поэт.

Здесь все урожай обещает,
Лежит в доброй почве зерном
И тихо сквозь землю вещает
О хлебе моем неземном.

Котенок

Живет в каждом взрослом ребенок,
Живет в каждом взрослом и зверь.
Голодный приبلудный котенок
Поскребся вчера в мою дверь.

Как будто впустил я кликушу,
Как будто вошла в дом гроза.
Что делать, когда прямо в душу
Огромные смотрят глаза?

Засим коротка моя повесть.
Все в жизни моей кувырком.
Вот я назову его Совесть
И буду кормить молоком.

Прощание с кленом

Здесь лета наследство осталось
Блестать в голубом да зеленом,
Но осень уже расплескалась
Над век доживающим кленом.

Не как фарисей или книжник
Вот этой сентябрьскою ранью,
А словно монах иль подвижник
Готовится он к умиранью.

И с неба уж брошена сходня —
Стоит он весь в солнечном свете,
И локоть его чуть приподнят
В красивом прощальном привете.

Он шлет уходящему веку
Листвы обожженную ярость.
Вот каждому бы человеку
Такую красивую старость!

Откровение туч

В час печального заката,
День еще когда живой,
Ходят тучи виновато
Над моею головой.

Будто просят об участие,
Будто скоро отживут,
Будто ангелы ненастье
Скоро светом разорвут.

Словно то, что в них таится
И что их сейчас гнетет,
Скоро вдруг освободится,
Скоро вдруг произойдет.

Словно небо обещает
Все, что можно обещать,
Словно небо мне прощает
Все, что можно мне прощать.

Юлия ФЕДОРИЦЕВА

СКАЗКА ДЛЯ КРЕСТНИКА

Р а с с к а з

Таня звонит в двенадцать часов, когда две утренние пары уже позади. Я на кафедре собираю сумку, читаю эсэмэски от своих: «Мама, Витя плюет в коту», «Мама, мы выпили все молоко», «Вечером буду на час позже». Таня звонит. Слышу ее сдавленный, на грани слез голос и сразу понимаю, в чем дело.

— Надя, ты дома? — говорит она, прерывисто дыша. — Надя, можешь приехать к нам? Петька загулял. А у меня смена в два часа. Можешь? Пожалуйста!

Телефон у них в прихожей. Издалека доносится тупое бормотание, сквозь которое прорываются внятные угрозы. Вдруг раздается оглушительный грохот, как выстрел. Панически откликаясь, дребезжит посуда.

— Что-нибудь нужно?

— Нет, ничего, — отвечает она. Ее голос дрожит. — Ничего, только приезжай.

Я почти бегу на остановку. Не могу привыкнуть к этим звонкам.

Дом советский, пятиэтажный. Мне он сразу не понравился. Сюда Таня, не окончив института, вышла замуж — первая из всех подруг. Зачем вышла? Наверное, затем, чтобы появился Димка. Двор угрюмый, неопрятный. На их площадке уныло и тихо. Я стою перед дверью с облупившейся краской и не знаю, что безопаснее — позвонить или постучать. Однако с той стороны само собой зарождается движение. Слышно приглушенное звяканье ключа. Дверь приотворяется, и меня выпускают в темноту прихожей. Таня сжимает мою руку. Ее лицо бледно, но знакомая деловитость указывает на то, что она взяла себя в руки после первого приступа отчаяния.

— В кухне сидит, — торопливо шепчет она. — Осоловел совсем — и не ложится. Третью бутылку выхлебал, больше нет. От простого пива дурет!

Я замечаю, что ее запястье перебинтовано. Она прячет руку.

— Ничего, ничего. Разбил графин, я осколки убирала и порезалась.

Она достает из шкафчика старые тапки. Высвободившись из пуховика, надеваю их и прохожу в большую комнату. Худой остроносый Димка, мой крестник, сидит на тахте, натянув одеяло до подбородка и вжавшись спиной в стену. Возле тахты на столе большая кружка и стандарт таблеток. Димка встречает меня напряженным, без улыбки взглядом. Свет выключен, только тусклое зимнее свечение сочится сквозь прозрачные тюлевые шторы.

Таня суетливо подвигает мне кресло:

— Садись сюда. Вот телефон Анны Ивановны. Если что — позвони ей, поговори.

Она произносит это многозначительно. Я киваю. Димка мельком взглядывает на меня и опять весь обращается в слух, но из кухни не долетает ни звука. Таня одевается, проверяет кошелек и ключи в сумке. Теперь, когда главное улажено, на ее лице застывает безжизненно-болезненное выражение, брови трагически изломаны. Она несколько раз подходит к сыну, проверяет ладонью температуру.

Я привычно оглядываю комнату: все тот же шкаф со скрипучими дверцами, коричневый стол, зеленые обои. Голый пол бесхитростно выкрашен бежевой краской. Танина раскладушка стоит у противоположной стены за колченогой ширмой. На ширму наброшены второпях вещи. Димкин угол выглядит веселее из-за цветных корешков книг на полке и картинок на стене. Я рассматриваю два рисунка над тахтой: на одном изображен толстый черный кот, на другом — величественный красно-желтый дракон. Потом оглядываюсь на подоконник. Кроме утюга и закутанной в полотенце кастрюли, ничто не оживляет его. Впрочем, нет. В самом дальнем углу прячется игрушечная фигурка в крылатке, с длинными черными волосами и усами — награда за победу в литературной викторине. Фигурка печально смотрит на меня.

Таня, уже одетая, осторожно приоткрывает дверь в кухню и плотно закрывает снова. В ответ на мой вопросительный взгляд качает головой.

— Иди, — говорю я. — Иди, у нас все будет нормально.

Но щелчок замка в прихожей неприятно царапает нервы. Мы одни. Я приглаживаю Димке волосы. Беру книжки, лежащие рядом с ним. Это «Расмус-бродяга» и «Русские сказки». Шепотом спрашиваю:

— Хочешь, я тебе прочитаю?

— Не, — едва слышно отвечает Димка. Вежливо добавляет: — Лучше потом.

— Сильно горло болит?

— Не, — говорит он и кашляет в одеяло.

Я придвигаю к себе лист блокнота с записанным телефоном.

— Хочешь, бабушке позвоню?

Димка размышляет какое-то время. Затем рассудительно отвечает:

— Нет. Разбудишь. Лучше — если он сам проснется.

Я понимаю, что он имеет в виду: если отец очнется не в духе, можно испробовать и это средство. Петр способен даже в сильном хмелю бодриться при матери. Минуты протекают в молчании. Димка теревит

одеяло и смотрит перед собой. Углы губ его скорбно опущены вниз — совсем как у Тани. Тягостно сидеть без дела в этой полутемной комнате. Я встаю и подхожу к кухонной двери, прислушиваюсь. Испуганный взгляд ребенка сейчас же следует за мной. Я надавливаю на ручку двери.

Не замечаю ни сорванного карниза, ни старого холодильника, ни заваленной посудой мойки. Я вижу лишь человека в штанах и белой майке, с красным лицом, тяжело навалившегося на стол и уткнувшегося в сложенные руки. Но пугает не его поза, не одутловатость лица и даже не тишина, царящая вокруг этого неподвижного тела, а то, что припухшие глаза открыты и не моргая смотрят на меня с откровенной злобой. Я невольно отступаю. Как в жутком сне, закрываю дверь. Однако мне чудится, что взгляд даже через нее продолжает буравить меня насквозь. В кухне поднимается неуклюжая возня. Табуретка с грохотом отъезжает от стола. Стараясь подавить дрожь, я возвращаюсь на свое место и застываю в кресле. Димка тоже будто цепенеет, не сводя глаз с двери.

Она распахивается, и выходит Петр. Обводит комнату заплывшими глазами, фокусируется на нас. Бурчит что-то и, шаркая ногами, плетется в ванную. Там долго льется вода. Наконец он появляется и, остановившись посреди комнаты, с пьяным презрением произносит, выпятив губу:

— М-мадм! Чем обязан?

Он покачивается, вперив взор в меня.

— Т-танька накапала, стерва? Мало ее учили! В-ведьма...

Вдруг бросает неожиданно острый взгляд на стол и замечает бумажку с телефоном.

— А! — говорит, недобро ощерившись. — М-матери звонить, да? Жаловаться, да?

Он подходит почти вплотную, берет бумажку и аккуратно, сладострастно рвет ее на мелкие части, наблюдая за нашей реакцией. Потом подбрасывает их кверху, и белые клочки мягко взлетают, оседая на пол.

— Вот так, — говорит Петр уже без улыбки. — Попробуйте позвоните только. — Он разворачивается и уходит во вторую комнату.

Мы молчим целую вечность.

Мы не нарушаем молчания, пока из спальни не доносится приглушенный храп. Тогда я смотрю на Димку. Он отвечает мне понимающим взглядом и устало ложится на подушку, прикрывает глаза.

Я грею ему молоко и приношу горячую кружку.

— Почитать тебе эту? — спрашиваю, показывая «Расмуса».

Он отрицательно качает головой:

— Я ее уже много раз читал.

— А эту?

На «Русские сказки» Димка пожимает плечами:

— Там все неправда.

— Почему же неправда?

— Там все слишком просто, — говорит Димка и невидяще смотрит в потолок. — Много чудес, и заканчивается хорошо. Так не бывает.

— Ладно, — говорю я преувеличенно весело, отставляя пустую кружку. — Тогда я расскажу тебе свою сказку.

Он удивляется:

— Ты сама ее выдумала?

— Я не выдумала ее, — возражаю я. — Это быль. Слушай. Очень давно... скажем, сто или сто пятьдесят лет назад... жил один мальчик. У него был злой и жестокий отчим. Ты ведь знаешь, кто такой отчим?

Димка кивает. Потом тихо спрашивает:

— А мама у мальчика была?

— Была, но она редко бывала дома. Его мама работала двадцать девятой служанкой царицы и должна была всюду ездить вместе с ней. Царица едет с визитом, предположим, в Англию. И мама за ней в Англию. Та — в Испанию, и мама — в Испанию.

Димка разочарованно тянет:

— Так этот мальчик, значит, был богатый.

Я презрительно фыркаю:

— Вот еще! Совсем не богатый. Ведь его мама была только двадцать девятой служанкой царицы. Они помещались в крошечной квартирке со старыми обоями, а квартирка находилась в доходном доме с грязной и старой лестницей, где жило много-много таких же бедных людей. А отчим был очень-очень злым человеком. Он плохо обращался с мальчиком.

— Бил его? — буднично уточняет Димка.

— Нет, — отвечаю я, помедлив. — Он бил его котенка, и однажды котенок убежал из дома навсегда. И мальчик долго плакал.

Димка поднимает на меня серые глаза и сглатывает.

— А мальчик никому не причинял зла, — с усилием продолжаю я. — Ему нравилось рисовать, и он целыми днями рисовал разных животных. В его комнате висел нарисованный черный кот — совсем как у тебя, — а на кровати лежала книжка с картинками, и на них были изображены Серый Волк и Жар-птица.

И вот однажды отчим веселился в трактире с друзьями три дня напролет, пока не пропил все деньги. Тогда он вспомнил о мальчишке, у которого была копилка. Мальчик каждый месяц бросал туда маленькую монетку, подаренную мамой. Отчим пришел в комнату мальчика и потребовал копилку. Мальчику не было ее жалко, но он хотел скопить на свой собственный дом...

— На это нужно очень много денег, — тихо вставляет Димка.

Я киваю.

— Поэтому мальчик и не хотел отдавать копилку. Тогда отчим ударил его (так сильно, что тот упал и набил шишку), а потом схватил копилку и сломал ее ножом. Монетки — а мальчик копил их много лет! — градом посыпались на пол. И тогда...

Димка смотрит на меня, шумно дыша и мрачно сдвинув брови. В комнате совсем стемнело, и только красные лучи закатного солнца сонно ползут по ней.

— И тогда, — говорю я, глубоко вдохнув, — Черный Кот на рисунке выгнул спину и зашипел на этого человека. Волк оскалился, выбрался из книги и на мягких лапах направился к двери. Жар-птица взлетела со страницы, защелкала клювом и стала кружить по комнате, пронзительно крича. Тут дверь отворилась и в комнату вошел Гоголь. Самый настоящий, живой Гоголь в цилиндре и крылатке, с длинным черным зонтом. Он подошел к отчиму, брезгливо постучал зонтом его по плечу и сказал: «Разве вы не знаете, что очень дурно обижать детей? На вашем месте я бы ушел сейчас же из этого дома и никогда больше не возвращался».

И они стали наступать на него и теснить прочь: и Волк, и Кот, и Жар-птица, и даже Гоголь. Злому человеку было очень страшно. Отчим так перепугался, что выбежал из дома и в тот же вечер нанялся официантом на первый попавшийся пароход. А мальчик остался ждать маму. Соседи навещали его и помогали вести хозяйство. Десять монеток он подарил соседям за их доброту. Две монетки потратил на сладости. А на остальные деньги купил краски и кисти, чтобы поступить в ученики к какому-нибудь хорошему художнику, а потом закончить академию и стать известным во всем мире.

Димка лежит, подперев голову рукой. Губы его едва заметно кривятся. Но он справляется с собой и тихо спрашивает:

— Это было на самом деле?

Я знаю: он спрашивает не об оживших рисунках, а о чем-то большем.

— Да. На самом деле, — твердо говорю я. — Иначе и быть не могло. И впервые за этот день Димка слабо улыбается.

Виктор РОЖКОВ

НАСЛЕДНИКИ КИПРИАНА

П о в е с т ь

Виктор Петрович Рожков (1920—2006), пожалуй, один из самых своеобразных сибирских писателей.

Его, омича по рождению, с юных лет манило море, мечта о дальних странствиях, которых в его судьбе впоследствии будет немало. Будучи подростком, он убежал из дома в Одессу, где поступил в морской техникум на штурманское отделение. По окончании его нес вахту на судах Черноморского флота, затем служил в дивизионе торпедных катеров. Здесь боцмана Рожкова застала война. Он участвовал в обороне Одессы, Севастополя, воевал в Керчи и под Новороссийском. В 1944 г. был тяжело контужен. После лечения в госпитале заканчивал войну уже на Балтике, у берегов Германии.

После демобилизации Виктор Петрович попал в состав арктической экспедиции, задачей которой было перегонять трофейные немецкие суда Северным морским путем из Германии в Обь-Иртышский бассейн. Выбрав себе самоходку СТ-5, он нес на ней вахту капитаном целых 17 навигаций.

Уйдя из флота, Виктор Петрович работал корреспондентом на Омском радио, в информационном отделе Главгеологии.

Хотя писать он начал еще на Черном море, именно на Севере он нашел свою тему: малоизвестные и неизвестные события в истории Сибири. Много интересного для своих книг Виктор Рожков накопил во время работы на флоте, когда забирался на своей самоходке в далекие северные фактории Обь-Иртышского бассейна. Он подолгу беседовал со старейшими жителями таежных поселков, посещал чумы в ненецких стойбищах, встречался с шаманами.

Первая книга «Срочный рейс» о буднях иртышских речников вышла в Омском книжном издательстве в 1958 г. Повесть «Черный туман» (1961) была основана на ненецких народных преданиях и рассказывала о похищении древних охотничьих талисманов племени няхсамар-ях (соболиное племя). Книга «Чикмазовы самоцветы» (1989) повествовала об увлекательных приключениях борцов с фанатичны-

ми последователями древней чикмазовой секты. Повесть «Аввакумова тень (Фиче)» (1993) — о сподвижнике и тайном ученике протопопа Аввакума, Филофее Черемных, создателе староверческого, единственного в своем роде трехступенчатого шифра, названного по первым слогам его имени и фамилии.

Особое место в творчестве писателя Рожкова занимает трилогия, книги которой объединяет образ владыки Киприана — первого архиепископа Сибирского и Тобольского.

Первая часть трилогии — «За морем — Мангазея» (1987). Автор в остросюжетной форме рассказывает об этом полулегендарном городе, исследует характер, быт, сложные взаимоотношения сибирской знати и простого народа, коренного населения (ненцев) и местного купечества. Архиепископ Киприан — один из героев книги.

В славную летопись освоения Сибири наряду с именами землепроходцев и служилых людей навечно вписаны имена церковных деятелей: священников-миссионеров, монахов, епископов. К таким людям относится и Киприан. Совмещая в себе качества пастыря, дипломата и историка, писателя и поэта, он без остатка отдал жизнь служению Церкви и России.

К его образу писатель вернулся в следующем историческом произведении — «Киприанов след» (2001). Книга вышла вторым изданием (2003) в Москве по благословению патриарха Алексия II. Как писал главный редактор издательства Московской патриархии протоиерей Владимир Силовьев, «впервые официальное церковное издательство Русской церкви, выпускающее главным образом богослужебную и вероучительную литературу, издает беллетристическое произведение, и это объясняется уникальностью самой книги, открывающей, по сути дела, новый литературный жанр церковно-исторического повествования».

Заключительная часть трилогии, повесть «Наследники Киприана», не была издана при жизни Виктора Рожкова. Речь в ней идет о первых паломниках, миссионерах, землепроходцах — последователях Киприана, дошедших до тихоокеанского побережья России. В повести приводятся малоизвестные сведения о далеком прошлом Югории, или Югры, в древности страны гиперборейцев (аримаспов).

Уже после ухода писателя в Омске вышел (в журнальном варианте) военно-приключенческий роман-легенда «Паруса на горизонте», рукопись которого много лет пролежала на полке.

Виктор Петрович не был обласкан официальным признанием — званиями, премиями. Только в самом конце жизни ему была вручена международная премия «Имперская культура» им. Эдуарда Володина. Написанное Виктором Рожковым еще до конца не прочитано и, уж конечно, не изучено. Это еще только предстоит сделать.

Ирина Рожкова

Пролог

Еще в древности многие жители Земли с определенной долей почтения называли ее великой хранительницей тайн, причем не только тех, которые в той или иной степени влияли на жизнь и судьбы народов, а порой самых малых — чем-то напоминающих судьбу звезд, ярко вспыхнувших было на горизонте и вскоре ушедших почти бесследно в небытие.

Недаром забытый ныне крупнейший мудрец, философ и звездочет Востока еще в девятом веке говорил в своей книге «Непраздных поучений»: «...Не пытайся понять судьбу посланной тебе тайны, она может со временем рассеяться пылью, а может заговорить столь громко, что тебе придется в страхе зажимать уши».

Считаю, что это мнение в какой-то мере подходит к попытке автора рассказать об одной из таких тайн, связанной с освоением крайних пределов Российского государства по побережью Северного Ледовитого океана.

Медленно текущее время, с трудом измеряя ход тысячелетий, оставляло в наследство людям нагромождение тайн, парадоксов и иных почти не поддающихся объяснению явлений, среди которых, еле различимые в тумане древности, проступали очертания страны-призрака, страны не раскрытых до сих пор загадок — Югры.

Еще задолго до времен Геродота передавали люди друг другу на морских и сухопутных путях странствий сказания о стране Югре: о теплых, напоенных несказанной негой и силой источниках, о россыпях чудодейственных зеленчатых камней, о гигантских коричневато-золотистых пальмах, чьи радужные листья пели под морскими ветрами почти человеческими голосами, о том, каким счастливым, богатым и могучим был народ Югры, и о том, как однажды в лунный, на редкость спокойный сонный вечер вся эта райская благодать была почти в единый миг взорвана и сметена с лица Земли огненной лавой, дождем пепла и гигантских камней, бесконечной вереницей падающих из глубин маслянисто-черного дрожащего неба...

Царство ледяных полей, нестерпимых морозов, многдневных буйных снежных метелей навсегда воцарилось на месте некогда благодатной Югры. Потребовалась не одна тысяча лет, чтобы об этом крае вспомнили и попытались проникнуть за его рубежи, которыми считались в то время границы, проходящие в районе реки Вин (нынешней Северной Двины). Здесь наряду с викингами стали все чаще бывать и представители древних славян — русичей, чья морская умелость приобрела вскоре широкую известность среди тех, кого влекла своим долгим молчанием Югра.

Каждый великий подвиг всегда требовал столь же великих начал оснований, а в первую очередь идей, способных по-настоящему всколыхнуть человеческое сердце, наполнить его неиссякаемым бесстрашием, мужеством и, главное, верой, вызывающей порой поступки, равные чудесам. Именно идеи православия, которые в то время стали все более значимо заявлять о себе, воодушевили и повели в Югру первых палом-

ников. Были среди них старознатцы водных путей, кормчие-рыбаки, охотники за морским зверем, стрельцы и казаки, которые по воеводским указам, а то и самочинно сбивались в ватаги морских старателей, шли, уходили все далее и далее к югорским пределам, за которыми, по словам мудрецов-всезнателей, и простиралась эта самая Югра — сосредоточение злобы людской, мрака, безверия, дьяволовыми наущениями питаемого.

Редкие счастливы, кому удавалось побывать там и, самое главное, живыми вернуться оттуда, рассказывали о виденном в Югре столь дивное, что слушатели отказывались им верить, а то и отмахивались, даже отрещивались от них, несущих людям страхи, неуверенность и душевное расстройство на многие годы.

История, о которой мы хотим поведать, имеет прямое отношение к тому времени, а началом ее можно считать события, разыгравшиеся в начале семнадцатого века в одном из самых глухих урочищ Приполярного Урала.

Глава 1

Гряда пестро заснеженных, будто нарочно приплюснутых гор тянулась по горизонту, а ближе лесистые отроги их почти совсем сходили на нет, устремляясь к прибрежным отмелям вперегонки с узкими полосами заполярных карликовых сосен.

Можно было подумать, что сама природа проложила здесь своеобразную границу между хаосом почти первобытной тайги и морем, с редким упорством выкатывающим на обледенелый берег тяжкие, в сивовато-свинцовой изморози, волны.

Надо сказать, что и все вокруг выглядело на редкость неприветливым, потеряннным и унылым: вязкая зыбкость многодневных тяжких туманов, шальные ветры, буйствующие с особой яростью, вперемежку с дождями и снежным вихревым изобилием, казалось, напрочь зачеркивали даже малую возможность пребывания здесь человека. Но на самом деле это было не так.

Над опушкой ближнего леса тянулись полосы дыма, а чуть левее, там, где лес, редая, открывал широкую прогалину, ведущую к округлой поляне, можно было увидеть, что дым этот исходил от большого костра, вокруг которого удобно расположились люди, судя по одежде — охотники-вогулы. Они неторопливо беседовали, важно и многозначительно кивая временами друг другу; а в стороне, где под ветвями елей приютилось с десятков берестяных чумов, за охотниками внимательно наблюдали обеспокоенные чем-то местные женщины и непривычно притихшие ребяташки.

Вскоре охотники, закончив беседу, направились в дальний конец поляны, где на каменистой площадке располагалось жертвенное место, или, как называли его здесь, капище идолов-сядаев, грубо вытесанных из стволов молодых кедров. За ним на возвышении между остро-ребри-

стыми глыбами был укреплен идол из синеватого с прожилками камня, изображающий бога всех вогуличей и остяков — Нуми-Торума.

Этот идол был щедро украшен десятками разноцветных матерчатых лент, перемазан кровью жертвенных животных. Буро-коричневые подтеки этой же крови густо покрывали плоские синевато-серебристые каменные плиты, нагроможденные у основания капища.

Возможно, не стоило бы так подробно описывать это место, вызывающее, к слову говоря, гнетущее впечатление, если бы не одна довольно существенная деталь этой картины. Дело в том, что как раз на гребне каменной россыпи лежал, безжизненно раскинувшись, человек. Судя по его одежде непривычного покроя и отделки, был он из дальних мест: рукава, широкий ворот и нагрудную часть куртки из грубо выделанной шкуры молодого медведя покрывали ряды синеватых стальных пластинок. Подпоясан он был широким наборным ремнем с кольцами и замысловатыми амулетами-символами. Два таких же ремня, но поуже, перехватывали под коленками высокие, расшитые бисером сапоги-вытяжки. На голове на самые уши был натянут горностаевый колпак с кистями по бокам.

Донельзя изможденное лицо этого совсем еще молодого человека отливало лиловой бледностью, зубы плотно сжаты, глаза закрыты, и лишь туго обтянутые кожей скулы, алая пятнами лихорадочного румянца, давали возможность судить о том, что он пока еще жив.

Охотники-вогуличи, перешедшие вскоре от костра к капищу, делая вид, что их вовсе не интересует лежащий здесь человек, с подобающей месту торжественностью продолжили беседу приглушенными, даже как бы испуганными голосами, не смея поднять головы перед ликом их грозного бога Нуми-Торума. Это продолжалось несколько минут, пока они, и вовсе замолкнув, не обратили взгляды на старика шамана.

Тот, понимая, что они доверяют ему начать разговор с богом, помолчал, но потом, пробормотав заклинание и не поднимая головы, льстиво затянул:

— О великий!.. Мы, лесные вогулы, милостиво просим, чтобы ты принял в жертву от нас кровь этого пришельца. Он первым из чужих людей нарушил главный закон леса — осквернил своим взглядом твое капище, посмел лицезреть тебя — и повинен в смерти!.. Удостой нас своим повелением, словом, знаком, что дает нам право на его кровь...

Шумел дальними шорохами-скрипами лес, ворковал, словно голубь перед ночью, ближний ручей, а глазницы бога Нуми-Торума из пронзительно-зеленых, отшлифованных временем камней источали тяжелый взгляд, нестерпимый для любого человека.

Долго еще сидели вогулы у ног своего бога, сдерживая дыхание, боясь пошевелиться, но бог был по-прежнему безмолвен, и тогда они по знаку шамана, все так же не поднимая головы, один за другим покинули капище.

Меж тем именно в эту минуту по телу лежащего на камнях человека прошла судорога и он, хоть и с трудом очнувшись, открыл глаза. Бледная,

будто выцветшая голубизна их тут же стала темнеть, взгляд сделался более осмысленным, а вскоре и явно тревожным.

Облизнув губы, растрескавшиеся от недавнего жара, он тяжело вздохнул и, увидев окружавших его идолов, ужасаясь в душе, зашептал слова молитвы, спрашивая сам себя:

— Да это же капище вогульско, как же занесло меня сюды?..

И сразу будто ветром тугим ударило в лицо — нахлынули воспоминания, набирая скорость, на ходу обрастая подробностями, выстраивая уже в ряд события недавних дней... Все еще непослушное тело источало боль, но он нашел силы, упираясь руками в скользкие замшелые камни, приподняться и сесть. Так лучше и, как ему казалось, скорее думалось, а это сейчас в его положении было крайне необходимым.

Человек этот по имени Векша был широко известен в таежных краях как на редкость удачливый охотник. В племенных ватагах местных жителей не зря его звали звериным шаманом, колдуном, а при встрече обходили стороной или вынужденно и лживо кланялись, стараясь поскорее с ним разминуться.

Чтобы более понятным был путь Векши к теперешнему его положению, необходимо вернуться примерно на четверть века назад, когда нынешний Векша был еще малым ребенком и назывался сыном именитого московского вельможи князя Андрея Дмитриевича Надеина, знатока многих иноземных языков и иноземных же всяких талантов и обхождений.

Корни рода князей Надеиных, наследником которых был и Викентий, прозванный Векшей, просматривались еще во времена новгородской старины. Были в том роду прославленные воеводы, мужи иных набольших государевых служб, но особенно широкую известность приобрели Надеины многократными «хождениями во моря хладные», как тогда говорили, «незнаемые» и иными походами: в Пермь, Югру и лежащую за ней и вовсе сказочную страну аримаспов.

Наиболее удачным временем стал для рода Надеиных конец царствования Бориса Годунова. Но благоденствие рода было более чем кратким и закончилось вскоре тем, что по неизвестной малым и набольшим царедворцам причине царь Борис неожиданно наложил великую опалу на всех, кто в той или иной мере был связан узами родства с князьями Надеиными. Большая часть их была казнена «за великие хулы супротив царя и великого князя», меньшая — уничтожена тайно, так что в живых из Надеиных остались единицы — и то лишь потому, что сумели вовремя сбежать от царской расправы.

Всего этого оказалось мало для царя Бориса, и он повелел издать указ, в котором предписывалось: «отныне и вовеки забыть на Руси и под страхом головы отсечения николи не упоминать преподлых людишек преподлого тож Надеинского рода, тако как бы его и вове на свете быть не бывало, а людишкам письменным, писцам, подьячим и иным, буде они где в грамотах аль иных писаниях встретят упоминание рода сего, то тотчас

упоминание сие скороспешно воеводам нести для вымарания и сожжения неотступного...»

Так царскими стараниями была изведена на Руси, а постепенно и забыта славная фамилия князей Надеиных. Последними из этих «забытых» можно было считать княгиню Манефу, жену воеводы князя Андрея-старшего, и их сына, ставшего в изгнании известным таежным охотником Векшей.

Последний раз промелькнула на Москве и окрест фамилия Надеиных в тот день, когда после казни князя Андрея царские приспешники явились за Манефою и ее сыном Викентием. Стояла Манефа на высоком крыльце княжеских хором в ярком праздничном одеянии, расшитом многоцветным бисером с золотой канителью. Стояла, сложив руки на груди, устремив пронизывающий, с холодинкою, взгляд больших глаз на непрошенных гостей.

Будто железом скрипнуло в ее голосе, когда бросила презрительно:
 — Вам чего?

Стражники попятились было, но стоявший впереди стрелецкий сотник ободрил их:

— Куды? Не бойсь! Сия княгиня опальна есть, хватайте ее на спрос-расправу!

Стражники, потоптавшись и простояв еще некоторое время на месте, нерешительно двинулись к княгине, но она опередила их, метнулась к двери и с треском захлопнула ее.

— Бей, вышибай! — заходясь в неистовой ругани, выкрикивал стрелецкий сотник.

Стражники, теперь уже скопом, ломались в двери, дворовые люди княгини металась по двору.

В эти минуты Манефа показалась в слуховом окне над дверью светлицы, крикнув протяжно и властно:

— А ну, стырь, прочь от крыльца... а то вмиг зашибу!

Как бы в подтверждение этих слов в руках ее появилась короткая, заморского дела пиццаль, из которой она тут же выпалила над головами стражников.

— А-а, ты так, ты так! — еще больше злясь, выкрикивал сотник. — Ну так на же тебе гостинец!

И он ответил Манефе выстрелом из пиццали. Пуля звякнула о выступ стены над ее головой, но Манефа успела отшатнуться и в свою очередь меткой пулей выбила пиццаль из рук сотника, тут же опустившегося на камни крыльца.

А выстрелы мятежной Манефы продолжали греметь один за другим. Слуховое окно было достаточно широким, и было видно, как слуги споро подают Манефе очередную, загодя заряженную пиццаль и как Манефа, зная в лицо всех палачей и истязателей ее семьи, теперь вершит над ними справедливую кару.

Это было столь неожиданным и неслыханным для московских обычаев того времени, что царские посланцы, потеряв трех убитыми и столь-

ко же ранеными, поспешно ретировались. Княгиня Манефа, не дожидаясь их возвращения, бросив на дворовых поместье со всем имуществом, скрылась, будто растаяла среди непогоды, властвовавшей тогда над безлюдьем ночных московских улиц.

Примерно через месяц после описанных выше событий поздней ночью у ворот подворья архиепископа земли Пермской Илиодора остановились две крытые повозки и четверо сопровождающих их конных слуг. Монах-привратник долго не открывал калитку, все выпытывал: кто, откуль, куды Бог несет, да пошто в столь поздний час владыке беспокойство творите? — пока сам Илиодор, засидевшийся допоздна за чтением древних летописей, не появился у ворот.

Недовольствуя на ходу, пошто, мол, шебаршинникам разным и в ночи уему нет, самолично распахнул калитку, вышел в ночь, бесстрашно окликнув приезжих:

— Кому тут до меня забота? Я — Илиодор!

Тут же из первой повозки спустилась на дорогу женщина, видом купчиха, и, поддерживаемая под локоть слугой, направилась к Илиодору. Она не успела или не захотела распустить конец большой бухарской шали, поэтому Илиодор, как ни старался, не смог разглядеть полностью ее лица.

Может, поэтому, а может, из-за излишнего беспокойства спросил он сердито:

— Кто ты есть, раба Божья, и что потребно тебе в час поздний?

— Владыка Илиодор, — понизив голос, произнесла незнакомка. — Клянюсь повинно за вторжение сие, однако беседы прошу удостоить с глазу на глаз...

— Коль тако, пойдем, — все еще недовольствуя, согласился Илиодор.

Когда через несколько минут они вошли в архиерейскую светлицу и незнакомка, размотав на голове шаль, повернулась к Илиодору, тот, изменив обычной сдержанности, сдавленно воскликнул:

— Княгиня Манефа? Господь все милостивейший! Не верю очам своим!

— Я это, владыко, благослови на прибытие благополучно в земли пермские.

Она подошла под благословение, и, как ни крепилась, на лице ее, все еще привлекательном строгой красотой, показались слезы.

— Нет ныне княгини Манефы, владыко... Со мной грамота подлинна московска приказа Поместного, в коей значится, что мне, вдове купецкой Марфе Авдеевой, разрешено отбыть в земли сибирские для дел торговых и прочих... званию моему прилежащих.

— Постой, княгиня, что-то я не уразумею слов твоих...

— Чего ж тут разуметь, владыко? Ведомо тебе, как псы царя Бориса сгубили князя Андрея, как я с десятков тех псов из пищаля уложила, как ищут меня по Руси. Но грамота, еще раз реку тебе, подлинна: не перевелись еще на Москве люди добрые да сердцем бесстрашные, которые

род несчастный князей Надеиных чтут. Думу имею в местах отдаленных здешних обитель женскую поставить да, постриг приняв, в обители той Богу послужить до скончания дней своих... Благословишь ежели на дело сие, владыко, я тебя не обременю ничем: и копейки, и рубли у меня найдутся, а не будет согласия твоего — дале поспешать буду, Сибирь-то ох как велика!

Аскетическая строгость лица Илиодора стала при этих словах еще более заметной, проникновенной, светло-зеленые глаза чуть потемнели.

— Не к лицу тебе, княгиня, слова сии, аль запамятовала, что я только ныне архиепископ земли Пермской Илиодор, а ранее был воеводою из славного рода дворян Кульчицких и с супругом твоим, князем Андреем, запросто хлеб-соль водил?

— Прости, владыко... — поникнув головой, проговорила Манефа, опускаясь на колени. — Прости великодушно. Насмотрелась, натерпелась я за последнее-то время, како люди, с коими я в приятельстве крепком была, отворачивались да бежали прочь, меня завидев...

— То мне ведомо, однако всех подряд в черну сторону не пиши, подыщем тебе место достойно для обители, постриг примешь — игуменьей благословлю. Так-то вот, нареченная вновь Марфа Авдеева, встань с колен-то, нехорошо сие...

Манефа, не поднимаясь, зарыдала, протягивая руки к Илиодору:

— Владыко, век буду Бога за тебя молить, за сердце твое, перед людьми щедрое, за то, что приютил меня и сына мово, княжича Викентия, в годину для нас столь горькую...

— Викентий? Так он с тобой, где ж он?

— В повозке нашей походной, ждет милости твоей и благословения...

— Так что ж ты медлишь-то? Сюды, сюды веди его разом — пойдем, я велю дворне!

Илиодор и поднявшаяся с колен Манефа заспешили к дверям светлицы.

Чтобы продолжить наше повествование, мы должны вернуться к той сцене, где рассказывается о происшествии с Векшею у лесного капища вогулов.

По издавна укоренившейся и известной многим старой охотничьей привычке Векша затеял сам с собою шутливую беседу, стараясь как-то красить свое довольно незавидное положение.

«Како же ты, шустрый столь да ухватливый, свет мой Викентий Андрейч, смог в таку опаску попасть, содругов походных потерять да с пути должного сбиться? Ноне ты для таежных ведунов-старознатцев ну как во все пустой есть, ой стыдоба-стыдобушка!..» Шутки шутками, а не жалел себя при этом Векша, щедро примешивая к шуткам тем горечь содеянного им, так как был он в таежных делах охотничьих предельно строг к себе.

Размышления Векши были вскоре прерваны, так как он перенес внимание на вторую каменистую площадку у костра, где, как по всему было

видно, готовилось какое-то торжество. Женщины, негромко напевая заунывно-тревожную мелодию, повыдергивали с поверхности площадки всю траву, тщательно подмели ее пихтовыми веничками, перевитыми разноцветными лентами, усыпали песком. Мужчины вбили посредине площадки высокий кол с головой оленя наверху, а к основанию кола набросали еще несколько волчьих и медвежьих голов.

Вскоре вокруг площадки собралось все население вогульского стойбища. В костер подбросили несколько охапок сухих сучьев, и едва бледно-сизый дым, почернев, взметнулся к небу, как на площадку выскочили два молодых охотника. На головах их были берестяные колпаки-маски, отдаленно напоминавшие медвежьи головы, а на руках — рукавицы из медвежьих лап с черными загнутыми когтями.

То наступая, то отступая друг от друга, охотники, переваливаясь, закружились по площадке, и каждое движение их было в точности таким же, как у резвящихся молодых медведей. Это был древний ритуальный танец, исполняемый в честь бога Нуми-Торума, которого вогулы вновь хотели разжалобить и заставить беседовать с ними.

Все, что происходило на площадке, было хорошо видно сидящему на камнях Векше, хотя сам он, оставаясь в тени идолов, был незаметен. За это время сознание его полностью прояснилось, и он, зная многие лесные обычаи, сразу понял, что грозит ему после того, как охотники-вогулы закончат жертвенный танец медведя. Не теряя времени, он тут же опустился на спину, сжал зубы, чтобы не застонать, и, скатившись по россыпи плоских камней, чувствуя, как по-сумасшедшему колотится сердце, задыхаясь, пополз среди высокой травы к ближней опушке леса, окружавшего поляну.

Добравшись до кустов, особенно плотно растущих здесь, Векша, как бывалый охотник, приподнял над травой голову, осторожно посмотрел вправо, влево и убедился, что ничего опасного для него пока не наблюдается.

По привычке, приобретенной годами скитаний, он тут же прикинул, как и с чем ему пускаться в путь. Он не имел запаса еды, зеленых припасов, был безоружен, у него не было даже охотничьего ножа, без которого в тайгу не направится ни один уважающий себя человек. К тому же вогуличи могли в любую минуту обнаружить его отсутствие и броситься в погоню, а им, коренным следопытам, отыскать его след не составит большого труда. «Думай, думай, поспедай!» — торопил сам себя Викентий, размахисто вышагивая по узкой прогалине, уводящей в глубину леса.

Может, везение сопутствовало Викентию, а может, просто случай добрый выпал, но, когда путь ему преградила неширокая шустро-говорливая речка, Викентий обрадовался: «А ведь к месту, к месту мне сейчас речушка сия: течет-то она как раз в мою сторону, по пути тому, по дорожке, где супостаты ноне отца Дионисия, должно, волокут...» Он тут же столкнул два обглоданных волнами ствола, покрепче связал их ветвями тальника и, устроившись полулежа на середине, оттолкнулся от берега.

На счастье, Викентию не встретилось на пути ни завалов, ни запруд, а когда к вечеру речка, приняв по пути несколько широких ручьев-притоков, стала заметно полноводней, Векша, решив, что он уже достаточно далеко от вогульского капища, остановился.

Причалив к противоположному берегу и покрепче привязав свой плот, он, кое-как устроившись на бревнах, заснул. Хотя сном это можно было назвать с большой натяжкой: ему все время чудилось, что он с товарищами своими Акинфием и Саввой идет по следу тех, кто дерзнул похитить и увести тайком отца Дионисия, коего Векша почитал самым дорогим человеком после матери. Именно от нее еще с дней столь давнего теперь детства не раз слышал Викентий: «Почитай отца Дионисия, како бы ты отца родного почитал. Велик он и умом и душой своей, чистой пред Богом и людьми, и дано ему свыше благо дела творить, к коим простому человеку и руки приложить не мочно».

Со временем Викентий понял подлинное значение этих слов, и хотя уважение его к Дионисию, и без того высокое, постоянно возрастало, случалось, что многим делам и поступкам его он не мог дать толкования.

В обыденной житейской обстановке был Дионисий прост и предельно скромн, в отношениях с людьми ласков и доверчив: многое делал в ущерб себе, лишь бы добро сотворить окружающим. Но бывал он и неуступчиво тверд, резок, и горе было человеку, пытавшемуся излагать обман или ложные толкования во время бесед. Свидетелем этого не раз доводилось бывать Викентию, и его всегда покоряла непреклонность и предельная ясность тех или иных доводов Дионисия.

Спроси его, спал ли в эту ночь или промучился в бархатистой непроглядности ночной тайги и дальних зоревых отсветах, — он и сам бы не смог толком ответить. Давила нестерпимо тяжкая боль во всем теле, раскатываясь судорогами...

Когда он, приподняв голову, потряс ею и, окончательно проснувшись, открыл глаза, прямо перед ним, уставив ему пицаль в грудь, стоял здоровенный мужик, видом охотник, чернявый, нахохлившийся, злой, а второй, видно, его напарник, вытаскивал зачем-то на берег стволы, на которых приплыл сюда Викентий, спасаясь от вогуличей.

— Ну, — хрипло протянул чернявый мужик, все еще упирая пицаль в грудь Викентия. — Молися, княжич, напоследок да скоренько перед кончиною. От вогуличей уйти исхитрился, от нас — не уйдешь!..

Хоть и плохо спал Викентий, но все ж отдохнул малость, да и сил вроде бы прибавилось. Он чуть потянулся, расправляя плечи, и привычное к испытаниям и дорожным тяготам тело тут же напряглось, будто перед прыжком...

Чернявый мужик оказался сообразительным:

— Силу пробуешь, княжич? Не потребна она тебе боле. Молись, говорю, ибо остатние минуты на свет Божий зришь...

Викентий, понимая, что просьбы и уговоры в таком положении бессмысленны, и стараясь хоть немного протянуть время, спросил кратко:

— За что ж мне сие?

— А за то, чтоб в дела, больше тебя не касаемые, не совался да по лесу не шастал, погоню слугам государевым чиня!

— Это ты-то слуга государев? — бесстрашно рассмеялся Викентий, настороженно следя за каждым движением чернявого мужика.

— Ты еще оговаривать меня намерился, отродье преподлое княжье? — вскинулся мужик. — Не хошь молиться, так я за тебя слова остатние промолвлю...

Не отводя пицали, он ловко перекинул ее в левую руку, правой снял шапку, сунул ее за пазуху, широко перекрестился:

— Сними с меня грех сей, Господи, и прими в лоно свое душу сию заблудшую...

Он хотел перекреститься еще раз, но в этот момент Викентий, ловко крутнувшись, выбил ногою из рук его пицаль и, вскочив, будто подброшенный неведомою силой, наотмашь резанул чернявого мужика по скуле. Тот охнул, вскинул было руки кверху, но Викентий успел еще два раза так ударить его в живот и грудь, что мужик, захрипев, тут же ткнулся в землю. Схватить отброшенную в сторону пицаль было для Викентия делом секунды. Он тут же повернулся к другому мужику, возившемуся до этого у воды, но того будто ветром сдуло — лишь из-за кустов доносился треск сучьев.

«Мне теперь бегунца сего никак упускать не можно! — быстро подумал Викентий. — Ежели он наперед меня на стану их будет, угонят аль упрячут отца Дионисия, что мне и вовек его не сыскать!..» Он тут же снял с чернявого мужика, все еще неподвижного и безжизненно раскинувшего руки, пояс с широким ножом в косяных ножнах и с кожаными мешочками, где хранился порох, рубленные пули и иной дорожный припас. Застегивая пояс, Викентий на ходу подхватил пицаль и устремился за вторым недоброжелателем, так ловко сбежавшим от него.

Что-что, а по тайге Викентий умел ходить. Давно уже стала привычной легкая скользкая походка, когда нога сама знает, где ступать, а где обойти, побережья надо, и все это тихо, бесшумно, так, чтобы следа своего не оставить, а главное — не нарушить тот след, по которому идешь, так как сказать опытному человеку он мог многое.

Вот и сейчас Викентий видел, где недоброжелатель его, а вернее враг наипервейший ноне, отдыхал на пути, где торопился, где шел тяжело, спотыкаясь, а где и вовсе срок малый на траве валялся. А вот снова он шел, как бы на ногу припадая. «Э-э, да так я его быстренько достану», — решил Викентий. И впрямь скоро он увидел за деревьями фигуру тяжело шагающего человека с батожком в руках, на который он постоянно опирался.

Викентий взял влево, ускорил шаги и уже через десяток минут, обойдя стороной своего противника, неожиданно появился перед ним. Тот от испуга споткнулся, едва не упал и быстро-быстро запричитал:

— Сгинь, сгинь, проклятый, такого человеку православу творить не в обычай!

Это был рослый, нелепый в своей неуклюжести мужик, и причитания его рассмешили Викентия.

— Что ты завел, яко дите малое! — прикрикнул он. — Молви скоропешно, где отец Дионисий, кто там с ним, куды волокете его?

— А не скажу, не скажу! — неожиданно ощерился мужик, и злобой полыхнули его глаза. — Дело государево, тебе, оборотню, оно не по зубам, княжич роду змеиноного!..

Только сейчас Викентию пришла мысль о том, что второй раз за день слышит он это «княжич». Откуда могли проведать эти злыдни о тайне, столь трепетно и охранно оберегаемой его матерью да и им самим? Ведь для всех прочих он был в прошлом «купецким сыном», а ныне известным охотником-следопытом Векшей.

«Сие не откладывая надобно распроедать, — решил тут же Викентий. — Вот дай с вызволением отца Дионисия управлюсь...»

— Значится, роду змеиноного? — переспросил он, глядя в упор на мужика и поднимая пицаль. — Коли так, с тобой и по-змеинному творить буду же! Веди к месту, где отца Дионисия прячете, ежели нет, яко пса смердяща прикончу сей час, ну?..

Вид Викентия был столь решителен, что неуклюжий мужик тут же стушевался, покорно забормотал:

— Како же, како же, пойдем, пойдем, выведу на горюшко себе, тута недалечко...

Видно, отдохнув немного, он засеменял шустро, да так, что Викентий едва поспевал за ним. «Недалечко» обернулось долгой дорогой, да и сам он на полпути сдал: принялся вновь прихрамывать, жаловаться на боли в ноге. К месту, где, по словам мужика, был их стан и где находился Дионисий, они подошли в сумерках. Здесь лес был особенно густым. Огромные раскидистые ели, подпираемые к тому же россыпями небольших, поросших мхом валунов, вклинивались в березняк, уходящий к недалеким холмам. У подножья одного из них светлел алыми отблесками костер, возле которого сидели люди.

— Это кто? — спросил, указывая на них, Викентий и, так как мужик засмеялся было, прикрикнул: — Ну?!

— Сие московский посланец стольник Коробьин со слугой, — нехотя процедил сквозь зубы мужик. — Ему было велено Дионисия вашего в Москву представить, а ты на пути встал у сего столь большого человека. Не лучше ли тебе повиниться, покаяться да в стороночку отойти, покуль голова на плечах, а?

— Я те отойду, пень корявый! — вскинулся было Викентий, но сейчас же, словно устыдившись этого, лишь спросил холодно: — Ну а где ж отче Дионисий?

— А вона вишь шалаш под елью? Там праведник твой пребывает.

Викентий резанул зубоскала по скуле и, пока тот, охая и подвывая, ползал по траве, безжалостно бросил:

— А я все ж тебя ноне успокою, представлю на тот свет, ежели еще хоть словом малым отче Дионисия затронешь!..

Мужик забормотал что-то виновато, а Викентий продолжал:

— Опяской своей ноги перетяни-ка покрепче. Постарайся, а я погляжу за сим... Ну, ну!

Проверив для прочности и без того надежно затянутую опояску, Викентий без церемоний перевернул мужика лицом вниз и уже своей ременной петлей так же крепко стянул ему руки.

— Лежи, покуль я с твоим стольником потолкую, лежи тихо, засим за тобой пошлю аль сам приду, слову своему я хозяин!

Уже не глядя более на пленника, Викентий, поудобнее перехватив пищаль, скрылся за ближними деревьями.

В который уже раз выручило Викентия охотничье умельство: подобрался к костру на редкость близко, да так, что ни Коробьин, ни слуга его ни разу не встревожились. Коробьин, на первый взгляд, выглядел не очень-то важно для московского посланца: ростом невелик, тщедушен, узкоплеч, лицо усталое или больное, так, во всяком случае, показалось Викентию. Коробьин был из говорливых, и, поскольку говорил он громко, возмущенно, Викентию было хорошо слышно каждое его слово.

— Это же надо обмишулиться тако!.. Ну, стой, сотворю я неприятности воеводишке пермскому Сеньке Щербатову, каких мне старознатцев таежных подсунул. «Все народ надежной, проверенной в службе» — вот тебе и надежной: ни одного ни другого, а ведь нам поспешать надо, чуешь, Васька?

— Чую, чую, Степан Иваныч, — отвечал слуга Коробьина, плутоватый, бойкий, видом здоровяк. — Явятся не сегодня-завтра, таки в тайге в потери не пойдут.

— Так где ж они, где?.. Медлить нам нельзя, уразумей же ты, болван!

— Где они, то мне ведомо, — проговорил, появляясь из-за кустов, Викентий.

Это было настолько неожиданным, что Коробьин поперхнулся, икнул, бледнея от страха. Васька же, плутовато оглянувшись, привстал, намереваясь броситься к ближнему шалашу, где у входа висели на сучке его и Коробьина пищали, но Викентий прикрикнул:

— Сиди, пес, на месте, а то пулю враз сглотишь.

Васька тут же сник, Коробьин же, чуть оправившись и не к месту покашливая, спросил:

— Что потребно тебе, добрый молодец, откуль про людишек наших ведомо?

Викентий с сожалением посмотрел на Коробьина:

— А ты, видать, не больно-то великого ума, стольник московский. В таком разе спрос и расправу я вести должен. Како посмел ты, лизоблюд стола царского, отца Дионисия в полон-трату ввергнуть?

— Так это приказано мне боярами набольшими, — заюлил Коробьин.

— Грамоту подорожну давай да грамоту на взятие воровское, тайное отца Дионисия.

— А нет, нет тех грамот — потеряны, сам не знаю, куды делись! — Коробьин старался говорить как можно более убедительно, но его выдавали воровато бегающие глаза.

— Сколь же ты лжив есть, лихогледец, — покачал головой Викентий, — давай грамоты!

— Вася, голубочек! — обратился он к слуге. — Ты сходи-кось к шалашу, тама в суме дорожной лежат грамоты, принеси сюды.

Викентий не успел возразить, как Васька вскочил на ноги, сделал вроде шаг к шалашу, но, выхватив из-за пояса нож, бросился на Викентия. Тут же грянул выстрел. Васька схватился за руку, заныл, запричитал, покатился по траве.

Викентий с дымящейся у ствола пищалью повернулся к Коробьину:

— Теперь уразумел? Чтoб сей же час грамоты у меня были!

— Счас, счас! — едва не припадая к земле, бросился к шалашу Коробьин.

Он, и верно, тут же возвратился назад, протянул Викентию продолговатый дорожный ларец.

— Я и прочитать, растолковать, ежели надобно, могу, — заглядывая в глаза Викентию, зачистил Коробьин, но Викентий, взяв ларец, сказал:

— Иди вон лучше псу своему помоги. — Он кивнул на Ваську, все еще ошалело прижимающего к груди раненую руку. — Тряпицей оберни или как там еще... А я к отцу Дионисию пойду, как он здоровьем-то?

— Здоров, слава богу! Ох, молодец, в каку ж ты меня опаску вводишь, на Москву-то я без сего Дионисия вернусь — мне топор, петля. А в лучшем случае — в монастырь, навечно... — В голосе его было унижение, тоскливая безысходность, даже отчаяние, но Викентий не нашел в душе и капли жалости к этому человеку.

Прихватив по пути пищали стольника и его слуги, Викентий направился к шалашу Дионисия. Тот сам встретил его на пороге, обнял, поцеловал трижды и, прослезившись, благословил.

— Отче Дионисий! Чую, есть немало что поведать мне, да и у меня к тебе разговор особый. Но сейчас на то времени ну нисколько нет! Как ты в ходу-то?

— Да легок я еще покуль на ногу.

— Тогда в путь, в путь, отче! Поверь, надобно тако.

— Ну, коль надобно, тебе виднее, с богом, сыне мой!

Стольник Коробьин, возившийся до этого со слугой, перевязывая тряпицей ему руку, подошел, стал рядом, глядя на Викентия.

— Так как ты дале мыслишь нам быть, молодец-удалец аль разбойничек лесной, не знаю уж, како и звать-величать тебя?..

— Пошто ж ты меня своим имечком нарекаешь? — недобро усмехнулся Викентий. — Это ты лиходей-разбойник, а я старцев честных по ночам в полон не уводил. А еще стольник, дворянин московский! Где ж благородство хваленое твое?

— Благородство? — неожиданно взъярился Коробьин, затрясся, замахал руками. — Молод ты еще! Зелен про столь высоки понятия толко-

вать. Царь Бориска, слава тебе господи, Богу душу отдал, а прихлебатели его, лизоблюды все еще вокруг трона царя нового вьются, делишек своих концы, что на виду остались, прячут от взоров людских.

— То их окаянство нашего рода, кто в живых еще ноне есть, не касается, род Надеиных честной и к грязи никакой — сыском разным — не примешен!

Коробьин зло рассмеялся:

— Смотри-ко ты, херувим какой явился! Да злодеяния ваши в Москве на семь раз переписаны, в края здешни давно есть присланы. И на тебя, и на Дионисия вашего, и на мать твою Манефу. Изловить вас всех велено беспощадно и беспременно и воеводам, и стрельцам, и казакам, и даже людишкам здешним диким, которые хоть в чем-нибудь под рукой нашей ходят.

— Так это, значит, на меня дерево не без причины упало, — догадался Векша. — Вогулы подпилили?

— А ты думал! — скривился Коробьин. — Им за дело сие тоже воевода пермский деньгу посулил...

— Брешешь, пес! — замахнулся было на него Векша, но Дионисий успел удержать его руку.

— А! Не нравится, не нравится, — теперь уже юродствуя, выкрикивал Коробьин. — А известно ли тебе, как только мы тебя с Дионисием к воеводе пермскому доставим, он вместе с нами и твою мать отправит...

— Отче Дионисий! — взмолился Векша. — Да позволь ты мне волю рукам дать, сего злодеюку боле слушать мне немочно!..

— Сиди себе, сыне, — ответил Дионисий, — с него не мы, Бог полнотой мерой спросит.

И без того тонкие губы Коробьина вытянулись, отчего улыбка вышла отталкивающей. Он, видно, окончательно вошел в раж, затрясся весь, замахал руками, бесстрашно наступая на Викентия.

— Стрели меня, стрели, жить мне по твоей милости боле незачем... А-а-а! — вдруг не закричал — завыл он и, упав на землю, стал кататься из стороны в сторону, колотя по траве судорожно сжатыми кулаками.

Викентий не глядя плюнул, отвернулся, сказал Дионисию:

— Подожди здесь, отче. Вон к тому лиходельцу, отче, дело едино есть, — указал он на слугу Коробьина.

Дионисий видел, как Викентий, подойдя к Ваське, что-то сказал ему, указывая в сторону, и как тот, придерживая раненую руку, угодливо закивал головой, кланяясь низко-низко, а затем торопливо зашагал вдоль кучно стоявших деревьев и тут же скрылся из глаз.

— Там недалече дружок его лежит, мной связанный, — объяснил Викентий, вернувшись. — Поспешаем, отче, покуль они вернуться. Нет у меня желания стрельбишку затевать.

— А этот? — спросил Дионисий, указывая на Коробьина, все еще лежащего на траве.

— А-а! — презрительно махнул рукой Викентий, повесив на одно плечо свою пицаль, а на другое пицали Васьки и Коробьина и их пояса с дорожными припасами. Ларец в мешке передал Дионисию: — Держи,

отче, груз невелик, ежели он тебе тяжеловат станет, молви мне, передышку сотворим...

Дионисий тут же перекрестился сам, перекрестил Викентия и направился за ним. Коробьин же, приподнявшись на руках, долго смотрел им вслед, и по щекам его катились редкие злые слезы.

Стая больших птиц пронеслась низко над лесом, и Коробьин, с завистью проводив их глазами, подумал: «Все уходят, улетают. Куды ж мне деваться ноне?» Тоска и отчаяние, горше которых он еще никогда не испытывал на свете, с такой силой охватили его, что ему почудилось, что вот-вот остановится его сердце, а вместе с ним и вся жизнь кругом... Но миновала минутная слабость, и все заботы, горести, ожидания грозящих ему бед вновь подступили, будто ухватив за горло. Слезы бессилия, безысходности и жалости к самому себе вновь, как и недавно, сменились слезами, налитыми злом.

Он вскочил, крикнул что было сил:

— Васька-а-а! — но крик его, раскатившись по лесу, остался без ответа.

Глава 2

Викентий понимал, что положение, в которое он поставил Коробьина, вынудит того на самые отчаянные, может, и безрассудные действия, так как люди его склада редко мирятся с поражением.

На вопрос Дионисия: «Како же ты думаешь доле нам быти?» — Викентий сказал: «Думай не думай, отче, одна у нас дорожка покуль: уйти как можно подале, исхитриться, штоб злодеев тех хоть на малый срок запутать. И на то у нас есть день-другой — не более. Кое в чем мы их подбили: пищаля, считай, припасы зелейны и прочие — все у нас; да и разброд у них меж собой: спросы-разборы пока искоренятся — кое время пройдет, все нам на руку, а уж потом нам туговато будет, кинутся те злодеи, яко псы, по следу, нас постараются перенять».

К вечеру, когда они уже отмерили добрый отрезок пути и решили встать на ночевку, каждый занялся своими немудреными делами. Викентий, блюдя неписаный, но строго выполняемый охотничий закон, проверил на ночь глядя оружейный запас, разложил поподручнее прочее оружие, а также, исхитрившись, сварил на бездымном костерке походную охотничью кашу.

Дионисий же, отужинав, достал ларец с документами и принялся внимательно разглядывать их, повторяя по нескольку раз не только отдельные абзацы, но и целые страницы. Потом, малое время спустя, подо звал поближе Викентия:

— Давай-ка потрудимся да прикинем, брате, вместе хитрования да измышления, коими сей ларец отяжелен весьма и весьма...

Если первая грамота не представляла особого интереса, обычная по дорожная тех времен, то вторая — на глянцевиной иноземной бумаге с разводами, с печатями на красных шнурах с массивными кистями — буквально приковывала к себе внимание.

Вот что значилось в ней: «...По повелению набольших бояр Семена Андреева Беклемишева и Петра Петрова Боголюбского надлежит тебе, стольник Степан Иванов Коробьин, отбыть в земли пермские и, отыскав там старца Дионисия, который воеводе тамошнему князю Семену Щербатову введом, доставить старца того тайно на Москву. К делу сему служилых государевых людишек ни в коем разе не привлекать, обходясь теми, што у воеводы тамошнего для охотничьих и прочих лесных дел припасены».

— Ишь ты, — подивился Викентий, — сколь хитромудры бояре-то: в случае чего Коробьин вроде бы и ни при чем, спрятал грамоту — и вся недолга, а людишки, которые тебя, отче, ухватили, — сами по себе, им и ответ держать...

— Так оно, сыне, так! Мысления извечны и преподлы трижды тех, кто, у трона пластаясь, куска лакома да жирна ждет. Тебе сие дивно, а я, в свое время не единожды там бывавши, насмотрелся мерзостей тех и обманов вдосталь!

— Отче, — еще более удивился Викентий, — а я тебя, прости на слове, вечным молитвенником и постником считал, далеким от дел и забот житейских.

— И рад бы таковым быти, да жизнь и дела людей, куда как близких мне, в ину сторону бросают. Прости, Господи, за оговорку сию!.. Ты вот по простоте душевной в словах грамоты сей видишь то, что начертано там, а я между строк в догадку вхожу, истинный смысл написанного находя.

— Это како же? — удивился вновь Викентий.

— А вот тако же... Ну, к чему, скажи, было по одному и тому же делу двух служилых посылать?

— Неведомо мне...

— А мне ведомо, ибо тако и ранее творили московски больши головы... Пусть, мол, там, окромя протчего, и друг за дружкой приглядывают, прислушиваются, ежели что. А мы ужо тут в Москве потом решим: сколь веры им давать в том или ином деле можно... А ежели и случится, в чем и оговорят друг друга, то их грех будет, не наш...

— Неужто люди таки и в делах великих оговаривать друг друга могут?

— Не только оговаривать, но и с потрохами продать способны, ежели выгода хороша тут им светит. Вот в ларце здешнем есть также грамотка, како бояре московски с Литвой наипрочно повязали и головы, и души свои. Царя Бориса метили скинуть, землю русску под руку литовску навечно отдать.

— Отче, отче, так то дела давни, прошедши, что тебе ноне в них?

— А ты смешон, коль не уразумел до конца... Некоторые из бояр тех и ныне вкруг трона пластаются да с Литвой дружбу-приятнь ведут, како и ранее была. Это они сгубили отца твоего, князя Андрея, оговорив его, да под плаху подвели, проведая, что знаемо ему о заговоре ихнем. Они же пронюхали, доискались, что пермская игуменья Марфа — на самом деле княгиня Манефа — в одной из обителей здешних главенствует. Ну, а раз

так, то и я рядом. Должны быть при мне, како им тож ведомо, грамоты об их прошлых изменах да братаниях с Литвой, русской земле — державе нашей — во вред да потерю.

— Сколь же подлы и богопротивны они! — нахмурился Викентий.

— Вот и размысли, коли так. Ты, в летах столь юных, в делах государственных и вовсе несмышленный, низость содеянного ими понимаешь, а они нет — да еще кичатся этим, — сие страшно и богопротивно есть!.. К годам моим о смирении бы думать побольше надобно, а мы или не заслужили его, или пред Богом чем виноваты, что он не дает нам на битву честну за правду-истину идти...

— Надеждами жили — еще поживем, а вдруг да и удостоимся свечка ясности...

— Дай-то бы Господи! — тяжело вздохнул Дионисий.

К концу второго дня Дионисий и Викентий вышли к небольшому лесному озеру, на берегу которого, на песчаном взгорке меж валунов, горбатилась полуразвалившаяся часовня, а рядом не то дом, не то сарай, почти без стен, но с целой еще земляной, поросшей мелким кустарником крышей.

К этому времени небо, и без того темнеющее весь день бесконечными грядями тяжелых туч, разразилось нудным моросящим и, как видно, долгим дождем, что несказанно обрадовало Викентия.

— Отче, возблагодарим Господа, — обратился он к Дионисию. — Дождь сей как благодать, свыше нам посланная: следы-то все смочет. Разве что те злодеи забрести сюды могут, а так тайга большим-большая, во всяком разе, на ночь да и на день завтрашний мы в безопасности.

Когда они, оставив под навесом пищаля и прочий дорожный запас, переступили порог часовни, было еще достаточно светло. Ветхая, в многочисленных дырах, крыша не препятствовала свету, отчего явственно проступали на потемневших замшелых стенах искусно вырезанные кресты из лиственницы, несколько малых икон под ними в дождевых подтеках и пятнах и аналой посредине с установленной на нем иконой побольше. Можно было предположить, что находится она здесь со времени постройки часовни, до того плотный на ней был слой копоти, грязи и паутины.

Дионисий осмотрелся, поднял с земли подвернувшуюся под руку тряпицу, промыл ее в дождевой луже у порога и принялся осторожно протирать икону. Проделал он это несколько раз подряд, пока поверхность иконы не стала тускло поблескивать коричневато-золотистыми с прозеленью мокрыми пятнами.

Увидев такое, Викентий разочарованно протянул:

— Подпортилась, видно, не разберешь, что тут и значилось.

Дионисий ничего не сказал на это, лишь в который уже раз вновь протер икону, и вдруг и он, и Викентий разом, будто сговорившись, воскликнули протяжно и отшатнулись от аналая, где стояла икона. На поверхности ее, будто всплывая с глубокого дна, заструились, ежесекундно меняя окраску, всполохи полос и радужных линий, превращаясь в черты лица довольно молодого еще человека, удивительного суровой подчеркнут-

той отвагой и мужественностью. Этому впечатлению в немалой степени способствовал взгляд его устремленных к небу глаз, щедро излучающих тепло и непонятную притягательную силу для каждого, кто посмотрел бы сейчас на икону.

Трудно, вернее, невозможно было представить себе, что водило рукой мастера-иконописца, создавшего это, безусловно, великое произведение, но то, что он являлся личностью необычной, наделенной, как говорится, талантами свыше, сомнениям не подлежало.

Оцепенение, охватившее Дионисия при взгляде на икону, наконец оставило его, и он, благоговейно перекрестившись, произнес приглушенно:

— Зри, сыне, зри прилежно на сие чудо земное, а может, и благодати небесной благословенной. И еще более того скажу, что я сей образ зрил где-то в жизни прежней... Постой, постой! — вздрогнув, встрепенулся Дионисий, по лицу его прошла тень испуга, вернее, крайнего напряжения мысли. И вдруг он, облегченно вздохнув, почти радостно воскликнул: — Слава Господу, вспомнил, вспомнил, сыне мой! Это ж давний византийский образ святого Георгия Победоносца, изображенного без коня, пешим, стоящим на камне, но все равно уязвляющим змея — не столь копьем, сколь своею святою силой. Находился я в то время в благословенном Соловецком монастыре, где на одном из причалов снаряжали паломников к отходу в земли югорские. На одном из корабликов я и увидел тогда сию икону, именуемую «благодатью дорожной». Без такой иконы в то время немислимы были ни мореходские, ни сухопутные пути, ни диких зверей, ни не менее диких людей одоление, ни попытки если уж не раскрыть, то хотя бы прикоснуться к тайнам и пугающим загадкам Югры.

Они посмотрели теперь еще более внимательно на икону, потом — друг на друга, и Дионисий произнес негромко:

— Пойдем-ка отसे, сын мой. Недостойны мы праздно столь на тако велико творение души человеческой зрители...

— Так как же оно, отче, — забеспокоился было Викентий. — Неужто благодать сию здесь на изничтожение медленное бросим?

— Пойдем, пойдем! — так же не повышая голоса, повторил Дионисий. — Поутру, с началом дня грядущего, о сем помыслим...

Помыслить им не удалось, с вечера никак заснуть не могли: все рассуждали-прикидывали, как это и почему столь ценная икона безнадзорно брошенной оказалась, кто повинен может быть в этом, ведь от предполагаемых путей паломников здесь было далекоовато... В таких разговорах ночь будто сгнула, а рассвет заявил о себе неожиданно рано.

Викентий предложил:

— Отче, ты тута оглядись, о костерке и едешке уж какой побеспокойся, а я схожу осмотрюсь, я еще вчера, когда подходили сюды, следов куды как интересных нагядел...

— Ступай, сыне, но недолго чтоб.

— Постараюсь, — уже на ходу ответил Викентий, скрываясь в зарослях молодого ельника.

Минул час, другой, и Дионисий, беспокоясь, все чаще выходил на поляну у полуразрушенной часовни, даже пробовал раз-другой окликать Викентия. Наконец тот сам появился, но совсем не с той стороны, где ждал его Дионисий. Тот хотел было расспросить его, чего, мол, задержался столь. Но Викентий лишь промолвил: «В путь, в путь, отче», на ходу, считай, заглянул в часовню, завернул в полотенце икону Георгия Победоносца и уложил в заплечный мешок. Вскоре они уже шагали вдоль опушки молодого леса, опоясывающего поляну с часовней.

Дионисий, зная характер и привычки Викентия, молчал, ожидая минуты, когда тот разговорится и расскажет о причине столь поспешного их ухода с этого места. Но Викентий будто воды в рот набрал: шагал молча, изредка морщил лоб и будто шептал что-то — то ли спрашивал сам себя, то ли недовольствовался, не находя ответа.

И лишь вечером, после незатейливого, как всегда, ужина, уже перед сном, Викентий подошел к Дионисию и, сдернув колпак, виновато, даже чуть церемонно сказал:

— Ты уж прости меня, отче, за молчанку такую долгу, но ране разговор должный начать никак не осмелился. Поутру, спаси Господи, пришлось видеть взору тяжкое, а я уж думал, насмотрелся, по тайге скитаясь, всякого...

— Дерзай! — ободрил его Дионисий.

— Неподалеку от часовни, где мы образ сей дивный нашли, я яму, листьями да россыпью каменной засыпанную, приметил. Останки двух православных в одеянии монашеском да с крестами у сердца там пребывали, порванные в куски медвежьими лапами. И сам медведь в поединке том с ними тож не устоял, хоть и был страховиден предельно! Таковы и в дебрях самых таежных редки, не даром вогулы их дикуями кличут!

— Дикуй? Это что есть? Такого наименования за всю жизнь не слыживал.

— Дикуй — значит дикой зверь, отшельник-зверователь, всегда против всего живого. Те двое православных, что я в яме нашел, супротив дикуя не устояли, конечно, но и он с Божьей помощью, не иначе, изничтожен был!

— Царствие им небесное, — как-то по-особому произнес, опускаясь на колени, Дионисий и, помолвившись некоторое время, негромко спросил у Викентия: — Похоронил, конечно, их?

— Да, землицей и камнями мелкими присыпал, а кресты нательные, в тряпицы завернув, в изголовья к ним пристроил.

Дионисий вновь склонил голову в молитве. Викентий присоединился к нему, и таежная мгла, окончательно сгустившись к этому времени, накрыла их едва заметно колыхавшимся покрывалом.

Вряд ли бы при архиепископе Илиодоре, имя которого было далеко известно за пределами Пермской земли, осмелились поступить так с игуменьей Марфой, как поступили ныне. Преемник покойного Илиодора архимандрит Иосаф был слабоволен, нерешителен. В разговорах с особа-

ми, стоявшими выше его по служебному положению, он всегда волновался и говорил подчас не то, что нужно, а то и вообще терял дар речи. Ему ли было возражать или, не дай бог, противиться авантажному, барственному московскому думному дворянину Авксентьеву, прибывшему с именным указом царя и патриарха.

Свои дела вокруг обители и внутри нее Авксентьев начал с того, что велел выставить у главного входа и всех боковых дверей крепкую стражу. Дабы ни сама Марфа, ни многочисленные жалельщики ее не только бы не вели разговоры, но и вообще не виделись бы друг с другом.

Это сразу же вызвало шум, недовольство, и уже назавтра к Авксентьеву пошли люди: пермские дворяне, стрелецкие сотники, купцы и прочий городской люд. Все они просили об одном: отпустить, не чинить препонов игуменью Марфе, которую чтили и в городе, и в дальней и ближней округе за мудрость, доброе и отзывчивое сердце и за добрые тож дела, которых на счету Марфы было немало.

Авксентьев поначалу принимал посетителей, манерничал, важничал, потом вообще велел никого не пускать, чем еще больше обозлил людей, почти сплошь сочувствующих Марфе.

— Вот оно каково ноне посланцы-то московски творят: игуменью-праведницу, истую молитвенницу за грехи наши за караулом держать дерзнули!.. — слышалось в толпе, собравшейся у красного крыльца воеводского подворья.

— Да уж, от дел таких добра не жди, шатается православие, ох шатается Антихристу на радость.

К обеду, когда толпа у крыльца стала более многочисленной, к народу был вынужден выйти сам воевода — князь Семен Щербатов. Расшитый серебром синий охабень с разрезными рукавами, длиной до пола, придавал его и без того тучной фигуре излишнюю громоздкость. На щекастом рыхлом лице поблескивали хитрющие глаза.

— Пошто шум творите, православные? — более чем миролюбиво начал он. — Заступа ваша за игуменью ни к чему. Набольшими государевыми людьми велено ее на Москву доставить, а что, пошто — нам неведомо...

— Неведомо? Как же сие? — взорвалась криками толпа. — Давай сюды дворянина того московского, а то сами спросим с него, пошто он столь бесчестно мать игуменью беспокоит...

В другое время и близко бы не потерпел такого своеволия воевода. Сейчас же, после недавнего и с трудом усмиренного бунта немирных пришлох вогуличей да при наличии в крепости всего одной полусотни стрельцов, приходилось как уж там, но сдерживаться, хитрить да изворачиваться, что было вот уж как отвратно для болезненно самолюбивого воеводы.

Он быстро, почти незаметно окинул взглядом толпу, стараясь запомнить некоторые лица: «...Этот вот, и тот, и вон этот... Ну, погодь... Ино толкование с вами наладим, дай срок...» Все это было, как говорят, на уме, внешне же лицо воеводы являло собой истинное благоденствие и миролюбие.

— Тише, тише, православные, — уговаривал он наседавших горожан. — Прибывший московский дворянин хворой лежит, вот те крест! Как он на ноги встанет, поведете с ним разговор, обещаю, но только мирно, тихонько. Так расходитесь покуль...

Пошумев еще немного, народ стал расходиться, а воевода прямо с крыльца направился в дальнюю светлицу своего дома, где помещался Авксентьев.

— Ну, Гордей Акимович, — с ходу приступил воевода, — время боле не терпит! Давай-ка в путь-дорогу, поспеша, направляйся. Иначе мне в раз-другой не сдержать людишек — и покои мои разнесут, и нам с тобой несдобровать!

— Да рад бы с милой душой, но не могу, покуль Марфа сия зловредная не заговорит. Есть у меня к ней спрос наиважнейший о грамотах неких тайных. И без спросу сего не велено мне на Москву ее везти.

— Так уломай ее каким-нибудь манером, прельсти, што ли, чем, ужель с норовистой бабой говорить у тебя ухватки нет?

— Ты вот сам попробуй — кремень, прости господи, а не баба, таких видать мне не доводилось!..

— И все ж ты рискни, Гордей Акимыч, а тем временем и сынка ее, Викешку, изловим.

— Господи! Да неужто до сих пор не пойман он? Сам же хвалился, что у тебя лесовики — охотники напервейши.

— Так-то оно так, да ведь и тот Викешка далеко не прост есть! Видать, ухваткой злодейской весь в мамашу свою.

— Это уж как водится, — согласился Авксентьев. И с тоскливой обреченностью заявил: — Ну што ж, еще раз попытаюсь... Ежели и сейчас та злонамеренна Марфа ничего не скажет, то, ей-богу, в железа возьму ее. Тако вот, в железах, в Москву и потащится!

И опять было то же самое: и уговоры, и обещания всяческие, а потом и угрозы, когда, едва сдерживая себя, Авксентьев цедил сквозь зубы:

— В остатний раз толкую тебе, более толковать не намерен: или соглашайся, или в железах побредешь пешочком до Москвы самой — не иначе!

— И поднимется рука? — как ни в чем не бывало осведомилась Марфа со своей обычной, холодновато-презрительной улыбкой, доводившей Авксентьева до белого каления.

— А в том не сомневайся! — срываясь на крик, подтвердил он.

— Да кто ты такой есть, штоб на меня, на княгиню издревле славного рода, глазами сверкать да речи подлые вести? Вон отсель — штоб и духу твоео окаянного в обители честной не было!..

А тут еще, как назло, широко распахнулась дверь и в просторную келью игуменьи, считай, не вбежали, а почти ворвались молодые монахини, обступили ее, размахивая руками, подняли такой гвалт, словно для них были не писаны строгие правила и каноны обители.

Авксентьев вынужден был отступить. И так повторялось еще дважды. Тогда он, уже окончательно взбешенный, взял с собой десяток

городовых стрельцов, вывел игуменью Марфу из обители силой и распорядился временно поместить ее в крайний, отдаленный от других воеводских строений прируб.

Через сутки, в глухую полночь, в дверь этого прируба постучали. Ответа не последовало. Стук повторился еще и еще, но безрезультатно, тогда стрельцы, пришедшие сюда вместе с Авксентьевым, выбили дверь.

Единственное послабление, которое он сделал для Марфы, состояло в том, что он велел надеть ей на руки не большие, «позорные», наручники, а малые, полегче. В остальном же он не отступил ни на йоту от своего намерения.

На сборы было дано самое малое время: вещи, книги и иной немногочисленный скарб Марфы быстренько покидали в повозку, и Марфа вместе с послушницей Аглаей — любимой воспитанницей — не более как через полчаса уже шагала в сопровождении одетых в чуги* конных стрельцов вслед за повозкой по окраинной улице Перми. Повозка побольше, запряженная парой рослых мохнатых коней, где ехал Авксентьев, катилась впереди, также в сопровождении стрельцов, и еще трое замыкали этот невиданный здесь доселе кортеж.

Только на третий день изнуряюще однообразной, до смешного медленной езды понял Авксентьев, что так ему больше не выдержать. Да и стрельцы и слуги хотя и молчали, но он видел, как действует на них такая езда, поэтому решил пока скрепя сердце прервать придуманное им наказание для столь ненавистной ему игуменьи.

Назавтра перед выездом он подозвал старшего над стрельцами пятидесятника и не глядя велел:

— Этих двух посади в повозку, пущай едут, а то мы в Москву до морковкиного заговенья не доберемся...

Марфа, услышав эту новость, и глазом не повела, послушница же Аглая, усаживаясь в повозку, робко произнесла:

— Неужто сердце у него к добру кольхнулось, а, матушка?

— Дите ты еще неразумное, Аглаюшка... Да у таких, как он, рази ж может сердце быть? Едино што льда кусок — не боле...

По заведенному Авксентьевым порядку, в середине дня на час-другой останавливались на обед. Варили кашу аль припасенное в дорогу вяленое мясо и рыбу, пили квас, кормили коней, отдыхали на траве.

День был прохладный, но погожий, «раздумчивый», как любила называть такие дни Аглая, когда она, почти не разговаривая ни с кем, ходила-бродила, как неприкаянная душа, а то вдруг останавливалась, будто споткнувшись, и, задержав на чем-нибудь взгляд, думала, думала, словно для нее в этот миг не существовало ничего на свете.

И все же, несмотря на это, по натуре была Аглая бойкой, непоседливой и далеко не робкого десятка. На ее жизненном пути очень мало было счастливых, безоблачных дней, а дни, вернее, периоды потрясений и несчастий шли едва ли не чередой друг за другом.

* Чуга — вид кафтана для конников.

Отец Аглаи, думный дворянин Смирницкий, был, несмотря на солидные уже годы, человеком неуравновешенным, увлекающимся и, что особо печально, совершенно равнодушным к судьбе единственной дочери, в которой он с ранних лет видел только черты нелюбимой, даже ненавистной ему во многом жены. После неожиданной ее смерти, вызвавшей на Москве немало сплетен и пересудов, он быстро женился на дворянской дочери почти вдвое моложе себя.

Аглая пришлось мачехе, что называется, не ко двору, и отец, во всем потакающий молодой жене, быстро сплавил нелюбимую дочь в дальние земли, в Пермь, к своему брату, отставному воеводе, оригиналу, вольнодумцу, чудачества которого были неиссякаемой темой для разговоров окрестных жителей. Семьи тот не имел, женщин сторонился, дворовые его, начиная от поваров и хлебопеков, были сплошь из отставных стрельцов, участников его многочисленных былых походов.

Он и Аглаю встретил необычно: расцеловавшись с ней, он, не читая, отбросил письмо брата и тут же, внимательно, с эдаким оценивающим прищуром оглядев ее, заявил:

— Видом приглядна весьма и весьма, но, что само главно, статью удалась — не в своего отца, балабола-гуляку, а, скорее, в меня, дядьку твоего родного. Эх, тебе бы молодцом-воином родиться! Ну да ничего, я тебя делу воинску как надобно обучу: ты у меня и к пальбе из пищалей приноровишься, и на кониках поскачешь!..

— Это как же? — сразу насторожившись, спросила Аглая, испуганно глядя на его тщательно выбритое на иноземный манер, в тяжких морщинах лицо с большими волнистыми усами и властно-холодным взглядом прищуренных глаз.

— А вот так, — с легкой, но неуступчивой улыбкой ответил он, — ты у меня воительницей станешь, яко были в древности таковые, в стране Амазонии. Слыхала аль нет такое?

— Да нет, дядюшка, — все еще не оправившись от столь необычного для нее разговора, отвечала Аглая.

— Я тебе почитаю о том как-нибудь в вечер. Грамоте-то, поди, не разумеешь?

— Разумею, дядюшка, и чтению, и писанию довольно.

— Того и лучше, сама прочтешь. А сейчас пойдем-ка в прируб платной да нитошной, баб-швеек сей же час велю из деревни пригнать, они тебя вмиг обошьют-оденут и в празднично, и в обыденно, но попервах же воинску одежду шток спроворили — мои стрельцы подсобят-подскажут тут...

И одежда воинска была, и стрельбе, и на «конях скаканию», до изнеможения порой, довольно обучилась Аглая. Но дядюшка вскоре умер от сердечного удара, и она, согласно воле отца, высказанной им в письме, попала в монастырь, под опеку игуменьи Марфы. Той же всегда удавалось распознавать почти без ошибки темные и светлые стороны многих человеческих душ, потому она вскоре без колебаний приблизила к себе, а потом и по-настоящему полюбила Аглаю...

Вечерами на стоянке всегда раскладывали два костра: один большой — для всех, костер помене — для Марфы и Аглаи, так как они отказались принимать пищу вместе со всеми и готовили на костерке сами что придется. Это давало им возможность спокойно молиться и беседовать перед сном.

Так было и в этот вечер. Стылая мгла так плотно укутала деревья, что, казалось, ни один звук не мог проникнуть сквозь ее завесу. Именно в это время и приоткрывалась по-настоящему таинственная, скрытая до поры жизнь леса, его удивительно многозвучное дыхание, а может, и недовольство или иное что, неподвластное людскому понятию. Разве что совсем равнодушный, безразличный к природе человек не мог заметить этого.

Аглая, с ее трепетной, чуткой душой, сохранившей лучшие качества среди испытаний и суровости жизни, всегда незамедлительно откликалась на каждый, пусть и малый, знак природы... Пощелкивали в костре ветки сушняка, разбрасывая вокруг дымно-алые крохотные угли, и отсветы от них отражались в широко открытых глазах Аглаи. «Мало, ох мало в тебе, отроковица, молитвенного усердия, — не раз говаривала ей Марфа. — Несет тебя все, несет куды-то, яко глину в половодье, а пора б тебе и о судьбинушке своей поразмыслить, куды стопы дале направить...»

Когда костер почти потух и Аглая с Марфой стали укладываться ко сну, Марфа ощутила вдруг какое-то непонятное беспокойство. Она внимательно огляделась вокруг, все вроде бы было по-прежнему: сторожевой стрелец неподалеку от них, еще два стрельца, время от времени обходившие лагерь, у костра — обычное сонное безлюдье, и все ж тревога почему-то не оставляла Марфу. Она прилегла набок, подождала так некоторое время, и вдруг будто кто-то подтолкнул ее. «Был, был кто-то за спиной, — едва не вскрикнула она и тут же одернула себя: — Нельзя, нельзя... Аглая всполошится да и стрелец, что охранял их, тоже. Рядом вон сидит, клюет носом».

Перекрестившись мысленно, она хоть и с опаской, но повернула голову и, присмотревшись, увидела близко-близехонько, ну, руку протянуть, лицо Саввы-монаха, приписанного к ее теперь уже бывшей обители. Он приложил палец к губам, прищурившись, покивал несколько раз головой: молчи, мол, матушка, — и, прижимаясь к скользкой от росы траве, ловко пополз, тут же очутившись почти рядом с Марфой. Та, от волнения покусывая сразу высохшие губы, откинулась — легла на спину, а Савва, не поднимая головы, тоже волнуясь, зашептал:

— Матушка Марфа, здрава буди отныне и вовек!.. Послушай меня, недостойного, што молвить учну... Ноне под утро, како туман покучней возьметса, я вот такожды за вами приползу — готовы будьте... Ни лапотины никакой, ни чего иного-протчего с собой не берите, налегках уйдём... Потом добудем все что надобно.

Марфа тут же хотела расспросить его подробнее, но одумалась: «К чему это? Все сказано, промыслено как надобно. Ай да Савва, юн летами, а сметлив довольно. Вот они, таежны монахи — ходоки по местам

незнаемым, безлюдным вовсе. Иному московскому монаху, хоть будь он и трижды разумен да в грамоте крепок, таковое и вовек не придумается, не приснится...» Марфа как могла покивала.

Савва вытащил из-за голенища сапога небольшой нож с длинным тонким лезвием и концом его покрутил что-то в замке оков. Они упали у ног Марфы. Савва подобрал их и тут же сунул за пазуху.

— Вы тута затаитесь покуль, Акинфий присмотрит, а мне еще дельце едино сотворить надобно, я скоренько...

К утру поползли из-за деревьев туманы: плотные, будто нарочно сбитые, ложились белесыми вязкими полосами друг к другу, так что вскоре ничего уже нельзя было различить на расстоянии вытянутой руки.

Стрельцы у большого костра забеспокоились было: надо, мол, посмотреть, что там и как, — но третий, присматривающий за Марфой и ее послушницей, подойдя к костру, успокоил товарищей:

— Сидите, сидите, мои монашки завернулись в покрывала, как сурки сидят. Да и куды они денутся? Я к вам сюды и то едва добрался — не туман, а морока адова...

А между тем, как слепые котята за кошкой, Марфа с Аглаей, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, брели в тумане вслед за Саввой. Он поминутно поворачивался к ним, подбадривал вполголоса как мог:

— Еще, еще маленько, скоро вот и на месте обоснуемся...

«Господи, на месте... Да как ты найдешь его в тумане эдаком...» — думала Марфа, переходя от надежды к отчаянию, все еще взволнованная и растерянная крайне, стараясь ни на шаг не отстать от Саввы и ни на секунду не выпуская из руки подрагивающую от волнения руку Аглаи.

...Ах, Савва, Савва, истинно Божий человек, видно, потому и везет ему в делах таких, ведь не ошибся нисколько — привел Марфу с Аглаей к кустистому взгорку, у которого встретил их Акинфий.

Только теперь, чуть успокоившись, оценила полной мерой Марфа то, что сделали для нее и Аглаи эти люди — ее люди — крепостные, которых вольно или невольно и обижала, и строжила она порой. Вот как в трудную для нее минуту открылись их души. Вроде бы как против воли кольнуло что-то в сердце Марфы. И она ощутимо почувствовала вину свою перед этими людьми. И низко поклонилась Акинфию и Савве.

— Да возблагодарит вас Бог, иноки честные, а я извечной должницей вашей пребывать буду...

Монахи смешались, а Акинфий, чтобы скрыть смущение, тоже низко, торопливо поклонился и, сдерживая голос, сказал:

— Сюды, сюды за кусты схоронитесь покуль, матушка, ждать нам надобно...

— Чего? — насторожилась удивленно Марфа. — Разве не разумнее уж как там, но от стана сего проклятущего уходить-выбираться?

— Дозволь слово молвить, матушка, — прав брат Акинфий, — вступил в разговор Савва. — Яко роса сойдет, они в обрат кинутся — вас имать... Мы же здесь на пригорке во камешках отсидимся, а опосля своей дорогой пойдем, котора им и на ум не придет. А сейчас, с твоего разреше-

ния, матушка, я вновь поползаю — погляжу, как там сторожа-охранители наши живут-могут.

Савва отсутствовал не более получаса, и к его приходу, будто по маговению волшебной палочки, неожиданно стал расплзаться клочьями туман. Возможно, он продержался бы и до вечера, но, как это нередко бывает в здешних местах, со стороны моря ударил, распаясь в снежной ярости, шальной ветер, и, вроде бы совсем не по погоде, выкатилось из-за бесцветной хмурости яркое веселое солнце. Вслед за этим над станом раздался по-бабьи истошный крик, хотя кричал, без сомнения, сам Авксентьев.

— Меня, дворянина родовитого, как последнего татя, увязать позволили! — неистовствовал Авксентьев. — Сгною в застенке, на дыбе у меня покорячится стража така. В кнуты вас, в железа, так, эдак и распротак мать вашу!

И тут же загомонили стрельцы и слуги, увеличивая вокруг сумятицу столь же бестолковыми криками.

Кричать им было отчего. В повозке с оборванными сетчатыми и меховыми пологами лежал на пачке волчьих шкур боярин Авксентьев — лежал, но в каком виде! Руки и ноги его были крепко, со злом, как говорили здесь, скованы, а изо рта был только что вынут плотный тряпичный кляп.

Уложен Авксентьев был тоже не как-нибудь, а с «задумкой» — все попытки его вырваться или даже подвинуться немного исключались, и лишь пылающие неизъяснимым бешенством глаза на свекольно-багровом жирном лице беспрерывно бегали из стороны в сторону.

Авксентьев схватил только что снятые с него оковы, почему-то быстро, но очень внимательно осмотрел их и едва что не в самое лицо сунул стрельцу:

— А ведь сей ошейник с опояской вроде бы недавно игуменья таскала, а опосля им меня злодеи неведомы сковали.

— Как это, — в страхе опешил стрелец, — наваждение разве како?

— Наваждение?! — все же не выдержал, вновь сорвался на крик Авксентьев. — А ну сдерни-ко с них покрывальцы.

Стрелец старательно затрусил к пленницам, разом сдернул покрывала. Теперь уже все стоявшие вокруг потухшего костра зашумели, заговорили, потому что под покрывалами не было ни Марфы, ни Аглаи, а валялись лишь кучи взбитого, перевязанного веревками тряпья.

Несусветному беснованию, охватившему Авксентьева, казалось, не будет предела. Он бегал вокруг повозок, потрясая оковами, судорожно зажатými в руке, щедро раздавая направо и налево зуботычины стрельцам, выкрикивая при этом страшные в своей богохульности проклятия. И стрельцы, и слуги его при этом бестолково сцепились у возов, не зная, как и Авксентьев, что делать, как быть далее...

Первым одумался стрелецкий пятидесятник. Он бесцеремонно схватил Авксентьева за рукав:

— Стой! Да охолонь ты, Гордей Акимыч. Не рви душу-то без толку...

— А-а-а! Вас тут, указчиков, пруд пруди... Смотреть надобно было — это ж рази стрельцы? — тако изгольство допустили...

— Спросим, спросим с тех стрельцов! Но в час сей наипервейшее дело надобно решить: как нам дале быть, как ту игуменью адову ухватить-поймать?

Вновь закричал, едва не взвыл Авксентьев:

— С твоими-то стрельцами поймать?.. Ты думаешь, дурни ее отсель тащили? Тако дело ой какой голове под стать!...

— А все ж таки как дале быть?

— А не знаю, не знаю! — взвился в очередной раз Авксентьев.

Через некоторое время, когда он поутих и его примеру последовали почти все, кто был тогда на поляне у повозок, Марфа, оценив, видно, по своему все только что произошедшее почти перед ее глазами, неожиданно проговорила:

— Все мне понятно, окромя одного: как это железа, што у меня на руках были, оказались вдруг у того московского дворянина и кто это его, сердешного, оковал да упеленал столь скоренько да ловко? Озорство здесь было невиданное аль промысел колдовской, поясните, люди добрые, сие игуменье бедной, а такожды втолкуйте, к чему действие сие и как его понимать надобно?

Поскольку все молчали, стараясь не глядеть на Марфу, то она вновь, теперь уже построже, спросила:

— Так што, отвечает мне кто по делу сему аль нет?

— А сие, думаю, по воле небесной свершилось, — неожиданно проговорил Савва, — ибо сказано в Писании есть: «Тебе за неправду и корысть злую отмерено будет той же мерою». Злобствовал, злодействовал безмерно тот дворянин московской, за то и получил напоминаньице: дескать, оглядись в раз следующий. Правда-то всегда о себе напомним, а то и накажет. Тут она — посильней кривды... Да ты, матушка, не бери в голову. Шумство сие невеликое, сотворено оно справедливо. Ведомо мне, што так аль почти так творил, а бывало и посильнее, содруг наипервейший наш Викентий, дай ему, Господи, добра да здоровья поболе в схватках с теми, кто супротив людей православных да веры нашей становился!

Слова Саввы, да еще произнесенные с редким достоинством, не то что удивили, а, скорее, поразили Марфу. Она приблизилась к нему, как бы все еще сомневаясь, что только что слышала такое от всегда скромного, как-то незаметного в обыденной жизни Саввы, и благословила его тут же, поцеловав в лоб, осторожным материнским поцелуем, затем немедля отошла в сторону, низко склонив голову.

(Продолжение следует.)

Юрий ЧЕРНОВ

СУСЛИНЫЙ ЛУГ

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Булат Окуджава

Первого в жизни суслика мы с Толей Рагозиным добыли из боковой норы — прямо за огородами. Вылили в его темное подземелье ведро воды, сходили за вторым. Знали: из залитой до краев норы кусачий суслик сразу не выскакивает, а сначала высунет голову и на секунду замрет, решая, убежать или занырнуть обратно? Тут его и хватают за шею.

Тот, кто опасался укуса, держал наготове не пятерню, а удавку в виде перегнутого прута. Вместо такового мы согнули прошлогодний будылек подсолнуха, а тот в самый неподходящий момент с треском переломился пополам, и суслик, освободившись от зажима, неуклюже горбатясь, запрыгал наутек. Из пушистого серого красавчика, каким мы видели его накануне, он превратился в подобие мокрой крысы — всегда неприятной и злой. Но азарт брал свое. С воплями мы бестолково гоняли взад-вперед суслика по поляне, легкими будыльками несколько раз сшибали его на спину, пока, наконец, не прижали к земле. Что делать дальше, мы не знали.

Вдруг позади нас хлопнуло — да так, что мы, вздрогнув, чуть не выпустили добычу. Это выстрелил трехколенным плетеным кнутом подпасок Семка Побежимов — наш сосед по хутору.

— Вы долго будете его мучить? Тоже мне — охотники! — осклабившись, пожурил он нас. — Учитесь, пока я жив!

С этими словами Семен показал нам то, что потом мы сотни раз обиденно проделывали сами. Ухватив суслика за шею, он резко встряхнул зверька. Суслик задрогал в шоке ногами, а Семен, переложив его в левую руку, большим и указательным пальцами правой ухватил в подреберье бьющийся комочек и дернул книзу — на отрыв.

— Готов! — Семен бросил обмякшего суслика на траву и, оценивающе глядя на него, заключил: — Наваристый будет махан! Айда ко мне — управимся в два счета.

В раннем детстве все схватывается бездумно, на лету. И вряд ли мы прочувствовали или осознали произошедшее, а также то, что после встречи с Семкой, закончившейся у костра и чугунка с духовитым маханом, наша хуторская вольность поделилась, как говорят, на «до» и «после».

Раньше мы улизывали от взрослых на речку как на курорт — с грязями, пляжами и беспечной рыбалкой; теперь, брядая капканами или ведрами, шли как на гремевшую где-то войну.

Атака у колючих тарначей

К Суслиному лугу — зеленой округлой чаше посреди выжженной солнцем и казахстанскими суховеями степи — наша хуторская троица приближалась без шума, скрытно, а на последних метрах и вовсе ползком — по-пластунски. И только перед кромкой луговой впадины, у знакомых кустиков тарнача, мы разом — по Толиному свисту — вскочили и с криками «ура» черными коршунами налетели на пасущихся тут и там сусликов. Застигнутые врасплох травоеды прытко драпанули в разные стороны, но уже не могли уйти, не показав своих жилищ.

Охотничья операция «Лужок» и на этот раз началась удачно, и каждый из нас загнал в нору своего свистуна. Дело оставалось за малым, но важным: хитро поставить у входа в суслиное подземелье настоженный капкан.

Самому младшему из нас — одноглазому Вовке Побежимову (второй глаз вытек у него от случайной травмы) — выпала более удобная для установки самолова нора-боковушка, а меня и Толю суслики привели к «коловым», то есть вертикальным норам. Если в боковой норе грунт, где ставился капкан, был более-менее мягким и легко удалялся, то возле «коловой» — на дернине — приходилось повозиться. Капкан обязательно ставился с той стороны норы, с которой суслик вылезал и занывивал внутрь жилища. Лишь опытный глаз замечал, в каком месте ободок идеально круглой норки чуть-чуть оглажен брюшком зверька. Здесь впритык к отверстию и ставился капкан с кольшиком, втыкаемым в землю. Делалось так: ножичком вырезалось Ф-образное углубление — по форме настоженных дужек и пружины. На всякий случай, чтобы суслик не вздумал вылезти с противоположной стороны норы, на нее надвигалась коровья лепешка. Оставалось последнее: замаскировать спусковой язычок самолова травкой, желательнее луговой, на которой несколько минут назад жировали суслики. В округе степь, как было сказано, уже выгорела, а этот луговой пятячок, увлажняемый вешним паводком и редкими ливнями, все лето зеленел и притягивал как магнит всякую живность, а заодно и нас — голодных охотников.

Поставленный капкан, да еще у норы, в которую загнан суслик, уже не дает покоя. Только отойдешь, а уже блазнится пойманный зверек. Иногда так и бывало...

Драгоценных самоловов у нас мало — по два-три, и через пару часов все они поставлены и помечены вешками — с пучком травы на конце. Фартовые видения пойманных за лапки злых зверьков, грызущих капкан и готовых вцепиться во все, что к ним прикасалось, теперь и вовсе зашкаливали, но непременно вытеснялись другими, венчающими охоту: дымные кизячные костерки, а в их жаре — на ивовых или тарначовых прутиках — потрескивающий, брызжащий жирным соком суслиный шашлык!

— Проверим? — слотнув слюнки, спросил Вовка.

Обернувшись к товарищу, мы вновь невольно залюбовались его прической, над которой потешался и ветер, укладывая ее так и этак. А «прическа» и в самом деле дивная: два (!) ее патластных чуба свалены налево и направо, как обмороженные гребни петухов. Но это не пробор: посреди головы неширокий прокос машинкой — все, что успел осуществить заезжий цирюльник, намеревавшийся остричь Вовку наголо. Не вышло: заросший «до дикобразия» ревуший клиент укусил мастера за руку и дал деру вместе с покрывалом!

— Дак че, будем проверять? — переспросил Вовка, знавший, что его ждет выволочка от Семена, когда тот придет с выпасов, и овечьи ножницы, которыми довершат самую типичную стрижку тех лет — «под Котовского».

Толя отрицательно мотнул головой и посмотрел на меня.

— Рано, — согласился и я под возмущенное урчание в животе.

Хуторское убежище

Чтобы скоротать время, мы двигаем к Речке — искупаться и половить де-рюгой пескарей. Она далековато от луга, и я успею за дорогу кое-что сообщить о себе и своих приятелях, даруемых в детстве судьбой и непредсказуемой игрой случая. Вот и нас троих свела не только суслиная охота и рыбалка, но и проживание на выселках — возле организованного в тридцатых годах целинного совхоза имени Ефима Мамонтова, известного на Алтае героя Гражданской войны. Сначала на отшибе осели две семьи — Рагозины и обрусевшие украинцы Михиенко, затем, оставив тесное жильё в совхозном бараке, к ним подселилась моя мама — с бабушкой, тремя дочками-школьницами и мной, единственным голопузым «мужичком». Замечу тут, что окружавшее женское сословие настолько феминизировало меня (в самом раннем возрасте), что я, вставая из-за стола, повторял за сестрами — под их смешки — заведенную у нас фразу: «Мама, я наелася».

А бедной маме накрывать сытный стол становилось все труднее. Горькая участь миллионов советских вдов, особенно многодетных, постигла ее за два года до того, как с фронтов Отечественной бабочками траурницами густо полетели похоронки. Ее муж Владимир — один из первых совхозных шоферов, кому была доверена знаменитая полуторка, — трагично погиб на дороге, не будучи за рулем. Потемну, когда мои родители шли домой из кино, их обогнал неисправный пустой лесовоз и насмерть сбил папу мотавшимся прицепом. Мне до сих пор обидно до слез от такой несправедливости небес. Тогда каково же было маме — с пятью иждивенцами?

Одно знаю, плакаться было некогда. Крестьянское чутье подсказало ей, неграмотной, что наше спасение не в казенном бараке, а на усадьбе — с огородом, коровой и прочей живностью. В эту лямку и впряглись.

А вот с какими резонами застолбили по соседству с нами усадьбу Побежимовы — остается только гадать. С началом войны отец Вовки Петр по состоянию здоровья попал в трудармию, старший брат Митя мореходил на Дальнем Востоке, а старшая сестра Анна ушла санитаркой на фронт. Мать Вовки Евдокия (Побежимиха) и ее средний сын Семка (Вовка и трехлетняя Валька были не в счет) с горем пополам вырыли землянку, а на большее — заводить живность, горбатиться на огороде, как делали мы и все хуторяне, — их не хватало. Такой бедности, как у Побежимовых, мало кто видел. Как-то Побежимиха попросила меня написать с ее слов письмо сыну Мите, что я и сделал с соблюдением «духа и буквы» авторской речи. «Дорогой сыночек Митинька», — медленно начала диктовать тетя Дуся, глядя подслеповатыми и уже заплаканными глазами куда-то сквозь пластынные стены. Ударяя на последние слоги, она вдруг горестно запричитала, как заученный стих:

— Мы бедныя, мы голодныя, мы голыя, мы...

Не успевая записывать, я поднял руку, и тетя Дуся осеклась на очередном «мы», как ученица, припоминающая слово. Пока я скоренько скрипел пером «лягушка», Побежимиха стала оглядывать, словно увидев впервые, стоявших

рядом реброгрудого Вовку и абсолютно голенькую и босую Вальку. Она снова залилась горячими и уже в ладони тоненько выголосила последнюю строку:

— ...мы разутыя!

Слова письма-плача семидесятилетней давности — с просьбой «чем-нить» помочь, «пока не померли», я, конечно, позабыл бы, но из-за их неправильного и смешного, как мне, «грамотею», казалось, произношения они крепко врезались в память, не раз с потехой вспоминались, а потому дошли до наших дней с точностью документа. Теперь они не кажутся мне смешными.

Всю зиму Побежимовы как-то перебивались на картошке, жмыхе да на том, что «люди добрые» подадут. Выйти на улицу было не в чем. Однажды Семка выскочил наружу — босиком, в каких-то лохмотьях — и стал кататься по снегу. Позже выяснилось, что таким путем он освобождался от кусачих блох-кровопийц, плодившихся бессчетно на земляном полу. Довелось как-то и мне применить народное средство, чтобы избавиться от зловредной соседской блохи, заползшей (на новенького!) не куда-нибудь, а в ухо! Оказавшись в тупике слухового прохода, попрыгунья, видать, занервничала и с частотой отбойного молотка стала больно биться о барабанную перепонку. Несколько секунд передышки — и новая страшная молотьба! Впору было лезть на стены или кататься по снегу, но я, по совету того же Семки, залил с ладони в ухо слюну. Блоха унялась, и теперь полагалось полежать на боку, пока слюна с блохой не вытечет на подушку. Все! Не прошло и пяти минут, как я, вновь ощутив, что жизнь прекрасна, щелчком послал бездыханную тварь в ее самый длительный полет...

Речка Провалиха

А вот и Речка — не меньшая, чем степь, отрада. Не имея пойменного берега, как у Алея, в который она впадала, Речка открывалась для глаз внезапно — буквально в десяти шагах, а потому, видать, и была записана на картах Провалихой. Мы такого имени не знали. Для нас в крутых глинистых берегах текла Речка — с перекатами, омутами и заговорщицкими шепотками ласточек-береговушек, мельтешащих у своих норок и по-над водой. Здесь было чем поживиться.

Опережая всех, Вовка надергал пук рогоза и, пока мы с Толей сбрасывали одежды и готовили снасть, жадно рвал желтыми зубами мягкие части белых корневищ. Подножный корм в степи — одуванчики, гусинолук Федченко, прозванный нами кандыком (теперь он краснокнижный), цветки тарнача (степной акации) и кое-что еще — попадался только весной, а на Речке все лето можно было добывать эти сочные корневища рогоза и камыша, сладкие корни солодки, а главное, ловить и тут же поесть подсоленных рыбешек. Этим, окупившись, мы и занялись.

Рыба в Речке хорошо клевала весной, а летом ловить ее, сытую, удочкой — только время тратить. На песчаных перекатах мы наловчились хватать руками стоящих под водорослями гладкокожих коричневатых гольцов, та же участь постигала на мелководье шиповок — самых мелких вьюновых.

Выпугнутая из укрытия шиповка стремительными зигзагами ускользала прочь и вдруг пропадала — будто растворялась в воде! Но нас уже не проведешь! В точке, где невидимкой исчезала вертунья, со дна отмели предательски курилась струйка мути... В этом месте и надо было быстро выхватить ком ила и песка и выбросить на берег. Оказавшись на суше, шиповка продолжала конвульсивно извиваться, и ее не всегда с одного раза удавалось припечатать пяткой. Не знаю почему, но шиповок, называемых нами вьюнами, мы недо-

любили и не ели — то ли из-за змееобразного вида, то ли из-за того, что их острые выдвижные шипы возле глаз до крови укалывали пальцы, а иногда и карающие пятки. Зато пескари, чебаки, пойманные дерюгой, а то и майкой, уплетались нарасхват.

Первым начал есть сырую рыбу Толя, мой единственный друг детства, когда в очередной раз сбежал из дома и заночевал в вырытом под крутяром логове. Ночь была лунная, и Толя заметил трепыхавшегося на мели крупного окуня, затеявшего на свою голову переход в другой омут. Толя оглоушил полосатого комом глины и умял сырým, без соли.

В отличие от меня, белоглового тихони, мой чернявый друг с редкими, непоказ, зубами, был неслухом, не любил прополку и полив огорода, от которых и сбегал в степь, подступавшую к ограде. Однажды Рагозиха попросила проезжего верхового завернуть домой сына, убежавшего в степь, но Толя сообразил забежать на соседнюю пахоту и ушел по ней от быстро выдохшейся лошади. Таким был мой добрый и необидчивый товарищ, с которым ни разу не поссорились. (О том, что мы появились на свет с разницей в два дня, я узнал из надписи на памятнике, когда приезжал в Барнаул на похороны одного из уважаемых сотрудников учреждения, а для меня и самого дорогого из друзей — друга детства.)

А рыбалка в тот день не задалась. Два гольца да шиповка-вьюн. И дерюга раз за разом «приходила с одной травой». Особенно печалился при этом Вовка — и без того хмуроглазый. Мы с Толей упорствовали, а он даже загонять рыбу перестал. Случайно я заметил, как наш помощник тайком поднял расплюснутую шиповку, отправил ее в рот и, заметая следы, будто от нечего делать сбросил в воду ил, в котором затоптали рыбешку. Я Вовку не выдал, но поморщился, будто не ему, а мне попал на зубы песок. А еще пожалел, что не угостил друзей просяным хлебцем с утра, при встрече, а приберег в сидоре для суслатины.

— Мы каво ждем? — спросил Вовка, отплевываясь. — Покуда суслаки лапы отгрызут?

Хоть редко, а такое бывало. Подойдешь к сработавшему капкану, а в нем вместо суслика торчит отгрызенная лапка с перебитой костью...

Шашлык и хлеб по-нашенски

Вовкин довод убедителен. Мы расходимся по своим путикам.

— Есть, попался! — крикнул со своей заимки Вовка и потряс над головой добычей.

Повеселело: счет трофеям открыт! Когда мы привычно собрались у приметных издалека кустиков пырея, связанных нами шалашиками, каждый выложил у кострища по паре сусликов. Половину зверьков мы успели, по Семеновой науке, ободрать на ходу. Хитрого нет: ножичком вспарываешь у них «штаны», затем ногтем большого пальца легко отслаиваешь шкурку с задних ног и брюшка и сдергиваешь ее «чулком». (После обезжиривания высушенные шкурки сдавали в заготконтору. Пяти первосортных хватало на билет в кино.)

Дров в степи нет. Зато в изобилии — коровьи лепешки, или кизяки. В их ровном жаре, разливая по всей степи вкуснейший аромат свежего жареного мяса, уже корезатся и брызжут жиром нанизанные на прутики тушки. Они подрумянены, вот-вот — и будут готовы. Но Вовка ждать не хочет — сует в самое пекло свою добычу и, обдув золу, с треском косточек вгрызается в задок.

— Погоди! — спохватываюсь я и раздаю друзьям по кусочку просяного хлеба.

Вовка ошалело вперил свой глаз в несовместимые для него богатства — хлеб и мясо, не зная, с чего начинать. А нашу семью пресный просяной хлеб — тяжелей и рассыпчатый — выручал всю войну и не только. Началось с того, что мама по весне наткнулась на лоскут пустыющей пахоты и засеяла его раздобытым у кого-то просом. Осенью намолотили полтора мешка! У нас имелась привезенная из самой Рации деревянная ступа и ручная мукомолка. Вот с их помощью и обрабатывали на крупу и муку просо, выращенное по неудобьям или собранное со сжатых комбайнами полей. Иногда, при ранних заморозках, такие поля были усеяны опавшими метелками. Их сбор не карался так сурово, как было за пшеничные колоски. За те, если собирались не для фронта, можно было получить срок. По этой же причине всем сусликам, как вредителям сельского хозяйства, полагался смертный приговор, хотя большинство свистунов, как наши, этих колосков и в глаза не видывали.

Впрочем, на эту тему мы тогда не рассуждали. Всему, что касалось сусликов, нас исподволь обучил Вовкин брат Семен. Вот и сейчас, когда мы, расправившись с шашлыками и печеными картошками, распозлились по своим шалашикам (как хорошо иметь собственный «домик»!) и затеяли ленивый разговор о следующей охоте, кто-то вспомнил о Семкином правиле — не устраивать облаву на лугу два раза подряд. Мол, пусть оставшиеся суслики успокоятся и на место пойманных придут другие.

Назавтра мы на луг и так не пойдем: у каждого на махан по суслику имеется, а вот сколько дней еще выждать — два-три дня, а то и неделю?

— Пока Гузкоротый с луга не свистнет, — съязвил Вовка, не согласный с правилом брата.

Свободный от домашней работы, он чаще нашего с Толей бывал на центральной усадьбе совхоза и выведал, что старшекласник Андрей Райков, прозванный Гузкоротым, тоже ходит на охоту — пока что в сторону Алея.

И все же больше всех на нашу вольготную жизнь покушались не совхозовские или поспелихинские пацаны, шуганувшие нас прошлым летом с верховий Речки, а нескончаемые дела по двору и огороду. Одна поделка и сушка кизяков, заполонивших дворы (всю зиму топить ими русские печи), чего стоит. Вот лежишь, блаженствуя, в травяном шалашике, а в голове свербит мамин наказ про «шалашики» кизячные: стоящие уже «на ребре» навозные кирпичи надо составить «на попа» — по четыре штуки, а пятым накрыть шалашик сверху. Это задание помимо каждодневного — поливать и полоть грядки, к приходу стада нарвать для коровы травы.

Пора вставать...

Гроза на суслиные головы

Во дворе меня поджидала нежданная радость: с отгонных овечьих выпасов сбежал домой Черныш — мой лохматый куценогий помощник! Чуть не сбив хозяина с ног, он никак не мог отыскать на моем лице местечко, где, как ему казалось, еще не лизнул его горячий шершавый язык. Я рад не меньше, а по натертой шее с запекшимися струпьями догадывался, как Черныш добыл свободу.

На овечьи выпаса — в отару деда Савелия — мама на весь сезон угоняла пяток наших овец, меченных разрезом на ушах. Сезонный отгон был для нас очень удобен, и мама не могла отказать в просьбе пастуха оставить на время в сторожах нашу собаку. Замечу, что овец, несмотря на тяжкие налоги шерстью и мясом, а также обязательную сдачу шкур (война!), мы держали постоянно, и вот

почему. В отличие от коров, они неприхотливы в корме, заготовка которого была одной из самых трудных забот семьи. Для овец косили по канавам и пустошам бурьян, полынь (ту, что перерастала и могла порвать лезвие литовки, рубили лопатами и топором). А с Речки-Провалихи возили на тележке катун, или перекати-поле, заканчивавший свой марафон под ее крутыми берегами.

Да, работ-забот со скотом немало, зато не стояла без дела бабушкина прялка, а шерсти хватало не только на носки и варежки, но и на пимы. А нам, детям, раз в году овцы доставляли то, что высоким штилем именуется «встречей с прекрасным». В жгучие морозы, на которые почему-то приходился окот, мама в сопровождении тревожно блеющей овцы приносила из хлева — в закуток у печки — двух только что появившихся на свет ягнят. И до чего же были эти кучерявые глупенькие создания прелестными, так жалобно они блеяли, что их тут же хотелось помянуть или хотя бы погладить. Да куда там! Бдительная мамаша, одичавшая на выпасах, при одном приближении к ее чадам строго стучала копытцем, напоминая при этом одну строгую учительницу, умиравшую класс ударом указки по столу. Мы покатывались со смеху...

Но вернемся «от наших баранов» к Чернышу. Талант ищейки сусликов я заметил у него случайно. Возле некоторых нор он вел себя странно: поворачивал набок голову и надолго замирал в такой неудобной позе. Позже выяснялось, что все эти норы были жилыми, а у тех, на которые Черныш не смотрел искоса, капканы ставились напрасно.

Теперь мы облавливали только жилые норы. А Черныш, поняв, что нам требуется, сам, рыская по степи, выискивал нужные норы и, скособочив голову, мертво стоял возле них до нашего прихода.

Словом, читатель вправе подумать, что в подзаголовке «Гроза на суслиные головы» я подразумевал именно Черныша. Можно и согласиться, но я в первую очередь все же имел в виду грозу натуральную, и вы поймете почему. Эту грозу, разразившуюся через день над изнывающей степью, у нас ждали все — и мама, вздохавшая при взгляде на белесое небо, и бабушка, поминавшая про крестные ходы, запретные при безбожниках. Заслышав шум дождя, она вышла из дома под навес и, полагая, что именно ее молитвы дошли до Бога, при каждой вспышке молнии осеняла себя крестом и благодарно изрекала: «Аминь царю небесному!»

Ждала ливень и наша троица, но не для того, чтобы, как прежде, носиться с визгом по лужам. Захватив пару ведер, сидорки и гибкий ивовый прут, мы чуть не бегом умотали в степь — «выливать» сусликов. Спешили, пока на солонцовых плешинах и в канавках не впиталась и не испарилась вода.

До того как появились у нас капканы, а у Черныша был замечен охотничий нюх, «выливание» сусликов являлось основным способом охоты. Найдя нору, мы для пробы выливали с полведра дефицитной воды и прислушивались. Мертвая тишина повергала нас в уныние, зато четкий всплеск в глубине норы, а то и суслиный чих отзывался дружным «есть!» — и желанием бежать за водой хоть на край света.

А случалось, как на этот раз, такое: пробные полведра заливали вертикальную нору доверху! Новички могли подумать, что им попалась пустая, вырытая наполовину нора, и они пошли бы дальше, а мы со злорадством и шуточкой: «А такой хвостик не хочешь?» — запускали в нору ивовый прут, наперед зная, что он уткнется в зад или спину суслика, заткнувшего нору на метровой глубине. Так произошло и в этот раз, и вода с гулом погналась за хитрецом...

Еще двух сусликов мы взяли на лугу, но воды на их норы едва-едва хватило. Хотели уже идти домой, но тут мы с Толей вспомнили еще про одну нору у дальнего пригорка, возле которого могла быть лужица.

Эту нору я обнаружил случайно, когда ставил капкан. Понадобилось нам забить колышек самолова в твердую как камень землю. А чем? Вдруг вижу: на склоне пригорка в лучах заходящего солнца краснеет кирпич. Откуда он тут мог взяться — и не подумал. Подбегаю к намеченному месту, а никакого кирпича нет. Вместо него большая боковая нора с кучкой глины. Значит, показалось. Вернулся назад — кирпича не видно. Правда, и солнце за тучку зашло...

И вот решили удостовериться — что же это было? По дороге набрали из солонцовых копытец ведра полтора беловатой жижи — и к норе на склоне пригорка. Черныш сунул грязный нос в нору, дунул в нее воздух и, дождавшись его обратного хода, голову скосил! Быстро вылили воду из обоих ведер. Эх, литра три не хватило! Заглянул в нору и в глубине сумрачной ниши различил суслиную башку. Медлить ни секунды нельзя. Запускаю в нору по локоть руку и... не я ухватываю торчащую из воды голову, а она цапает меня за большой палец! Ответно и я сжимаю в ухвате пальцы и с трудом выволакиваю за щеку здоровущее чудище, не расстающееся с моим пальцем, ноготь которого прокушен насквозь. Разомкнуть хватку «кирпича» кое-как удалось лезвием ножичка. Пока я «обрабатывал» кровоточащие ранки мочой, а Толя приканчивал суслиного хана, встряхивая его до шока не одной, а двумя руками, Вовка прикидывал, сколько из него натопится жира — стакан или два?

Кизячного костра у шалашиков после дождя не разжечь. А потому приговорили «кирпича» на артельное варево — как всегда, у Вовки. Пустой двор Побежимовых и для цыганского костра сгодился бы.

Иго Гузкоротого

Еще издали, на подходе к выселкам, мы заметили странную фигуру с ведром, кого-то поджидавшую, и обеспокоились. Оказалось, не напрасно. Фигура — тот самый Гузкоротый, о котором поминал Вовка, — поджидала нас. В лихо заломленной соломенной шляпе, потертой кожанке и коричневых ботинках («мериканских — от Лены-Лизы», как позже выведет Вовка), он был на голову выше каждого из нас. О Гузкоротом шла худая слава, и редко кто из тех, кто слабее, не знал его подзатыльников, а то и пенделей. Нам с Толей пока везло: мы учились с Гузкоротым в разных сменах, а теперь, похоже, встречи не миновать. Попытались мы взять левее — поближе к завидневшимся огородным канавам, но фигура сделала несколько шагов в том же направлении.

— Че, котики, почуяли, чье сало съели? — ухмыльнувшись, заговорил Андрей, морща куриной гузкой губы. И вдруг, осерчав, сердито продолжил: — Я тут вчера перед дождем специально Суслиный луг разведывал — три норы загоном нашел! (Врет: мимо нас комар тайком не пролетит.) И что? Сегодня выливаю, а в них — голяк. Куда суслачки подевались? А их куркули прикарманили!

При последних словах «обворованный» ловец оттопырил Вовкин сидор, выхватил суслика и, бросив его в сухое чистое ведро, повернулся — с тем же намерением — к Толе.

— Стоять! — прошипел он, пресекая его попытку сбежать. — А ты особое приглашение ждешь? — Андрей шагнул ко мне, но в этот момент Черныш, оскалив зубы, грозно зарычал.

Гузкоротый резво попятился и чуть не опрокинулся на загремевшее ведро.

— Уйми свою тварь, пока она живая! — покрывая конфуз, пригрозил поборщик. Губы его опять кривились гузкой, когда он сыпал нам вслед угрозы: — Еще раз попадетесь или пикнете кому — бошки откручу!

— Вот вернется братка с выпасов, он тебе самому откролит! — с безопасного расстояния, чуть не плача от обиды, прокричал Вовка.

— Ха-ха-ха! — барабаня об ведро в такт парадному шагу, отозвался Андрей. — Пусть твой Семка сначала на штаны заработает! Так и передай ему, Косой!

— А ты Гузкоротый!

— Андрей-воробей! — добавил я.

Мою обидную кличку (Головастик) Гузкоротый, похоже, не знал, пообещав всем нам «по пенделю» при встрече.

В утешение Вовки я отдал ему третьего суслика, а толстяка, как договорились, пустили на махан с картошкой в нашем ведерном чугуне, в котором заваривали траву и отруби для скотины. Жирного варева хватило на всех, в том числе и тете Дусе с Валькой, да еще топленого сала налили целый четок. Не забыли и про Черныша, показавшего Гузкоротому зубы. Людей, кстати, он не кусал. Но веселого пира, как возле шалашиков, не получилось. Молчаливый ужин скорее походил на поминки по прежней вольготной охоте.

Рыбачить и охотиться мы, конечно, не перестали, но как — с оглядками, дозором и постоянной готовностью в случае чего снимать капканы и укрыться в овраге или Речке, где мы вырыли кроме Толиной еще две потайные пещеры. Однажды в одной из них мы и спрятались, заметив издалека на дороге, идущей через степь в райцентр Поспелиха, фигуру с ведром. А через полчаса старались не смотреть в глаза друг другу, когда вместо Гузкоротого узнали в путнике пожилую беженку Тамаркину, носившую шляпу и брюки. Бабка шла на речное стойло подоить корову.

Потом, пережив позор, мы потешались над собой, но, когда Гузкоротый со своим ухмылистым Фомочкой — ординарцем и водоносом в одном лице — целую неделю шастал по нашим займакам, было не до смеха. Особенно возле пепла сожженных шалашиков...

В нашем с Толей шестом классе учился второгодник Шурка Головёнкин, сидевший дважды и еще в каком-то классе. И не мудрено: Шурка был из забияк, рос, как все мы, без отца и предпочитал кропотливой учебе шкоды, а то и пакости. Прославился он тем, что стал жертвой одной из затеянных им проказ. Раздобыв где-то карбид, Шурка помещал его с небольшим количеством воды в пузырек и, намертво закупорив, бросал в лужу. Через какое-то время пузырек взрывался. Шурка отрабатывал самый надежный вариант «гранаты», которой собирался глушить рыбу. При очередном испытании таковая не взорвалась. Тогда Шурка выудил ее из лужи и поднес к уху — удостовериться, идет ли реакция. В этот момент и бабахнуло, попортив правую щеку наглаватой Шуркиной мордашки.

Узнав о нашей стычке с Гузкоротым, Шурка вызвался проучить грабителя, намекнув, что для этого ему было бы неплохо подкрепить истощенный организм. Однажды мы угощали его маханом и предложили заглядывать на вечерние костерки. Второго приглашения делать не пришлось. Если у нас не было похлебки, мы скармливали гостю заначки от своих обеденных паек и все, что удавалось умыкнуть: просяной хлебец, печенье картошки с луком, жареных голянов и пескариков.

У костерка Шурке оставляли единственное сиденье — ведро без дна, накрытое мешковиной. В бледных бликах кизячного пламени лицо будущего освободителя высвечивалось то ликом Ивана Грозного, то Петра... А мы, сидя на земле и глотая слюнки, зачарованно наблюдали за тем, как царь Шурка со-

средоточенно поглощал припасы и, казалось, на глазах наливался силушкой. Но у Шурки было другое мнение. Он начал подкашливать, а трогая бицепсы, удрученно покачивал головой:

— Эх, скоромного бы малость. Тогда я этого Гузкоротого в бараний рог скручу.

К счастью, Толя нашел в крапиве куриный клад — гнездо с пятью яйцами, которые в другое время сгодились бы в его бегах, а я ради Шурки покусился на кусочек свиного сала в тряпице, которым смазывали сковородку. Громы и молнии, как я и предполагал, пали на голову невинной Мурки.

Подкрепившись скоромным, Шурка понимал, что теперь причины оттягивать схватку не осталось, а я на свою беду поспешил предоставить ему повод исполнить обещанное.

Случилось так: мы с Шуркой возвращались из школы (Толя был в очередных бегах), когда за углом барака столкнулись с Гузкоротым.

— О, на ловца и зверь бежит! — понесло меня. — Только какой ты зверь — ты Андрей-воробей!

Гузкоротый, опешив от такой наглости хуторского тихони, даже свой знаменитый рот приоткрыл, а я продолжал задираться:

— Вон смотри, на проводах твое перышко телепается!

На электрическом проводе и в самом деле моталось на нитке гусиное перо — из тех, что пацаны запускали в небо, привязав дратвой к увесистой гаечке.

— Подержи! — передал Фомочке портфель Гузкоротый и двинул ко мне.

В иной обстановке я дал бы деру, но за моей спиной подкормленный Шурик, он покажет, как слабых обижать! «Где же ты, Шурка?!» — в последний раз пронеслось в моей голове, перед тем как я, успев одолеть опасную зону, с ревом обхватил Гузкоротого, а тот, хватая меня за плечи, безуспешно пытался оторвать от себя, чтобы вмазать оплеуху или дать пинка...

Прервем здесь на минутку схватку, дабы пояснить ее необычный характер. Так вот, в раннем детстве мне не давалась буква «л». «Братка, скажи — “ложка”», — то и дело приставали ко мне сестры. «Вошка», — охотно отзывался я, не понимая подвоха. Еще большую потеху вызывала у них сценка, в которой я, демонстрируя свой куриный кулачок и, очевидно, кого-то копируя, бахвалился: «Кувачок свава богу!»

Несмотря на столь высокую самооценку своего натурального оружия, я не пускал его в ход ни в детстве, ни потом. Я уже писал об издержках своего семейного воспитания в исключительно женской среде, да и наша хуторская улочка как-то обходилась без «кувачков». Ну а коль в детстве, не имеющем иммунитета против жестокости, тебя не научат мордобою, позже он вообще оказывается в твоих глазах уделом тупых неучей и хамов. Я вот до сих пор не могу уразуметь, как можно, не озверев, бить человека по лицу?

Другое дело — борьба. Тут показывай свою силу, изворотливость и смекалку. Но положить Гузкоротого на лопатки я никак не мог: слишком разными были наши весовые категории, а потому я нажимал на то, в чем был силен: ревел, как проходившие по Турксибу паровозы...

Не знаю, чем бы кончилась та схватка с Гузкоротым, если бы, заслышав мой ревун, меня не отбили старшие сестры Катя и Анна, тоже возвращавшиеся домой из школы. А Шурка? Испарился, как шиповка на мели. Больше для «подкрепления организма» он к нам не приходил.

Схватка у норы

А вот с Гузкоротым еще раз столкнуться пришлось. На второй год, по весне. Тогда к нам на один день заехал муж маминой сестры Аким Антипович — инвалид, страдавший от заболевания легких. Он-то и попросил добыть «хоть парочку» сусликов, жир и мясо которых, как он от многих слышал, помогают при его болезни.

— Сынок, вы уж постарайтесь.

Впервые мама сама дала мне «отпускную» в степь, куда раньше улизывал на часок, а возвращался чаще всего со стадом. Загоняя во двор нашу Майку, в который раз представлял дело так, будто помогал пастуху удерживать ее от попыток отбиться от стада. Мама, наш дворовый режиссер, суровых слов Станиславского не знала, а лишь приговаривала: «Пой, соловушка, пой, вишь, как Майка заслушалась, жуя твою траву». Я краснел: траву для вечерней дойки вместо меня нарвали сестрицы...

Просьбу дяди Акима и я, и мои друзья приняли как боевое задание, выполнить которое, однако, было нелегко. Не только из-за Гузкоротого, надумавшего вести наблюдение за степью с крыши своего дома и устраивать нам внезапные засады в тарначах, а еще и потому, что толком никто не знал, начался ли массовый выход сусликов из спячки. Снег на полях сошел, воды всюду было много, но земля еще не прогрелась, не отошла, и зеленая травка попадалась редко, разве что напогляд. В другое время стоило бы с ловлей обождать или сходить на разведку, но теперь такой возможности не было. Зато ничто не мешало увеличить число ловцов, взяв на охоту давно просившихся к нам малолеток — Баяна и Ваньку Михиенко. Неутомимого бегунка Вовку Павлова — из подселившейся к нам семьи родственников — Баянка прозвали за то, что он, завидя возвращающееся в село разношерстное стадо с агрессивным бараном во главе, всякий раз считал себя обязанным бежать впереди вечерней процессии копытных и оповещать всех встречных-поперечных об опасности. Выпучив от страха глазенки, он кричал:

— Баян! Баян!

Баран и в самом деле был безмозглый и свирепый: случалось, в поле он укладывал на землю пастуха и часами стоял над ним, не давая поднять голову, пока проезжий шофер не отгонял бандита с помощью заводной рукоятки.

Теперь Вовка четко выговаривал букву «р», но кличка так от него и не отлипла.

Заметно подрос, нося нормальные летние штанишки, и соседский увалень Ванька. А лет до трех, в пору неразумности, он бегал по улице в гениально пошитых портках: их прореха простиралась «от пупка до копчика» и автоматически приходила в боевое положение при любом Ванькином приседании — просто так или по нужде. Нынешние памперсы во многом проигрывают тем, Ванькиным...

Вот с таким славным пополнением вышла поутру наша ватажка на промысел. В полуверсте от села, поперек нашему пути и господствующим юго-западным ветрам, рваными грядами вставали густые заросли тарначей, в которых за зиму набивался бумажный мусор — обрывки газет, какие-то бланки, листы бухгалтерских отчетов. Однажды возле тарначей в замерзшей луже мы нашли целый рубль, тот, «со Стахановым», держащим на плече отбойный молоток. Мы с Толей ждали часа два, пока он не вытаял на солнце.

И на этот раз в тарначовых гребнях застряло немало бумажных разностей. Но теперь было не до них, как и не до сбора «пашкаренки» — мелких белых лишайников, в отваре которых красились в оранжевый цвет пасхальные яйца. Растянувшись цепью, мы искали суслиные норы. И только. Один, правда, раз Вовка Побежимов позвал поглядеть и понюхать стародубку — щурящийся на солнце желтый первоцвет — адонис.

Суслиные жилища выдавала выброшенная из нор глина, а свежие следы и помет на ней — наличие хозяина. Но ни того ни другого мы в тот день не увидели. А ведь обошли все знакомые места. Пусто было и на Суслином лугу, и на дальнем косогоре, где добыли полуторакилограммового толстяка. Эх, такого бы для дяди, но пока не было и захудалого. И вряд ли будет: возле тарначей мы уже замыкали охотничий путик, оказавшийся так некстати пустым.

Раньше, опасаясь засады, мы обходили тарначи стороной, а теперь — без добычи — свернули поисковую цепь и пошли к дому напрямик. Только Баян-бегунок продолжал выписывать перед нами заячьи петли, как делал это раньше перед стадом, оповещая о бодливом баране. И вдруг он закричал:

— Нора! Нора!

Первым к Баяну подскочил Черныш, нюхнул коловую нору и удивленно скосил голову: мол, как это я ее не заметил?

— Есть, есть! — завопили все мы, сгрудившись возле находки Баяна и одобрительно хлопая его по спине.

Любуясь свеженькой, возможно только что откупоренной изнутри норкой, мы не заметили, как из тарначей поднялся Андрей Райков и явился перед нами «серым волком под горой». Скользя взглядом по пустым сумкам и растолкав стоявших на пути, он шагнул в центр круга.

— А ну брысь от моей норы! — приказал Гузкоротый, втыкая в «коловушку» пятак желтого ботинка.

Круг сомкнулся за ним, но никто не сдвинулся с места. Окруженный со всех сторон, Гузкоротый почувствовал неладное.

— Вы что, оглохли? Марш за водой!

И снова никто не пошевелился. Тогда налетчик опасливо стал оборачиваться влево-вправо, не отнимая, однако, пятки от норы, будто из нее мог выскочить суслик. Это ли его подвело или то, что, попятившись от нас с Толей, он споткнулся об упавшего Ваньку и рухнул на спину сам, а мы не мешкая оседлали у него кто руку, кто ногу, да так и припечатали «серого волка» к холодной земле. Андрей раза два дернулся, но куда там: на правой ноге — Вовка Побежим, на левой — клещами — Ванька с Баяном; а мы с Толей налегли на его распятые руки. Черныш, часто дыша через пасть и роняя слюнки, сидел у изголовья Андрея в запасных.

— Отпустите, — прохрипел Гузкоротый, косясь на Черныша.

— Как, ребя, отпустим?

— Если не будет к нам приставать.

— Не буду...

— И пусть поклянется!

— Клянусь...

Мы дружно встали, готовые к новой свалке, но Гузкоротый быстро поднялся и, не говоря ни слова, без оглядки потопал восвояси.

А у нас весело, нарасхват загремели ведра...

Домой — с добычей для дяди Акима — летели как на крыльях. А впереди — с припрыжкой, петлями — Баян.

Прости, Суслиный луг!

Вовремя же мы сбросили иго Гузкоротого! Всего неделей позже не смогли бы, так как Семен на все лето забрал Вовку на выпаса. Да и мы с Толей, считай, разлучились: он снова ударился в бега, а меня основательно впрягли в работу. Поделка кизяков, огород, сенокос — само собой, а главная докука — нескон-

чаемая стройка. Из ивняка, глины и соломы мы с мамой лепили, как ласточки, клетушки для скота и птицы, мостили крыши саманного дома и пристроек...

Зато теперь можно было безбоязненно ходить на охоту в одиночку, чем я в очередной раз и воспользовался, несмотря на наказ мамы караулить во дворе цыпущек. Оставив вместо себя Черныша, привязанного на длинную веревку, я умотал с одним капканом на Суслиный луг. Брать второй самолов не имело смысла. Ближнюю степь мы заметно обловили, а идти на более добычливые места за железную дорогу или в Заречье у меня не было времени.

Хорошо еще, что и на этот раз выручил луг. На нем, недалеко от норы, пасся всего один суслик. Да и тот удирал какими-то неуклюжими прыжками, припадая на одну сторону.

Насторожив капкан на выходе из боковой норы, я часа полтора бродил по окрестностям луга в поисках гусинолука — самого раннего и желанного лакомства. Он попадался редко, только дразня аппетит, зато было вдоволь желтых кисловатых петушков тарнача и сочного слизуна, найденного в солонцовой низине. Оставалось взять главную добычу — у норы — и возвращаться.

Но капкан, увы, все еще стоял в суслиной прихожей с распростертыми дужками...

Обычно суслики, у которых мы прерывали трапезу на лугу, вскоре ее возобновляли. Мог бы и этот, загнанный в нору, снова отправиться на луг, но почему-то не покидал жилье. О неуклюжем и строптивом суслике, задерживающем меня в степи, я думал все неприязненнее.

Мне даже захотелось присутствовать при его наказании за вредность, для чего я не стал возвращаться на свои «выпаса», а тихо присел на землю у тыльной стороны норы. Подожду на месте. Сработает капкан — а я тут как тут...

Время потянулось томительно и в какой-то тревоге, усиливаемой нарастающим гулом проходящего — в версте от луга — пассажирского поезда. Отсюда он кажется игрушечным. Бегут, торопятся куда-то вагончики с людьми. Скоро и я поеду вот так же — к тете Лене и дяде Акиму в их неведомую Боровлянку Троицкого района, где есть средняя школа. А в нашем Мамонтове ее на третий год войны объявили семилеткой и пока не перевели опять в десятилетку. Две мои старшие сестрицы уже закончили техникумы, младшая училась в Рубцовском педучилище, а у меня появилась возможность продолжить учебу в средней школе и, если получится, в институте.

Предстоящий отъезд — даже на время — очень меня тревожил, ведь я не мыслил свою дальнейшую взрослую жизнь где-то за пределами нашего хутора и совхоза. Мечтал: буду работать агрономом, охотиться...

В то время я запоем читал аксаковские «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», во вступлении к которым Сергей Тимофеевич выказывал особые симпатии «охотникам деревенским, далеко живущим от столиц и небогатым». Да это же про меня и Толю!

Мечтая об охоте, мы упорно мастерили поджиги, а затем решились на сумасшедшую затею — копить медяки на ружье. Алюминиевая банка с мелочью тяжелела туго, и мы взяли в компаньоны пучеглазого Петьку Тарабанова, прославившегося тем, что всюду, где заходила речь о войне, он повторял слова отца-фронтовика о роковой ошибке Гитлера, состоявшей в том, что он «сильно потрепал Лондон», чего не стоило делать. Наша же с Толей не менее роковая ошибка была в том, что показали Петьке скрытую нишу в огородной канаве, где хранилось наше сокровище. Только мы его и видели...

Но еще большее расстройство испытывал я оттого, что пернатая дичь, представленная в «Записках» Аксакова, не водилась у нас — ни дроф, ни косачей, ни уток...

Утешением, хотя и слабым, были страницы с описанием охоты на пигалиц (чибисов) и других мелких куликов, вымерявших и наши болотца тягучими шажками. Похоже, и у этих долгоносиков становилось меньше гнездовых угоний, а уж меня их явная убыль просто удручала. Необъятные ранее, они каким-то непостижимым образом съеживались, как сырая суслиная кожа, распятая для сушки на доске. Вот и наш райцентр Пospelиха, сколько я себя помнил, маячил своим элеватором где-то на краю света, а теперь до него рукой подать. Да и Суслиный луг...

Я не успел домыслить, до чего измельчала зеленая чаша нашего кормильца, как рядом со мною послышался жалобный скулеж... моего Черныша — как в пору, когда он был беспомощным щеночком. Я даже оглянулся — не ползет ли ко мне с повинной сторож, сбежавший со двора? Никого.

Насторожившись, я услышал более явственно не только сдавленные пiski, но и какие-то шебаршения, скребки, шедшие из-под земли буквально в метре от меня! Догадываюсь: да это же мой суслик усердно роет отнорок наверх, чтобы вырваться из своего жилья, выход которого вновь перекрыло коварное устройство, укрытое травкой. Однажды оно, клацнув челюстями, перебило его лапку, кожу которой пришлось перегрызть (я припомнил, как неуклюже ковылял суслик, убегая к норе).

Один удар пяток о землю пресек бы у суслика замысел побега, но я замороженно прислушиваюсь к пisku и возне, представляя, как пленник в темноте и тесноте вгрызается в дерн, из последних сил рвет зубами и коготками тенета корешков. Было, было отчего по-щенячьи скулить трехлапому...

Никогда еще не жалобило меня так чье-то скуление, не скребло по нутру коготками. Впервые я услышал не злого, кусачего грызуна, собратьев которого мы нещадно добывали, а обиженного, рвущегося на свободу узника.

Впервые... А ведь это не так! Я припомнил вдруг самую первую в моей жизни встречу с серым сусликом — за околицей нашей усадьбы. Мне было года четыре, когда шагах в двадцати от себя увидел его — стоящего столбиком крошечного человечка в серой шубке, глазастого, со свешенными по-собачьи ручками. Долго, знакомясь, смотрели мы друг на друга, пока я не сделал несколько шажков навстречу. Человечек припал на четвереньки, обернувшись игривым зверьком. Он занырнул в боковую нору, но тут же стал с любопытством из нее выглядывать. Скроется и снова — зырь! Наверное, мы понравились друг другу.

Вот и сейчас может состояться встреча — с глазу на глаз. Пятачок дерна, что в метре от меня, уже заходил ходуном. С треском шевельнулся и занырнул под землю пучок ежистой, но очень мягкой травки. Вот-вот высунется серая головка, зыркнет настороженный глазок.

Я не хочу, чтобы в него вселился ужас. Тихонько встал, вытащил колышек капкана и пошел домой, зная, что не смогу больше делать то, чему однажды научили нас с Толей на первой охоте — за огородами...

А в небе запел жаворонок. Трепеща крылышками, он орошал сияющую степь трелями радости и восторга от жизни. Он пел так всегда, все прожитые мною весны — только я этого прежде не слышал.

Ирина МАХНАНОВА

ЛУЧИВШИЙСЯ ЖИЗНЬЮ

Борис Пантелеймонов: дополняя образ

Яркая, необычная биография и творчество Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888—1950) представлены в трехтомном собрании сочинений писателя, изданном министерством культуры Омской области в 2014 г. Ряд архивных фактов, которые стали известны уже после публикации очерка о нашем земляке, дополняют его образ новым штрихами.

«Румяный мир земли» Бориса Пантелеймонова сохранился в советской и зарубежной научной литературе, книгах и периодике Европы и Северной Америки, в изданиях русской эмиграции, а также — в единственной книге, опубликованной в прошлом веке в Москве, и трехтомнике, изданном через двадцать с лишним лет в Сибири. Его мир охватывает, притягивает. Село Муромцево Бергамацкой волости Тарского уезда — малая родина писателя, — особенно в первых рассказах, постоянно находится в непосредственной близости. В каждой строчке — параллели судьбы. В основе творчества — автобиографическая проза-воспоминание. Мы стараемся отыскать неизвестные факты, сложить крупинцы судьбы нашего земляка.

«При своей английской внешности это была самая безудержная русская натура, — писала о Борисе Григорьевиче Надежда Александровна Тэффи, русская писательница, поэтесса, мемуарист, переводчик. — Наука, химия, открытия —

и это было пламенно, в каком-то поэтическом восторге»¹. Борис Григорьевич строил химические заводы, разрабатывал новые месторождения, преподавал. Был успешным химиком и в годы эмиграции. Но всегда рядом была литература. Он писал с юности, создал специализированный журнал, публиковал результаты своей научной работы в массовых изданиях.

Литература, по воспоминаниям Н. А. Тэффи, «как-то ошеломила Пантелеймонова». Может быть, потому, что помогла раскрыться всему истинному, «родному». «Родное» («Родная дорога» — его первый рассказ, опубликованный в 1946 г.²) — суть авторского бытия, творческий манифест, ностальгическое возвращение в годы сибирского детства и юности.

Муромцево. Родные

Мать Бориса Григорьевича Фекла Афанасьевна Пантелеймонова (в девичестве — Окунева, выпускница Тобольской гимназии) и бабушка Анна Игнатьевна (в девичестве — Грязнова) — из семей первых поселенцев Бергамацкой слобо-

¹ Тэффи Н. А. Мой друг Борис Пантелеймонов // Тэффи Н. А. Смешное в печальном. — М., 1992. — С. 479—480.

² Новоселье, 1946, № 29—30 (из фонда Бицилли П. М., Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Рукописный отдел).

ды, переехавших сюда в конце XVIII в. Прадед Трифон Тимофеевич Окунев был тарским купцом. Дед Афанасий Трифонович продолжил семейное дело. Был владельцем салотопного завода в селе Муромцево, на котором производилось до тысячи пудов сала в год. Имел также свечное производство. Стал купцом 2-й гильдии³.

Отец, Григорий Алексеевич, был родом из Ишимского уезда Тобольской губернии. Родился в 1852 г. Определенное время жил в Омске в Новослободском форштадте. Женившись, вышел в отставку и поселился в селе Муромцево в доме жены. Натура деятельная «до невероятия», отец тринадцати детей, он был постоянно в делах, от жизненных забот порой «путая имена детей», никогда не отчаивался, трудности преодолевал легко, без сомнений, уверенно полагая, что следующее предприятие непременно будет прибыльнее. Умер «города Тары мещанин Григорий Алексеевич Пантелеймонов» в мае 1905 г. от внезапного плеврита⁴.

Дядя Бориса, Владимир Алексеевич, сын канцелярского служащего, родился в 1858 г. В отставке поселился в семье брата. Восторженно-ярким сохранился образ дяди в детской памяти Бориса. Через долгие годы он вновь ожил. Незабываемые, озорные «Приключения дяди Володи» — замечательная детская проза, с ребяческим юмором, выдумками, размышлениями об окружающем мире. «Пантелеймонов в своем прелестном рассказе “Св. Владимир” — это Марк Твен в его лучших произведениях», — написал профессор университета Оклахомы Гергард Винс⁵. Литературный критик В. Александрова в периодическом лите-

ратурно-политическом издании «Новый журнал» отмечала, что рассказы Бориса Григорьевича пронизаны «светлой радостью найденного пути в далекое детство и в мир доброго чуда, которая кажется самой характерной чертой творчества Пантелеймонова»⁶.

Дед Бориса Алексей Петрович воспитание получил в уездном училище. В 1844 г. поступил на службу в Бельский уездный суд Смоленской губернии. В 1848 г., будучи «канцелярским служащим 3-го разряда», подал прошение смоленскому губернатору, касающееся места пребывания в Тобольской губернии высланного в Сибирь отца и выехавших с ним матери Елены Семеновны и двух малолетних братьев — Михаила и Николая⁷. Позднее и Алексей Пантелеймонов перебрался в Сибирь. Алексей Петрович в 1851 г. «по прошению его» определен канцелярским служащим в штат Тобольского губернского правления. Позднее назначен помощником столоначальника, через четыре месяца — столоначальником, в 1857 г. — секретарем Омского городского суда, с 1863 г. служил в Омском окружном суде. Сын Григорий родился от первого брака, во втором браке с Гусевой Анной Антоновной родился сын Владимир (дядя Володя) и дочь Александра⁸.

«Дедушка Дигби», прадед Бориса Пантелеймонова по линии отца, по семейной легенде, прибыл «из дальней стороны», возможно, действительно был англичанин. Единственный человек с таким именем упоминается в документах Российского государственного архива древних актов⁹. Погружаясь в письма, записи, челобитные — единицы хранения описей фонда «Сношения с Англией», — понимаешь, что наш герой о многом знал, ве-

³ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В 2-х т. / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск, 2012. — Т. 2, с. 115.

⁴ Исторический архив Омской области (далее — ИАОО), ф. 3, оп. 7, ед. хр. 10616, л. 798; ф. 16, оп. 6, д. 681, л. 93.

⁵ Wiens G. Books abroad, 1947 // Пантелеймонов Б. «Зеленый шум». Отзывы печати. Издание Е. Н. Розен. — Нью-Йорк, 1948. — С. 4.

⁶ Александрова В. Художественная проза в эмиграции // Новый журнал, Нью-Йорк, 1949, кн. XXI, с. 229—300.

⁷ Государственный архив Смоленской области, ф. 1, оп. 2, д. 364, л. 1—7; ф. 2, оп. 42, д. 1610, л. 1—2.

⁸ ИАОО, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 4915, л. 591.

⁹ Российский государственный архив древних актов, ф. 35, ед. хр. 675, оп. 1—4.

роятно, по устным семейным рассказам, что и предопределило выбор профессиональных занятий.

Во второй половине XVI — первой половине XVII века англичане в России были представителями Московской компании, по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича имели право свободно и беспошлинно торговать в России, держать свои дворы в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. Известно, что в 1635 г. представитель этой компании С. Дигби купил у английского алхимика Артура Ди, личного врача царя Михаила Романова, большой каменный дом возле Ильинских ворот, недалеко от Кремля, где располагался Аптекарский приказ. Размеры купленного дома — около 420 футов в длину и 224 в ширину — свидетельствуют о том, что он жил в роскоши¹⁰.

Вероятно, дедушка Дигби из одноименного рассказа Б. Г. Пантелеймонова — это тот самый торговый агент Московской компании, полномочный представитель Англии, посланный в Россию королем Карлом I с грамотой и подарками, прибывший 6 августа 1635 г. с женой, детьми и людьми на карбусах к Архангельску. Позднее он получит жалованную грамоту царя Михаила Федоровича о даче ему на десять лет монополии на производство силами русских рабочих людей и вывоз за границу золы (поташа) в Ярославском, Вологодском, Тотемском, Устюжском и Двинском уездах. По другим историческим источникам, англичанин С. Дигби «в начале 1640-х гг. получил монополию на жжение золы для поташа — технического компонента, нужного для многих производств (суконного,

кожевенного, мыловаренного и т. д.), на десять лет по рекам Ваге, Двине и Югу, а также на покупку золы у местных крестьян». Вологда в те годы была важнейшим перевалочным пунктом торгового маршрута Москва — Ярославль — Вологда — Устюг Великий — Холмогоры. Из Вологды осуществлялась связь центра с Сибирью через Устюг Великий и Соль Вычегодскую¹¹...

Вдова Саймона Дигби и ее племянник уже при царе Алексее Михайловиче продолжили дело. И далекий праправнук не забудет о своем происхождении и занятии предков. Даже внешне, как вспоминали современники, он был похож на английского лорда.

Города и страны

Взросление и первые шаги самостоятельной жизни Бориса оказались насыщенными. В 1905 г. в Красноуфимске он подвергся обыску и содержался полтора месяца под стражей по делу об ученической забастовке в Промышленном училище. Позднее, 22 ноября 1907 г., снова был заключен под стражу по более серьезному поводу. При аресте на этот раз были найдены 15 чистых паспортных бланков и три фотографические карточки убийцы начальника Главного тюремного управления. Спустя два с лишним месяца, 5 февраля 1908 г., премьер-министру П. А. Столыпину в Санкт-Петербург была отправлена телеграмма:

Голодают Красноуфимской тюрьме девять суток близки смерти многократно подавали прошения жандармское правление произвести дознание отчаявшись ответе голодают просьбы родных администрация не удовлетворяет судят третий месяц дела не сложные допроса не производят просим удовлетворить просьбу мать рычкова брат пантелеймонова.

¹⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. С. 262; Рихтер В. История медицины в России. — М., 1820. — Ч. II, с. 142. Подробнее см. в кн.: Фигуровский Н. А. Алхимик и врач Артур Ди (Артемий Иванович Дий), перевод: Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР, под научной редакцией Олега Фомина. URL: <http://www.arthania.ru/node/174> Текст с экрана (дата обращения 15.02.2012).

¹¹ Булгаков М. Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII века // Вологда: краеведческий альманах, 2003, вып. 4.

Родственникам 12 февраля было объявлено, что «телеграфное ходатайство оставлено министром без последствий». Из другого дела известно, что переписка рассмотрена на Особом совещании и по постановлению министра внутренних дел Пантелеймонов и Рычков были высланы под гласный надзор полиции на 2 года, считая срок с 5 мая 1908 года.

Вологодская губерния — следующее место пребывания Бориса. Именно сюда он был выслан и более двух лет пытался доказать свою невиновность¹². Ссылку отбывал в Усть-Сысольске (об этом мы узнаем из письма Пантелеймонова Питириму Сорокину, русско-американскому социологу и культурологу¹³). Указание на этот город есть и в адресе письма политического ссыльного Б. Г. Пантелеймонова в редакцию петербургской газеты.

Г. Редактор! Прошу не отказать в помещении прилагаемой заметки в «Современном слове». Желательно, чтоб она появилась в ближайших номерах, т. к. возможно, что ее появление может несколько смягчить положение пострадавших ссыльных, о которых я пишу в ней. Гонорар предлагаю определить Вам. С почтением Б. Пантелеймонов (автограф). 10/II. 10 г.¹⁴.

Пославший это письмо явно должен был обладать определенной внутренней свободой, иметь независимое мнение, быть уверенным в своей правоте и невиновности.

Возвращение на родину, в Сибирь, подтверждается свидетельством о явке к исполнению воинской повинности, выданным Тарским уездным присутствием 15 июля 1910 г. за № 1770 (по участковому призывному списку № 321). При призыве зачислен в ратники государственного ополчения I разряда.

¹² Государственный архив Пермского края, ф. 65, оп. 3, д. 295, л. 1—5.

¹³ Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П. П. Кротова. — Вологда, 2009.

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 2150, оп.1, ед. хр. 2, л. 22.

Однако он все еще пребывает в неблагонадежных. Так, 13 октября 1911 г. начальник Пермского губернского жандармского управления адресует начальнику Московского охранного отделения следующее донесение: «Состоящий под негласным наблюдением в городе Красноуфимске бывший ученик Промышленного училища Б. Г. Пантелеймонов с женой Агриппиной Герасимовой (имя первой жены; так же и в другом документе: “женат на дворянке Агриппине Герасимовне Максимовой”. — И. М.) из города Красноуфимска в последних числах минувшаго сентября выбыл в город Москву». До апреля 1912 г. Пантелеймонова будут искать в Тамбове, Тарусе, Калуге — переписка ведомств сохранилась. Только с 22 августа 1912 г. он зарегистрирован по московскому адресу в Вятском перулке, д. 8.

Московские годы — период профессионального становления. Начиная с 1913 г. в справочнике «Вся Москва»¹⁵ находим сведения о Пантелеймонове Б. Г., проживающем по указанному адресу. В течение полутора лет Борис Григорьевич выпускает собственное издание. Этот практический общедоступный журнал был посвящен «разработке вопросов мыловаренного производства и связанных с ним парфюмерного, косметического, масляного, маслостойкого, выделки аппретуры для тканей и кожи, выделки нефтяных препаратов, смазочных масел и мазей, гарного масла, олифы, лаков, медицинских и дезинфекционных мыл и пр.»¹⁶.

Негласный надзор между тем продолжался: сотрудники московской полиции собирали сведения о Борисе Григорьевиче в тонкую розовую тетрадку, озаглавленную

¹⁵ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. — М., 1913.

¹⁶ Библиография периодических изданий России. 1901—1916. — Алфавитная часть. Электронное научное издание «Периодика» // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb2/bb2-3672.htm> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

ную «Мыловар» (выходил ли из дома, в какое время вернулся и пр.).

Являясь издателем и редактором журнала «Мыловаренное дело», а также химиком-лаборантом завода Кепа в Москве (еще одна ранее неизвестная должность! — И. М.), Б. Г. Пантелеймонов 3 октября 1913 г. снова взят под стражу. Дело «прекращено без веских последствий» для задержанного, он был освобожден 7 октября. Основанием для указанных событий послужило требование начальника Лифляндского губернского жандармского управления от 1 октября 1913 г. о задержании Пантелеймонова вследствие ареста в г. Риге транспорта нелегальной эсеровской литературы, направлявшейся на его имя в город Москву. В данном деле Департамента полиции имеется также отметка, что при обыске «ничего компрометирующего не обнаружено».

В декабре 1914 г. — шла Первая мировая — Пантелеймонов был призван в армию и назначен на службу в 192-й пехотный запасной батальон, но потом отправлен на обучение. С таким решением, возможно, связано данное в апреле 1915 г. канцелярией МВД свидетельство «по приказанию Московского градоначальника, сыну чиновника Борису Григорьевичу Пантелеймонову, вследствие его о том ходатайства для представления при поступлении в одну из школ для подготовки офицеров в военное время, в том, что он, проситель, за время проживания в Москве под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полицией не замечен». Пантелеймонов был зачислен во Вторую Петергофскую школу прапорщиков 3 июня 1915 г.

В 1915—1916 гг. Б. Г. Пантелеймонов служил в 328-м пехотном Новоузенском полку, получил две награды: орден Святого Станислава III степени с мечами и бантом и орден Святой Анны III степени — за участие в боях у сел Баламутовка и Живачув в составе 9-й химической команды.

В июне 1917 г. Пантелеймонов был избран своей военной частью гласным в Московскую городскую думу (по списку социалистов-революционеров).

Через два года бывший эсер был арестован уже новой, советской властью. В октябре 1919-го он состоял в должности заведующего химическим отделением хозяйственно-материального управления Московской железной дороги. Тогда в адрес Московской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности из Управления железных дорог было направлено письмо о том, что «арест т. Пантелеймонова вредно отзываясь на работе вверенного ему Отделения, выполняющего целый ряд ответственных срочных заданий», с просьбой «в интересах дела о срочном его освобождении». На титульном листе дела имеется скромная отметка «освоб. 15/XI—19 г.». По сути, под арестом Борис Григорьевич находился несколько дней, но... Дата еще одного (?) ареста — 22.12.19, которая значится в официальной формулировке дела, — осталась без каких-либо сопроводительных документов, также имеется отметка: «07.02.1922 МЧК дело прекращено без указания оснований, из-под стражи освобожден»¹⁷.

Загадки остаются... При сопоставлении сведений разных архивов становится понятно, что арест действительно был кратковременным. Из личного дела Российского государственного архива экономики узнаем, что осенью 1919 г. Б. Г. Пантелеймонов «от призыва не освобожден» и находится на военной службе, командирован Главным бюро учета технических сил в Хозяйственно-материальное управление. Народным комиссариатом путей сообщения 2 октября 1919 г. (в те дни, когда Борис Григорьевич находился под арестом!) возбуждено ходатай-

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации, ф. 10035, оп. 1, д. № П-58300, л. 3—7, 9, 10.

ство «о зачислении его на особый учет как железнодорожника».

По документам другой архивной папки известно, что с 1 января 1920 г. Б. Г. Пантелеймонов работал старшим инженером-инспектором бывшего Отдела ЦХС (Центрального химического совета (?) — И. М.), с 1 июня — начальником Семеновского химического завода, с 24 сентября — «инженером для поручений п[ромышленного или производственного]/отдела снабжения». Все должности в послужном списке указаны с соответствующим им жалованьем: зав. химическим отделением — 2900 руб., директор сахарного завода «Фармак» — 3000 руб. в сентябре 1919-го, через год жалованье увеличилось до 5625 рублей.

Продолжая химические научно-практические занятия, в сентябре 1921 г. Борис Пантелеймонов направляет две заявки на получение патентов — на изобретение способов очищения амида ортотолуолсульфокислоты и амидирования жидких сульфохлоридов ароматического ряда. В 1922 г. в издательстве «Товарищество «Просвещение»» Борис Григорьевич издает научную работу «Анализ сахара и сахаринсодержащих веществ». Существует отзыв на эту книгу, опубликованный в «Известиях ВЦИК»:

Книжка Пантелеймонова об анализе сахара заслуживает быть отмеченной. Автором с редким трудолюбием и педантичностью собраны сведения по данному вопросу, раскиданные за тридцатилетний период по многочисленным немецким, английским и американским журналам, причем обработка этого материала должна быть признана безусловно удачной.

Для наших врачей, аналитиков и гос. инспекции книжка Пантелеймонова чрезвычайно полезна, и появление ее как нельзя более своевременно...¹⁸

После революции Борис Григорьевич участвует в строительстве частных

¹⁸ Известия ВЦИК Советов, 1922, 8 августа, № 176 (1615).

и государственных химических заводов в Москве, Одессе, Крыму, связанных в основном с выработкой углемагниевого соли из рапы.

В мае 1923 г. Пантелеймонов подает записку руководителям Государственного акционерного общества «Мельстрой» о необходимости использования залежей хлористого магния в России, а в сентябре 1923 г. по поручению «Мельстроя» совместно с профессором И. А. Кабуловым производит обследование на Сакских промыслах и Сакском бромном заводе. В заключении авторы отмечают, что предложенная выработка «признается безусловно легко осуществимой и экономически настолько выгодной, что продукт можно выпускать по цене, по крайней мере вдвое меньшей существующей. Возможность выработки по сырью не ограничена и может быть поставлена для всей России»¹⁹.

В декабре этого же года Крымским государственным соляным трестом заключен договор с инженером Б. Г. Пантелеймоновым на постройку в Саках хлормагнезиевого и магнезиевого заводов по его проектам. В январе 1924 г. начала работать временная магнезиевая установка, а в июне запущен хлормагнезиевый завод.

Прошло четыре года. Крымский завод упятерил свою продукцию, дойдя до восьми тысяч тонн в год. Он стал крупнейшим предприятием почти всего Крыма²⁰.

В марте 1927 г. Ф. М. Пантелеймоновой (вероятно, второй женой Бориса Григорьевича) направлено заявление на получение действительным изобретателем Б. Г. Пантелеймоновым еще одного патента — на изобретение способа из-

¹⁹ Пантелеймонов Б. Магнезиевые соли из Сакского озера и промышленное применение солей магния. — М., 1925. — С. 124.

²⁰ Пантелеймонов Б. Использование соляных озер (рапные производства) // Наши достижения, 1929, № 2, с. 134.

влечения брома из водных растворов. В 1927 г., уже в Одессе, Борис Григорьевич занимается строительством хлормagneзиевого завода.

В 1929 г. Б. Г. Пантелеймонов был направлен в заграничную командировку в Германию для закупки удобрений, участвовал в химическом конгрессе. По просьбе М. Горького написал для советского журнала «Наши достижения» статью «Использование соляных озер (рапные производства)»²¹.

Истинные причины «невозвращения» Бориса Григорьевича на родину, подтвержденные документами, надеемся, станут известны из дальнейших поисков в российских и зарубежных архивах. Скажем только, что в СССР те масштабные задачи в химической промышленности, которые ставились Пантелеймоновым, успешно выполнялись.

В 1930 г. горным инженером из Сибири М. А. Новомейским и англичанином майором Таллоком была получена концессия на добычу брома и поташа из вод Мертвого моря. В 1931 г. появилась Палестинская поташная компания, которая уже через год поставила первые партии брома и поташа на британский рынок. Вплоть до второй половины 1930-х гг. Борис Григорьевич активно работал с Новомейским, был его близким соратником и помощником²².

В Палестине в начале тридцатых годов Б. Г. Пантелеймонов женился на двадцатилетней Зинаиде Крумбах. После ссоры уехал за ней в Бейрут, где стал работать в красильной лаборатории Леви. После бракоразводного процесса в сентябре 1935 г. инсценировал самоубийство (отравление), о чем как о состоявшемся факте сообщили ближневосточные газеты²³.

²¹ Там же, с. 128—135.

²² Гельман З. Е. Сибиряк и Мертвое море // Химия и жизнь, 2006, № 11, с. 53.

²³ Агурский М. Сибиряк на Мертвом море // Евреи в культуре русского зарубежья: сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1. 1919—1939 гг. — Иерусалим, 1992. — С. 88.

В конце 1930-х Б. Г. Пантелеймонов уезжает во Францию. В Париже в 1937 г. по рекомендации инженера В. Залкинда он знакомится с русским писателем-эмигрантом А. М. Ремизовым. За несколько лет до этого Борис Григорьевич направлял Алексею Михайловичу стихи поэтессы Нахичеванской. Возможно, это были его собственные стихи. У Ремизовых Пантелеймонов встречает Тамару Ивановну Кристин, ставшую впоследствии его женой²⁴.

Тамара Ивановна, по воспоминаниям Н. А. Тэффи, «любила и понимала литературу. И у нее было художественное чутье». Работала художником, скульптором. После смерти Бориса Григорьевича, вероятно, отвечая на заданный вопрос, она написала русскому поэту, художественному критику, организатору выставок и издателю С. К. Маковскому: «...у Бориса Григорьевича никогда не было детей — ни в России, ни за границей. И это было для него большое горе»²⁵.

За короткое время Борис Григорьевич устраивает свой быт, покупает дом в парижском квартале Монруж. Активно занимается научными разработками, выступает с лекциями в Народном университете, Союзе русских дипломированных инженеров, Обществе русских химиков. Темы его выступлений: «Химическая кустарная промышленность. Возможность ее изучения и использования как средства заработка», «Породные бетон и гипс, их свойства, стоимость и возможность производства средствами малых антреприз», «Дисперсная система, жидкость и газ», «Органическое стекло», «Пластические массы»²⁶.

²⁴ Ремизов А. Стекольник // Грани, 1952, № 15, с. 3—13.

²⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 5212, оп. 1, ед. хр. 364, л. 7.

²⁶ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. — М., 2005. — Т. 4, с. 150.

Во время Второй мировой войны Борис Григорьевич активно участвует в движении Сопротивления. Профессиональные знания Пантелеймонова, многолетний опыт прикладных химических разработок оказались крайне востребованными в эти трудные годы. В его доме, который стал своеобразной штаб-квартирой, бывало так: «Спало на полу вповалку у него в кабинете по двенадцать человек. <...> Тайно ночью, почти впотьмах, приготавливал у себя в лаборатории взрывчатые вещества. Молодые сотрудники уносили их потом потихоньку в маки²⁷».

В 1945 г. культурно-просветительский отдел Союза советских патриотов издает брошюру Б. Г. Пантелеймонова «У подножия промышленной пятилетки. Ударничество. Очерки» — яркий образец просоветской зарубежной публицистики. В этот период он активно сотрудничает с еженедельной литературно-сатирической газетой «Честный слон» (редактор Д. Ю. Кобяков), газетой «Советский патриот» (редактор Д. М. Одинец).

С 1946 г. Пантелеймонов начинает активно заниматься литературной деятельностью. Знакомится с Н. А. Тэффи, И. А. Буниным, издает «Русский сборник», пишет рассказы, биографические очерки «Встречи со старыми писателями», публикует статьи в периодической печати. Помимо того, руководит компанией «ОРГНО», при которой продолжает работать его лаборатория химических исследований.

Вероятно, через влиятельного Аркадия Вениаминовича Руманова, юриста, журналиста, мецената, коллекционера, в то время литературного секретаря газеты «Советский патриот», Пантелеймонов знакомится с советским послом во Франции А. Е. Богомоловым. Просоветская тематика звучит в публицистике Бориса Григорьевича все более убежденно. Подобная активная деятельность воспри-

нималась за границей неоднозначно. Некоторые представители старой эмиграции смотрели на Пантелеймонова с опаской (особенно Б. К. Зайцев, который всюду искал происки Советов). Литературный критик и мемуарист А. В. Бахрах вспоминал, что «П. “за рюмочкой коньячку” усиленно пропагандировал необходимость получения советского паспорта, и ему, кажется, удалось соблазнить некоторых из “малых сих”»²⁸.

Ученый-советолог М. Агурский также счел необходимым упомянуть в своем очерке парижские слухи о том, «что Пантелеймонов якобы правая рука советского посла в Париже Александра Богомолова и спаивает по его заданию Бунина и Тэффи», которые встречались с Борисом Григорьевичем весьма охотно и очень его любили. Некие намеки находим и в недобрых мемуарах Н. Н. Берберовой, русской писательницы, автора документально-биографических исследований. Еще резче о том же сказано в «Биографическом справочнике», приложенном Берберовой к ее мемуарам, в заметке о Сергее Маковском, который «пытался провести в правление Союза поэтов некоего Б. Пантелеймонова, человека подозрительного, который был забаллотирован после того, как я потребовала тайного голосования»²⁹.

В июне 1946 г. Б. Г. Пантелеймонов публично получает паспорт гражданина СССР³⁰. Он ведет активную деятельность, являясь председателем нескольких научно-технических объединений, читает в Комитете «Франция — СССР», Союзе советских патриотов доклады о Сибири, в том числе и на французском языке, в Объединении русских писателей и поэтов во Франции — свои про-

²⁸ Бахрах А. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. — М., 2005. — С.184.

²⁹ Носик Б. М. Русский XX век на кладбище под Парижем. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-390513.html> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

³⁰ Советский патриот, 1946, 5 июля, № 89.

²⁷ Маки — партизанские отряды (от франц. maquis — кустарник).

изведения³¹. В парижском издательстве «Подорожник» выходят три его книги («Зеленый шум» — 1947, «Звериный знак» — 1948, «Золотое число» — 1949), четвертую он готовит к изданию («Последняя книга» — издана посмертно в Нью-Йорке в 1952 г.). Творческий путь писателя оказался недолгим. Борис Григорьевич умер в Париже в 1950 г. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Наследие. Коллеги и друзья

Критики всегда отмечали сильный автобиографический элемент в творчестве Б. Г. Пантелеймонова. Профессор Софийского университета, историк и литературовед П. М. Бицилли отмечал, что, «в сущности, все его вещи автобиографичны: ведь и “Маклаево братство” символически выражает то же, что высказано во всех рассказах, посвященных дяде Володе»³². «Маклаево братство» повествует о путешествии русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. «Его жизнь среди дикарей — правдивая повесть. Повесть каменного века, удивительно честная, как непреложно честен был этот святой от науки», — читаем в книге «Звериный знак»³³.

Другому «святому от науки» — Д. И. Менделееву — посвящена одноименная повесть. Биография ученого-земляка оказала влияние не только на профессиональное становление Бориса Пантелеймонова, но и на его гражданскую позицию. «Он вознесся над землей — только Россия, ее пути в веках. Центр рано или поздно должен оказаться в Сибири. Сто восемьдесят народов Рос-

сии. Шестая часть земли. Но треть ее за Полярным кругом, безжизненна, мертва. Седьмая часть страны — пустыня. Изменим, изменим, изменим все это! Каналы, рельсы избороздят эти земли», — оптимистично и убежденно утверждает Пантелеймонов устами Менделеева.

Всю свою жизнь Борис Григорьевич находился в поиске «золотого числа»: «как бы ни были различны люди, какие бы века их ни разделяли — ощущение золотого числа свойственно всем и оно для всех одно и то же»³⁴. Именно так — «Золотое число» — названа последняя прижизненная книга Бориса Григорьевича.

Борис Пантелеймонов дружил с русскими писателями-эмигрантами. Воспоминания, письма позволяют узнать то особое, что дополняет образ, сложившийся из прочитанных книг.

А. М. Ремизов так вспоминал о первой встрече с Пантелеймоновым: «Это был не по возрасту белый с зеленью, обветренный в кирпич, в черном сюртуке — в Париже о таких костюмах забыли — тонкий, и ничего отталкивающего». В кругу друзей семьи его стали звать Иерусалимский. По воспоминаниям Алексея Михайловича, имея «жеванный в сеть» импермеабль (плащ), «он все хотел, сердце отзывчивое, помочь нам достать денег». Через непродолжительное время «ему повалило счастье: он открыл лабораторию в Монруже, там и обосновался — целый дом». Позднее его стали звать Стекольный мастер или Стекольщик: «Пантелеймонов изобрел “синтетическое” стекло, заливает цветы и мелких зверей, и они у него под стеклом, как живые...»

Н. А. Тэффи оставила читателям мемуарный очерк «Мой друг Борис Пантелеймонов». Важные детали, которые дают возможность узнать о творческой дружбе:

³¹ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. М., 2005. Т. 4. С. 150.

³² Бицилли П. Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье, 1949, № 39—41, с. 200.

³³ Пантелеймонов Б. Звериный знак. — Париж, 1948. — С. 9.

³⁴ Пантелеймонов Б. Золотое число. — Париж, 1949. — С. 90.

Мы любили собираться втроем: Бунин, он и я. Было хорошо. Бунин подшучивал над “молодым автором”. Тот весь излучался от радости этого общения.

<...>

...Бунин писал иногда на полях рукописи: “Что за косноязычие!” ...Пантелеймонов отстаивал свои новые формы. Слушался только того, что дается долгим опытом: избегал длинот, некрасивых аллитераций, лишних слов — вообще технической стороны литературной работы. Но свое главное отстаивал и хранил свято. Да именно это главное я и ценила больше всего.

А вот что писала Н. А. Тэффи о читательских откликах:

У него было много незнакомых друзей-читателей. Он вел огромную переписку. Ему писали профессора, и светские дамы, и смотритель вулканов с каких-то диких островов, и доктор Ди-Пи, и чиновник трансатлантического парохода, и все письма были ласковые и благодарные.

Сохранилось рукописное посвящение-автограф: «Надежде Александровне Тэффи, очаровательной, несравненной, умной, исключительно благодарный Б. Пантелеймонов».

В письмах Ивана Бунина также слышны отголоски добросердечных человеческих отношений. «Седой канадский тигр», «дорогой дядя Боря», «сын трудового народа», «любезный князь Мышкин», «Патриот Патриотович», «дорогой таежник», «милый друг», «любезный собрат», «Пантелей Менделеевич Миклухо-Маклай» — это бунинские обращения к Борису Григорьевичу, порою метко отражающие тематику произведений начинающего писателя.

Поэт, литературный критик и переводчик Георгий Адамович утверждал, что «именно у Бориса Пантелеймонова, состоятельного человека, довольно популярного в то время писателя, которому покровительствовала Тэффи», познакомился «еще полный сил и даже замыслов» Иван Бунин с Константином Си-

моновым, советским поэтом, писателем, общественным деятелем³⁵.

Литературный критик Леонид Галич вспоминал:

Я встретил в моей длинной и пестрой жизни только двух людей, у которых совсем не было врагов: выдуманного Алешу Карамазова и лучившегося жизнью и жизнерадостностью Пантелеймонова. <...> Пантелеймонов называет злом всякое гневное и даже просто неласковое движение души. Добро у него почти совпадает с лаской и ласковостью, и это видно с самых первых его рассказов. Он был прав, когда писал мне, что сам «служит по доброму департаменту». Ласковый он был ко всякому человеку, ко всему живому.

...Особый мир или хотя бы особый мирок Пантелеймонова тоже обогащает и преображает наш, во многом скудный, во многом удручающий мир. Веселым, сильным, грациозным пловцом бросился шестидесятилетний новичок Пантелеймонов в реку искусства³⁶.

В литературно-художественном ежемесячнике «Дело», посвященном памяти Бориса Григорьевича, опубликована его фотография за рабочим столом. Внизу подпись:

Тамара Ивановна Пантелеймонова пишет: «Борис очень любил свой письменный стол, и на нем было много “игрушек” — всякие образцы его химических изобретений, собственноручные модели разных замысловатых машинок, под стеклом, покрывающим стол, разложены коллекции русских бумажных рублей и миллионов. Когда у нас была еще обезьянка, она сидела у него на плече, спрятав голову за ухо. И так они работали часами.

О своей обезьяне Васке Борис Григорьевич напишет в короткой вступительной части к повести «Маклаево братство». Оценивая эту первую главу с

³⁵ Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав. и коммент. В. Крейд. — М.: Республика, 1994. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1790-1.shtml Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

³⁶ Дело, 1951, № 3.

названием «Человек и зверь», И. А. Бунин замечает: «Васькой, Вашими чувствами к нему Вы наконец меня очень пронзили, эти чувства — большое доказательство, что Вы, кажется, и впрямь очень хороший человек, сердечный, поэт, каковым и должен быть, непременно должен быть писатель»³⁷. В переписке двух писателей упоминается ряд произведений Бориса Григорьевича. Особенно необычным, новым для русской литературы оказался рассказ «Цыгане». «Лукавство, дичь, удаль, жуть и хмель воли. Очерк не читаешь, а пьешь, как вино, и дичаешь вместе с цыганенком Гэто», — писал в 1951 г. ежемесячник «Дело».

И. А. Бунин, получив известие о смерти Пантелеймонова, в одном из своих писем сообщил: «Я так плакал, как давно, давно не плакал. Я только теперь узнал, как я любил его!»³⁸ В последней записи в дневнике 2 мая 1953 г., за несколько месяцев до своей кончины, Бунин написал: «Через некоторое очень малое время меня не будет — и дела, и судьбы всего, всего будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!»³⁹

Они оказались похоронены по соседству: в 1950-м — Б. Г. Пантелеймонов, в 1952-м — в ближайшем ряду, совсем рядом, слева — Н. А. Тэффи, а в 1953-м — на следующей «улице», у широкой дорожки, первым — И. А. Бунин. Своей дружбе они остались верны навечно.

Рассказ «Сполохи» — «начало большой вещи, оставшейся на “смертном столе”», как и другие последние рассказы, — наполнен философскими размышлениями, глубокой трагичностью жизненных историй:

³⁷ Из письма И. А. Бунина — Б. Г. Пантелеймонову от 12 января 1948 года // И. А. Бунин. Полное собрание сочинений в 13 томах. — М., 2006. — Т. 13, с. 186.

³⁸ Крылов А. Последний классик // Российские вести, 2000, 20 сентября, № 135 (1555), с.12—13.

³⁹ Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. — М., 2006. — С. 232.

И разве мы случайны в мире? Свежий воздух и раскрытое после грозы окно,дыханье цветка, радостное утро, дружба. Прекраснодушная улыбка собаки. Журажуравель пляшет на лугу. Смеясь от холодной воды, купальщик выскакивает на берег. Восходит солнце.

И любовь. Радостная суть земли. Каждый светлый миг жизни — любовь. Божественная власть ее окружить все голы ореолом⁴⁰.

О литературном таланте Б. Г. Пантелеймонова знали не только во Франции и Америке. В письме С. К. Маковскому от 3 августа 1947 г. Борис Григорьевич пишет:

Представьте, книжка уже почти вся разошлась. Выписали для Африки, для Америки и в особенности Канада. Там мне подвезло. Меня нашел мой учитель русского языка по гимназии, значит, знал меня почти 45 лет назад. Когда мы снова познакомились, то он прислал мне чрезвычайно лестное письмо и востребовал сразу 100 экземпляров, так как во всех школах для русского языка и русских — «Зеленый шум» введен для чтения.

Упоминаются письма из Парижа, Нью-Йорка, Африки, Бельгии:

Вообще у меня уже коллекция писем от значительных лиц и такое содержание, что если бы не 60 — голова закружилась бы. Удивительно, что даже Г. В. Адамович почувствовал. Я думал, что от Муромцева до Монпарнаса дорога чересчур далека. Еще раз спасибо Вам за помощь. Внешне книга тоже всем нравится. Типография преподнесла мне два экземпляра «люкс». Книга выглядит огромной, толстой⁴¹.

В России первым опубликованным произведением Пантелеймонова стал рассказ «Беглый», подготовленный к печати В. В. Лавровым, советским литературоведом, писателем, автором более двадцати книг, в том числе о творчестве И. А. Бунина и судьбах русской эми-

⁴⁰ Пантелеймонов Б. Г. Ессе amor // Дело, 1951, № 3.

⁴¹ РГАЛИ, ф. 5212, оп. 1, ед. хр. 363, л. 2—2об.

грации. Известный литературовед Ив. Тхоржевский отмечал: «Борис Пантелеймонов — яркий, сочный талант, со своеобразным подходом к жизни, остро-выразительным “сибирским” языком. Его рассказ “Беглый” по силе производимого впечатления — одна из лучших вещей, появившихся на русском языке (да и только ли на русском?) за последние годы. Рассказано изумительно»⁴².

Из рецензии Н. А. Тэффи:

Чудесен быт таежный, с его путевыми приметами, как пробраться, чтобы не сбиться, как уберечься от зверя, от лихого беглого варнака. Идешь вместе с охотником и чувствуешь, как овладевает им тайна тайги, как хочет он «проникнуться лесом, слиться с ним, как вот этот червяк, лежащий в ладони листа березы».

Рассказывается встреча с беглым. Двое их в лесу, и каждый другому не верит, и каждый другого боится. Но живут тесной общей жизнью, делят пополам последний кусочек хлеба, переживают страшный лесной пожар. И чувствуют друг друга душой. Природа и два человека, два близких. И вот открывается, что каторжник «верит в доброту жизни». И когда оба обречены на гибель, беглый преступник жертвует собой для спасения товарища.

Первая книга автора — «Приключения дяди Володи» — вышла в России в 1992 г. в издательстве «Русская книга» при участии Станислава Степановича Никоненко, журналиста, литературоведа, прозаика, поэта, сценариста, переводчика, члена Московского союза литераторов. В последующие годы им опубликовано несколько статей о Борисе Григорьевиче. В объемном издании РАН «Литературная энциклопедия русского зарубежья» в разделе «Писатели русского зарубежья» размещена статья С. С. Никоненко о Б. Г. Пантелеймонове, которая заканчивается ссылкой на мнение современника, о том что «во всей новейшей русской литературе не было столь увлекательного и столь христианского рассказа,

считая со времени появления “Хозяина и работника” Л. Н. Толстого и до наших дней, как “Беглый” Бориса Пантелеймонова». Исследователь делает следующий вывод: «Рассказ этот о беглом каторжнике, спасшем ценой собственной жизни поверившего в него человека, служит как бы квинтэссенцией убеждений и устремлений Пантелеймонова, полагавшего, что именно доброта и вера спасут мир, что любой человек — добр, что добро порождает добро»⁴³.

В 2004 г. продолжилось «возращение» Б. Г. Пантелеймонова к российскому читателю. В журнале «Кентавр. Исторический бестселлер»⁴⁴ впервые опубликована повесть «Менделеев».

Подчеркивая мастерство, неожиданность и непринужденность художественных приемов Пантелеймонова, Леонид Галич также отметил короткий рассказ «Родная дорога»: «Написав этот неповторимый рассказ, Пантелеймонов ввел себя и свою пантелеймоновскую манеру во все будущие хрестоматии. Такого мастерства в передаче читателю теплых трепетов полуприродной, получеловеческой жизни не было еще в нашей литературе»⁴⁵. По воспоминаниям Н. А. Тэффи, этот маленький рассказ ее, «внимательно следившую за каждой его строчкой, даже удивил. А Бунин сказал автору: “Не стоит писать такие вещи. Кто их оценит по-настоящему! Многие ли?”»⁴⁶.

Лирический герой рассказа колесит по осенней «кондовой Руси» — «плодовитой, хмельной, разгульной», через «лески, перелески, поля, желтое жниво, скошенный луг, стога, зеленые скаты хол-

⁴³ Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. — М., 1997. — С. 305.

⁴⁴ Пантелеймонов Б. Менделеев: повесть / И. Сургучев. Детство императора: повесть / М.: Подвиг, 2004. — 256 с.: ил. — Кентавр. Исторический бестселлер; № 4 (литературный редактор — писатель В. Крапивин).

⁴⁵ Галич Л. Как и каким увидел я Пантелеймонова // Дело, 1951, № 3, с. 20.

⁴⁶ Тэффи Н. А. Мой друг Борис Пантелеймонов // Тэффи Н. А. Смешное в печальном. — М., 1992. — С. 480.

⁴² Москва, 1991, № 11, с. 75.

мов, в изумрудах озимые»⁴⁷. Знакомая картина: «В грядах торчат высокие черные прутья, перепутанные засохшим горохом, валяется завядшая ботва моркови и репы, выступают из земли одервенелые кочерыжки срезанной капусты, стволы обезглавленных подсолнухов, на одной гряде еще желтеют огурцы, выглядывая из-под шершавых зубчатых листьев». Сюжетные зарисовки, сочные краски создают полотно мастера. Фактурные детали позволяют ярко увидеть происходящее: «десять раз обглоданная кость», «Золушка — в белой холщовой рубаше, смешные косички, вся в веснушках, глаза кипучая синь», «волос... льняной, нос пуговкой», «замирает, боясь пошевелиться, — обрадованное лаской животное», «дрянная лошаденка, прикрыта наполовину дырявой рогожей»... Через подобные образы-символы мы познаем свое родное.

Надежда Александровна Тэффи писала:

Возьмите двадцать строк из любого его рассказа — описание природы, размышления, диалог — не спутаете ни с кем. <...> Почти вся книга посвящена Сибири. Не новой, не старой, а вечной, с ее лесами, реками, таежными зверями и птицами. Живая Сибирь.

...Лад (не люблю слова «стиль») у Пантелеймонова свой особый. Своя напевность. Иногда кажется она неправильной, может быть, оттого, что необычна. Но ясно, что сделано так не по небрежности, а сознательно. Вот в одной фразе три времени. Прошлое, настоящее и будущее: «Я не обратил внимания, что Алексей делает знаки, и закричу радостно».

Первые два одновременных глагола еще могут быть вместе, но третий выпадает из плана времени. <...> Однако чувствуется, что автор на этом настаивает, ища новых форм⁴⁸.

⁴⁷ Пантелеймонов Б. Родная дорога // Зеленый шум. — Париж, 1947. — С. 233—237.

⁴⁸ Тэффи Н. А. «Зеленый шум» // Новоселье, 1948, № 37—38, с. 141.

После выхода последней прижизненной книги «Золотое число» Н. А. Тэффи подвела некоторые итоги:

Критики всех направлений и всех направлений отметили его исключительными похвалами. Много было серьезных споров о его стиле, чрезвычайно своеобразном. Но все разногласия примирялись на одном общем мнении: талантлив необычайно... Он уже занял место в первых рядах не зарубежной, а нашей большой русской литературы⁴⁹.

Секретарь И. А. Бунина А. В. Бахрах вспоминал, что «Пантелеймонов никому не давал посягать на свою весьма вольную и даже разнузданную грамматику, сохраняя в целостности свои «восхитительные непотребства»».

Профессор П. М. Бицилли писал:

Пантелеймонов чувствует внутреннюю форму слова, как это есть у Гоголя и Толстого. Есть у него еще «фразы-периоды», гроздя нескольких структурно-разнородных «самостоятельных» фраз — так то же и у Толстого, у Ремизова, у Шолохова: это-то и способствует тому, что каждая отдельная фраза в данной «грозди» воспринимается не как суждение, а как образ-символ, как одно слово. А это ведь и есть условие художественности речи, ее поэтичности...⁵⁰

Анализируя стиль Пантелеймонова, ученый утверждал:

...Нет ни одной строчки, которой учитель «словесности» не подчеркнул бы красным карандашом.

Раз так, то почему эти вещи нас очаровывают? Почему нам кажется, что мы путешествовали с дядей Володей на «Святом Владимире»? Почему не только дядя Володя, но и обезьяна Васька и даже Святое озеро живут — в буквальном смысле этого слова — в нашем сознании? Именно потому, что они так описаны. Автор ни о чем не повествует,

⁴⁹ Тэффи Н. А. «Золотое число» // Новоселье, 1950, № 42—44, с. 224.

⁵⁰ Бицилли П. М. // Пантелеймонов Б. «Зеленый шум». Отзывы печати. Нью-Йорк, 1948. С. 3.

ничего не объясняет, только — показывает⁵¹.

«В творчестве Бориса Пантелеймонова слышны отголоски то Бунина, то Ремизова, то Мамина-Сибиряка, то Пришвина. Но это только отголоски. За всем тем — Пантелеймонов самостоятельный, оригинальный художник, со своим ощущением жизни, — писал литературный критик В. Завалишин. — ...Пантелеймонов умеет быть увлекательным. Прозрачность и ясность рисунка его

рассказов, необычные художественные образы, это качества Пантелеймонова как писателя»⁵².

Читать произведения Бориса Григорьевича легко: увлекает сюжетная линия, манит переплетение звуков. Словно кружевные узоры, возникают переливчатые интонации авторской речи. Чарует эмоциональность текста, неповторимая чеканность, изысканная обоснованность каждого слова и отточенность фраз.

⁵¹ Бицилли П.М. Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. Нью-Йорк — Париж, 1949. № 39—41. С. 199.

⁵² Завалишин В. Б. Пантелеймонов. Последняя книга. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк. 1952 г. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1953. Кн. XXXIII. С. 317.

Светлана БЕЛЯЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МИРЫ ЯКОВА ЯКОВЛЕВА

30 апреля 2017 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Якова Яковлевича Яковлева — прекрасного мастера гравюры, значительная часть творческой биографии которого связана с Новосибирском.

Будущий художник родился в 1947 г. в Южно-Сахалинске. Окончив архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева (1965—1970), он остался там в качестве преподавателя (1970—1974). Новосибирский период (в 1983 г. Яков Яковлевич переехал во Владимир) оказался для художника активным и плодотворным. В 1975 г. он был принят в Союз художников СССР, в 1976-м — вошел в состав комиссии по работе с молодыми художниками; был членом правления Новосибирского отделения Союза художников, графической комиссии РСФСР, зонального выставкома. В эти годы Яковлев активно участвует в выставках разного уровня — областных, республиканских, всесоюзных, международных, неоднократно оказываясь их лауреатом.

В фондах Новосибирского художественного музея хранится двадцать девять произведений Я. Я. Яковлева. Созданные на протяжении чуть более десяти лет, они дают возможность проследить изменения художественного языка мастера, увидеть особенности разных этапов его творчества.

Уже в самом раннем из находящихся в музее произведений художника — гравюре «Причал» серии «Рыбаки озера Яркуль» (1975) — заметна романтическая интерпретация прозаического сюжета, что нередко встречается и в более поздних его работах. Кажущаяся темной нижняя половина композиции представляет собой реалистически трактованные сцены из жизни рыбаков с множеством мелких персонажей и проработанных бытовых деталей, создающих ощущение некоторой перегруженности и дробности изображения. Ей противопоставлена неожиданно лаконичная, почти пустая, ослепительно светлая верхняя часть листа с несколькими прекрасными парящими белыми птицами, которые словно возникают из воздуха, как мираж, видение, и вызывают у зрителя чувство радости и полета.

Гравюра «На реке Таган V (Памяти Серкова)» (1976) интересна и как автопортрет художника, и как портрет талантливого новосибирского графика и живописца — Льва Анатольевича Серкова (1937—1975), рано ушедшего из жизни. Представленные в центральной части композиции, казалось бы в одном пространстве, эти два человека оказываются бесконечно далеки друг от друга: образ одного реален, светлая фигура другого, уже не принадлежащая этому миру, — почти бестелесна. Для полного раскрытия темы и более сильного эмоционального воздействия Яковлев прибегает к созда-

нию трехчастной композиции. Помещенный слева небольшой портрет Серкова позволяет внимательнее взглянуть в черты ушедшего художника. Изображенный справа крошечный пейзаж со срубленным деревом и уходящей вглубь дорогой метафоричен, он навеивает мысли об утрате, о бренности всего живого, о жизненном пути. Коричневый фон объединяет все три части композиции, придавая цельность листу.

В черно-белые гравюры второй половины 1970-х гг. Яковлев нередко вводит цвет — приглушенный, обычно не связанный с окраской предметов, но зрительно обогащающий произведение. Кроме того, для данного периода творчества художника характерен прием, позволяющий создать на плоскости листа сложное пространство, одновременно рассказать о многом: неожиданное совмещение в рамках строго реалистической композиции разноплановых, разномасштабных, даже разновременных изображений. Часто в них присутствует недосказанность, метафоричность, вызывающая ряд ассоциаций. Все это побуждает зрителя всматриваться, вдумываться, активно воспринимать изображенное.

Эти особенности отчетливо видны в листе «Воспоминание о празднике в деревне» (1977) из серии «Сибирская деревня». Темная, приглушенная цветовая гамма сельского пейзажа с остовом разрушенной постройки вызывает невеселые мысли. И вдруг в этот суровый мотив подобно вихрю врывается видение прежней жизни: образ этой же деревни, но полной жизни и света, деревни, у которой есть будущее, а не только воспоминания о прошлом. По контрасту с тусклыми красками вокруг спокойный охристый цвет композиционной вставки воспринимается светлым, сияюще-солнечным, а небо — ослепительно голубым. Обилие диагоналей в этом фрагменте, сопоставленных со статичными вертикалями и горизонталями окружения, вносит в него ощущение

стремительного, безудержного движения. Столб с веревками — «гигантские шаги», на которых резвятся дети, — и неправдоподобно низко опустившиеся облака странной формы напоминают корабли с наполненными ветром парусами — легкие светлые суденышки, уплывающие вдаль. Что ждет их впереди? Вглядываясь в изображение, невольно задумываешься о быстротечности времени и причудливости человеческих судеб.

Произведения Яковлева из собрания музея, относящиеся к началу 1980-х гг., в том числе и гравюры из серии «Лесные богатства Сибири», по художественному языку отличаются от рассмотренных выше. О более ранних работах напоминает лишь композиция «Лесной мед» (1980) — обилием персонажей, разномасштабностью фигур, некоторой недоговоренностью и странностью изображенного. Последнее впечатление возникает и от несогласованности отдельных жанровых сцен, каждая из которых словно существует сама по себе, и от нереальности, необычности некоторых деталей, например крыльца, которое переходит в неожиданно вздыбившийся пол, или персонажа справа, фигура которого вдруг повторяется чуть глубже, но в большем масштабе.

Но в других листах этой серии уже прослеживаются новые тенденции. В этих композициях художник реже использует цвет, отказывается от разномасштабных изображений, придерживаясь строго реалистической трактовки сюжетов. Основной его темой становится окружающий мир и человек в нем. Люди показаны обычно в повседневном труде, во взаимодействии с природой. Значительность человека проявляется именно в этом единении, в осознании себя неотделимой частью окружающего мира.

Художник с огромным мастерством передает на двухмерной плоскости листа глубину пространства, бескрайность просторов. Прекрасные, наполненные

воздухом дали присутствуют — хотя бы в виде фрагмента — в каждой композиции. Яковлев отказывается от цвета, но удивительно, что эти черно-белые листы воспринимаются как живописные — настолько полно отражена в них красота и богатство природы. Художник часто выбирает низкую линию горизонта — и потрясающе высокое, всегда неповторимое небо становится одним из главных «персонажей» каждой работы. Произведения Яковлева этого периода буквально залиты светом. Солнечное сияние передается благодаря резким контрастам освещенных и теневых участков, насыщенным падающим теням. Главным чувством, возникающим при созерцании этих гравюр, оказывается ощущение полной гармонии: гармоничная природа, гармония человека и окружающего его мира, гармония человека с самим собой. Нет мучительных размышлений, исканий, страданий. Творчество Яковлева этого периода отличается удивительно светлым, позитивным восприятием мира и человека в нем.

Художник часто прибегает к созданию серий, стремясь к наиболее полному

раскрытию темы. Для работы «Жаркий полдень» из серии 1981—1982 гг., получившей очень емкое название «Деревня, мир, тишина», он выбирает формат, близкий к квадрату, — формат, позволяющий наиболее полно передать ощущение завершенности и гармонии. Простой деревенский мотив становится монументальным и значительным.

Постепенно в творчестве Яковлева появляются другие сюжеты, иные жизненные приоритеты. В 1983 г. семья художника переезжает из Новосибирска во Владимир. В 1992 г. Яков Яковлевич принимает сан священника, в 1997-м — пострижен в монашество с именем Иннокентий, в 2011-м — наречен епископом Нижнетагильским и Серовским.

Произведения Я. Я. Яковлева отличаются индивидуальностью авторского видения, своеобразием претворения жизненных впечатлений в графические образы, сложностью и философской глубиной, созданием своего особого художественного пространства, требующего внимательного и вдумчивого постижения.

АВТОРЫ НОМЕРА

Беляева Светлана Анатольевна — главный хранитель Новосибирского государственного художественного музея.

Бимаев Анатолий Владимирович родился в 1987 г. в пос. Солнечном Красноярского края. Окончил юридический факультет Хакасского государственного университета. Работал таксистом, риелтором, пресс-секретарем, копирайтером. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Абакан» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Катерова Татьяна Рудольфовна родилась в 1960 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт культуры. Кандидат филологических наук. Работает в Российской национальной библиотеке. Живет в Санкт-Петербурге.

Кулишкин Георгий Семенович родился в 1950 г. в Харькове. Окончил филологический факультет Харьковского университета. Работал сапожником, строителем, токарем. Один из учредителей и главный редактор альманаха «РХ». Живет в Харькове.

Ливинский Станислав родился в Ставрополе. По образованию фотограф. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссером. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни» и др. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса (2012). Автор книги стихов «А где здесь наши?» (2013). Живет в Ставрополе.

Лушников Андрей Евстафьевич родился в 1964 г. в Рубцовске. Окончил Алтайский государственный университет. Работает электромонтером на Вологодском вагоноремонтном заводе. Публиковался в журналах «Алтай», «Барнаул». Автор трех книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

Махнанова Ирина Алексеевна — литературовед, ученый секретарь Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского. Живет в Омске.

Проталин Борис Евстафьевич родился в 1950 г. в с. Прохоркино Александровского района Томской области. Окончил Новосибирское театральное училище и Высшую профсоюзную школу культуры при ВЦСПС. Собирает фольклора. Художественный руководитель Областного центра русского

фольклора и этнографии. Публиковался в журналах «Сибирская горница», «Новосибирск». Автор повести «Бабушка» (2012). Живет в Новосибирске.

Рожков Виктор Петрович (1920—2006) родился в Омске. Окончил Одесское мореходное училище. Во время Великой Отечественной войны служил на торпедных катерах. После демобилизации более 20 лет водил по Иртышу и Оби сухогруз СТ-5. Был корреспондентом Омского радио. Автор повестей и романов «За морем — Мангазея», «Киприанов след», «Срочный рейс», «Черный туман» и др. Умер в 2006 г. в Омске.

Трошкина Рита родилась в Крыму. Окончила филологический факультет Латвийского университета. Работала главным редактором журнала «Балтийский сезон». В настоящее время ведет благотворительную культурно-просветительскую радиопрограмму «Зеленая лампа». Дважды лауреат премии «Янтарное перо». Живет в Риге.

Федорищева Юлия Владимировна родилась в 1986 г. в Новосибирске. Окончила Новосибирский технический университет и Сибирскую академию государственной службы. Автор двух книг — прозы и стихов. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Ликбез» и др. Работает в Новосибирском государственном художественном музее. Живет в Новосибирске.

Чернов Юрий Владимирович родился в селе Мамонтово Алтайского края в 1937 г. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Работал в газетах Казахстана и Сибири. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Пионер» и др. Автор книг «Кому поют жаворонки» (1979), «Сумасшедшая трясогузка» (2003), «Какие мне снятся охоты» (2012) и др. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Новосибирске.

Шереметева Майя родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Новосибирского государственного педагогического университета. Публиковалась в журналах «Крещатик», «Зинзивер», «Дети Ра» и др. Автор двух сборников стихов и ряда переводов из армянской поэзии. В «Сибирских огнях» публикуется впервые. Живет в Санкт-Петербурге и Новосибирске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел.: (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 1.06.2017 г. Дата выхода № 7 за 2017 г. в свет 3.07.2017 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Цена свободная.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.